

**Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова**

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

№ 2 (14), 2018

ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Гришин Виктор Иванович – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Воронова Татьяна Андреевна – проректор по учебной работе, персоналу и имущественному комплексу Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Георг Става – генеральный секретарь Министерства юстиции Австрии, Президент Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – профессор кафедры финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент НАН Азербайджана, академик НАН Азербайджана, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афаг оглы – вице-президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – ректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Занковский Сергей Сергеевич – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS
LAW
SOCIETY

EDITORIAL
BOARD

Grishin Viktor Ivanovich – Chairman of the Editorial Board, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Voronova Tatiana Andreevna – Vice-Rector for Academic Affairs, HR-Development and Property Complex of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Doctor of Economics, Professor

Georg Stawa – Secretary General of the Austrian Ministry of Justice, President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Professor of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Science (Geology and Mineralogy), Professor

Gurbanov Ramin Afad ogly – Vice-President of CEPEJ, Judge in Baku City, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Rector of the Vitebsk State University named after P. M. Masharov, PhD of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zankovskiy Sergey Sergeevich – Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoliy Yakovlevich – Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Кузнецов Вячеслав Николаевич – президент Фонда поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор

Лалетина Алла Сергеевна – директор по правовому обеспечению и корпоративному управлению «Ростех», доктор юридических наук

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – президент научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GlZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Марченко Михаил Николаевич – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор по научной деятельности Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Михайлов Николай Иванович – начальник Научно-организационного управления Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Мустафазе Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Шамба Тарас Миронович – президент Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Яковлев Вениамин Федорович – советник Президента Российской Федерации, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Kuznetsov Vyacheslav Nikolayevich – President of the Foundation for the Support of the Research of Problems "Eurasian Security", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor

Laletina Alla Sergeevna – Head of Corporate and Legal Department of the State Corporation "Rostec", Doctor of Law

Lisitsyn-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – President of the Scientific-Industrial Corporation "Intellectual Systems", Doctor of Engineering Sciences, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GlZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Marchenko Mikhail Nikolayevich – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector for Research of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mikhailov Nikolai Ivanovich – Head of the Scientific and Organizational Department of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqilab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Plogin Vladimir Nikolaevich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region, Doctor of law, Professor

Fatyayov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State and Legal and Criminal Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Shamba Taras Mironovich – President of the Bar Association of Moscow "TAMIR", Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Yakovlev Veniamin Fedorovich – Adviser to the President of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:

ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:

117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru

Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместитель главного редактора **А. М. Белялова**
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова**
Редактор **Ю. А. Еремина**

Оформление обложки **К. Г. Жигалов**

Подписано в печать 02.07.2018. Формат 70 x 108 1/16.

Печ. л. 10,0. Усл.-печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 17,01. Тираж 500 экз. Заказ.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».

117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:

36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru

Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editor **A. M. Belyalova**
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova**
Editor **Yu. A. Eremina**

Cover design **K. G. Zhigalov**

Signed in print 02.07.2018. Format 70 x 108 1/16.

Printed sheets 10,0. Conv. sheets 14,0. Publ. sheets 17,01. Circulation 500. Order

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.

36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К 35-летию творческой деятельности академика Т. Я. Хабриевой</i>	8
<i>К юбилею академика А. Л. Журавлева</i>	9
Евразийская интеграция	
Курбанов Р. А., Налетов К. И.	
<i>Правовые аспекты обеспечения конкурентоспособности российской экономики с использованием преимуществ евразийской интеграции</i>	10
Правовые основы цифровой экономики	
Васильев Ф. П.	
<i>Профилактика правонарушений в сфере цифровой экономики</i>	15
Лубягина Д. Б.	
<i>Цифровые технологии и их роль в снижении рисков на рынке ценных бумаг</i>	22
Зульфугарзаде Т. Э.	
<i>Особенности правового обеспечения смарт-контрактов</i>	28
Левитин В. Б.	
<i>Гармонизация правовых основ выпуска в обращение и эксплуатации маломерных судов как фактор взаимодействия в сфере цифровых информационных технологий государств – членов ЕАЭС (проблемные аспекты)</i>	35
Гражданское право и процесс	
Рузакова О. А.	
<i>Новеллы об опционах в гражданско-правовых отношениях</i>	44
Беялова А. М.	
<i>Правопреемство при реорганизации юридических лиц</i>	53
Ершов О. Г.	
<i>Так ли неконституционна статья 302 ГК РФ, или Вопросы законодателю о наследовании выморочного имущества</i>	61
Кобахидзе Д. И.	
<i>Третейская реформа и обеспечительные меры в арбитраже</i>	68
Предпринимательское право	
Пушкареев М. С.	
<i>Виды предпринимательских правоотношений, основанных на концепции интернета вещей (IoT)</i>	77
Сравнительное правоведение	
Сувдаа Д.	
<i>Вопросы развития и финансирования малых и средних предприятий</i>	84
Щанкина Л. Н.	
<i>Обычное право как регулятор семейно-брачных отношений татар-мишарей Республики Мордовии</i>	97

Плехановская школа молодых ученых	
Дюкарева А. А., Позднякова В. С.	
Обеспечение защиты интеллектуальных прав в России в сети Интернет.	105
Анализ судебной практики и зарубежного опыта	
Цогт У.	
Совершенствование правоприменительной практики в сфере международных частноправовых договорных отношений	112
Викторова В. А.	
К вопросу нарушения прав миноритарных акционеров и способов защиты этих прав	119
Круглов В. В.	
Динамика цен на жилую и коммерческую недвижимость, расположенную вблизи больших спортивных арен	126
Храилова А. В.	
Актуальные вопросы правового регулирования передачи недвижимости по договору аренды зданий и сооружений	134
Давыдов Р. Х.	
Современное экономическое и правовое значение криптовалют в Российской Федерации	140
Тюрин И. В., Горшелева Н. А., Митюшина А. В.	
Правовое регулирование реализации государственной программы о "дальневосточном гектаре" и возможные риски, связанные с ней	145
Рецензии	
Василевич В. А.	
Рецензия на статью А. М. Джафарова «Доктрина разделения властей и проблема ее реализации в странах СНГ»	151
Гусейнов Л. Г.	
Рецензия на статью А. М. Джафарова «Доктрина разделения властей и проблема ее реализации в странах СНГ»	154
Требования к публикациям	156

CONTENTS

<i>To the 35th Anniversary of the Creative Activity of Academician T. Y. Khabrieva</i>	8
<i>To the Anniversary of Academician A. L. Zhuravlev</i>	9
Eurasian Integration	
Kurbanov R. A., Naletov K. I.	
<i>Legal Aspects of Ensuring the Competitiveness of the Russian Economy Using the Advantages of Eurasian Integration</i>	10
Legal Foundations of the Digital Economy	
Vasiliev F. P.	
<i>Prevention of Offenses in the Digital Economy</i>	15
Lubyagina D. B.	
<i>Digital Technologies and Their Role in Reducing the Risks on the Securities Market</i>	22
Zulfugarzade T. E.	
<i>Features of Legal Enforcement of Smart Contracts</i>	28
Levitin V. B.	
<i>Harmonization of Legal Bases for Release into Circulation and Exploitation of Small Vessels as a Factor of Interaction in the Field of Digital Information Technologies of the EEA Member States (Problematic Aspects)</i>	35
Civil Law and Procedure	
Rusakova O. A.	
<i>Novels on Options in Civil Law Relations</i>	44
Belyalova A. M.	
<i>Succession in Reorganization of Legal Entities</i>	53
Ershov O. G.	
<i>Is it so Unconstitutional Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation or Questions to the Legislator About the Inheritance of Escheating Property</i>	61
Kobakhidze D. I.	
<i>Arbitration Reform and Interim Measures In Arbitration</i>	68
Business Law	
Pushkarev M. S.	
<i>Types of Business Relations Based on the Concept of Internet of Things (IoT)</i>	77
Comparative Law	
Suudaa D.	
<i>Issues of Development and Financing of Small and Medium-Sized Enterprises</i>	84
Shchankina L. N.	
<i>Customary Law as a Regulator of Marital Relations of Tatars-Mishars of the Republic of Mordovia</i>	97

Plekhanov School of Young Scientists	
Dyukareva A. A., Pozdnyakova V. S.	
<i>Ensuring the Protection of Intellectual Property Rights in Russia on the Internet. Analysis of Judicial Practice and Foreign Experience</i>	105
Tsogt U.	
<i>Improvement of Legal Enforcement Practice in the Sphere of the International Private Law Contractual Relations</i>	112
Viktorova V. A.	
<i>To the Issue of Violation of the Rights of Minority Shareholders and Ways to Protect these Rights</i>	119
Kruglov V. V.	
<i>Dynamics of Prices for Residential and Commercial Property Located Near the Big Sports Arenas</i>	126
Khramilova A. V.	
<i>Power of Attorney as a Dynamically Developing Civil Law Institute</i>	134
Davydov R. H.	
<i>The Current Economic and Legal Significance of the Crypto-Currency in the Russian Federation</i>	140
Tyurin I. V., Gorsheljova N. A., Mityushina A. V.	
<i>Legal Regulation of the Implementation of the State Program "Far Eastern Hectare" and the Possible Risks Associated with It</i>	145
Reviews	
Vasilevich V. A.	
<i>A Review of the Article by A. M. Jafarov "The Doctrine of Separation of Powers and the Problem of its Implementation in CIS Countries"</i>	151
Huseynov L. H.	
<i>A Review of the Article by A. M. Jafarov "The Doctrine of Separation of Powers and the Problem of its Implementation in CIS Countries"</i>	154
Requirements to the Publications	156

35-летие творческой деятельности
директора Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, академика РАН
Талии Ярулловны Хабриевой

Талия Ярулловна Хабриева – директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, действительный член Международной академии сравнительного права (IACL, штаб-квартира – Париж, Франция), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венцианской комиссии Совета Европы).

Академик Т. Я. Хабриева – известный ученый-юрист, автор свыше 300 научных работ, опубликованных в ведущих отечественных и иностранных изданиях и хорошо известных российским и зарубежным правоведам. Она является признанным специалистом в области конституционного права, на базе изучения конституционного опыта развития России и зарубежных стран и авторской типологии современных конституций, обосновала предложения для регулирования общественных отношений современной эпохи в условиях динамично развивающегося постиндустриального, социализированного и демократического об-

щества. Она внесла весомый вклад в развитие современной теории права, методологии толкования права, ею впервые разработаны теоретические основы телеологического толкования закона, раскрыты его возможности в правотворчестве. Наряду с изучением «классических» проблем правоведения и государственоведения Новым перспективным направлением в юридической доктрине, которое возникло во многом благодаря ее трудам, стала конституционная герменевтика. Значительный вклад Т. Я. Хабриева внесла в становление и развитие правовых детерминант инновационного развития экономики. Она впервые в отечественной юридической науке провела комплексные правовые исследования форм самоопределения этносов в условиях возрастающей миграции населения.

Она входит в состав Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России, является членом диссертационных советов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и членом Попечительского совета Казанского (Приволжского) федерального университета. В качестве эксперта принимает участие в деятельности многих консультативных и совещательных органов: Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции; Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам государственной службы и резерва управленческих кадров; Комиссии по вопросам совершенствования законодательства и правоприменительной практики Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям и др.

Вклад Т. Я. Хабриевой в развитие правовой науки высоко оценен российским научным академическим и юридическим сообществом – она удостоена Золотой медали РАН им. М. М. Сперанского и является Лауреатом премии им. В. А. Туманова (учреждена Конституционным судом Российской Федерации, Верховным судом Российской Федерации и Ассоциацией юристов России).

9 июня исполняется 70 лет
Научному руководителю Института психологии РАН,
академику РАН Анатолию Лактионовичу Журавлеву

Анатолий Лактионович Журавлев начал свою научную и преподавательскую деятельность в 1972 г. на кафедре общей психологии Ярославского государственного университета. С 1976 г. он работает в Институте психологии АН СССР (с 1992 г. – Институт психологии РАН), и в это же время им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук.

С 1981 по 1986 г. работает в должности старшего научного сотрудника. С 1986–1987 г. – ведущий научный сотрудник, а с 1987 (и по 2016 г.) становится заведующим лабораторией социальной психологии. В 1999 г. ему была присуждена ученая степень доктора психологических наук. С 2000 по 2002 г. являлся заместителем директора по науке, а с 2002 по 2017 г. – директор института психологии РАН. В 2008 г. избран членом-корреспондентом, а с 2016 г. – академик РАН. В 2018 г. становится научным руководителем института.

На протяжении многих лет деятельность А. Л. Журавлева связана с исследованиями психологических особенностей личности и деятельности различных категорий руководителей, психологических методов и стилей

руководства, управления социально-психологическими явлениями. Было опубликовано более 800 научных и учебно-методических трудов в России и за рубежом. Все разработки и теоретические обобщения признаны научной общественностью и используются в различных сферах. А. Л. Журавлев принимает активное участие в экспертной деятельности и является членом Президиума научно-методического совета по психологии учебно-методических объединений университетов РФ, а также вице-президентом Федерации психологов образования России.

За многолетний вклад в научную и государственную деятельность А. Л. Журавлев награжден медалью «За трудовое отличие», медалью «В память 850-летия Москвы» и медалью «За вклад в развитие психологической науки». Также ему было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». В 2005 г. он становится Лауреатом Премии Президиума РАН в области психологии имени С. Л. Рубинштейна.

Правовые аспекты обеспечения конкурентоспособности российской экономики с использованием преимуществ евразийской интеграции

Р. А. Курбанов

доктор юридических наук, профессор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

К. И. Налетов

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: kirillnaletov@gmail.com

Legal Aspects of Ensuring the Competitiveness of the Russian Economy Using the Advantages of Eurasian Integration

R. A. Kurbanov

Doctor of Law, Professor, Director of the Research Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

K. I. Naletov

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: kirillnaletov@gmail.com

Аннотация

В представленной статье анализируются возможности получения и использования Россией конкурентных преимуществ в ходе формирования ЕАЭС. Одним из таких факторов является, во-первых, формирование единого частного права ЕАЭС, которое будет сформировано на основе российского гражданского законодательства и практики его применения, и создание третейского суда, рассматривающего споры хозяйствующих субъектов, во-вторых, создание третейского суда, рассматривающего споры хозяйствующих субъектов государств – членов ЕАЭС, который, очевидно, будет ориентироваться на российское законодательство, судебную практику и доктринальные источники.

Ключевые слова: правовое регулирование интеграции, ЕАЭС, применимое право, право ЕАЭС, международный коммерческий арбитраж, третейский суд.

Abstract

The presented article analyzes the possibilities of how Russia can obtain and use the competitive advantages during the formation of the EEU. One of such factors is, firstly, the formation of the unified private law of the EEU, which will be formed on the basis of Russian civil legislation and practice of its application and the creation of an arbitration court that will have jurisdiction over the disputes between economic entities, secondly, the establishment of an arbitration court that will have jurisdiction over the disputes between economic entities of the EEU member states, which will obviously focus on Russian legislation, judicial practice and doctrinal sources.

Keywords: legal regulation of integration, EEU, applicable law, EEU law, the international commercial arbitration, the arbitration court.

Собственно говоря, сам факт создания ЕАЭС является позитивным шагом для обеспечения конкурентного преимущества России в мировой экономике. Произошел качественный скачок от аморфного Содружества Независимых Государств и куда более эффективного, но все же узконаправленного Союза России и Беларуси к обретению новой формы интеграции – Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Примеры такой трансформации случались и ранее: на смену МЕРКОСУР пришел УНАСУР¹ – куда более универсальное интеграционное объединение².

Наиболее значимым качественным изменением, произошедшим с появлением ЕАЭС, стал закрепленный формально приоритет норм международных договоров, заключенных в рамках ЕАЭС, перед нормами национального права. Международные договоры, заключаемые ЕАЭС с третьими государствами, должны соответствовать основным целям, принципам и правилам функционирования ЕАЭС. Кроме того, статья 6 Договора о ЕАЭС установила его приоритет над остальными международными договорами, заключенными его участниками в рамках Евразийского экономического союза.

Несколько десятков международных договоров, которые были заключены до создания ЕАЭС между ее государствами-членами, прекращают действовать в соответствии с приложением 33 Договора ЕАЭС, другие применяются только в той части, в которой они не противоречат Договору ЕАЭС в соответствии со статьей 99. Все законодательство ЕАЭС будет основываться на Договоре ЕАЭС.

При этом априори неверны утверждения об утрате суверенитета государствами – членами ЕАЭС: абзац 2 пункта 1 статьи 6 Договора о ЕАЭС решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета исполняется государствами – членами ЕАЭС именно в

порядке, предусмотренном их национальным законодательством. К тому же они принимаются методом консенсуса, т. е. с согласия всех его участников без исключения. Кроме того, по решению Высшего Евразийского экономического совета определяется перечень так называемых «чувствительных вопросов», по которым решения Коллегии Комиссии принимаются консенсусом. В противном случае решения Комиссии принимаются квалифицированным большинством, что близко к консенсусу. Последнее, кстати, представляет собой проблему в случае расширения количества государств – участников ЕАЭС: очевидно, что чем больше будет участников, тем менее будет вероятность достичь консенсуса (как, впрочем, и квалифицированного большинства) по тому или иному вопросу.

Лишним подтверждением совместимости внутреннего законодательства государств – членов ЕАЭС является то, что в него входят государства, правовая политика которых часто диаметрально противоположна. Например, все члены ЕАЭС являются членами ВТО, тогда как Беларусь имеет лишь статус наблюдателя. Все члены ЕАЭС являются участниками Энергетической хартии и Договора к ней, тогда как Россия не является таковой, а вопрос о возможности применения положений этих документов к отношениям с участием России в период с 1991 по 2011 г. остается открытым после отмены решения третейского суда, сформированного в рамках Постоянной палаты Международного правосудия в Гааге по спору Акционеров ЮКОСА с Российской Федерацией. Все члены ЕАЭС являются участниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. кроме Казахстана. Все государства – члены ЕАЭС являются участниками Вашингтонской конвенции 1965 г., предполагающей рассмотрение споров в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС/ICSID). В целом более 80% всех инвестиционных арбитражных дел рассматриваются именно трибуналами МЦУИС [11]. Юрисдикция в государствах Латинской и Центральной Америки постоянно подвергалась критике. Эта критика имела практические последствия. Так, Ямайка исключила «споры, относящиеся к минералам и иным природным ресурсам» из сферы юрисдикции МЦУИС уже при ратифи-

¹ 23 мая 2008 г. на Третьем Саммите глав государств в г. Бразилиа (Бразилия) между МЕРКОСУР и Андским Сообществом было подписано Конституционное соглашение УНАСУР (El Tratado Constitutivo de Unasur).

² Южноамериканский парламент, Банк Юга (Banco del Sur), Арбитражный Центр УНАСУР. Предполагается создание Уголовного Суда Южноамериканских наций (La Corte Penal Internacional de la Unión de Naciones Suramericanas) [12; 13].

кации ею 8 мая 1974 г. Вашингтонской конвенции 1965 г., подчиняющего споры Ямайки и инвесторов юрисдикции МЦУИС.

Со второй половины 2000-х гг. отношение государств – участников УНАСУР к МЦУИС со стороны латиноамериканских государств стало меняться в худшую сторону ввиду принятия ими ряда решений в пользу иностранных инвесторов.

Так, Венесуэла, Боливия и Эквадор денонсировали Вашингтонскую конвенцию соответственно 24 января 2012 г. (отказ вступил в силу 25 июля 2012 г.), 2 мая 2007 г. (отказ вступил в силу 3 ноября 2007 г.) и 6 июля 2009 г. (отказ вступил в силу 7 января 2010 г.). Бразилия вообще приняла решение не становиться участником Вашингтонской конвенции 1965 г.

Разработчики Вашингтонской конвенции 1965 г. исходили из предпосылки, что более конкретное определение будет дано в национальных законодательствах и/или в двусторонних инвестиционных соглашениях. С другой стороны, отсутствие унифицированного термина «инвестиционный спор» в Вашингтонской конвенции 1965 г. связано с отсутствием общепринятого понятия «инвестиция», которое несет риск смешивания понятия международного инвестиционного спора с «имущественным». Такая ситуация может быть вполне опасна, поскольку отдает приоритет обязательству защиты любого имущества иностранца, а не инвестиций, что противоречит конструкции самой Вашингтонской конвенции 1965 г.

В. А. Абабков и Д. Б. Лопатин, проанализировав практику разрешения инвестиционных споров, рассматриваемых в МЦУИС, приходят к выводу о том, что случаи разрешения спора в пользу государства – реципиента капитала МЦУИС крайне редки. Подавляющее большинство споров решается в пользу иностранного инвестора [1].

Согласно пункту 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, лишь решения этой комиссии подлежат непосредственному применению на территории государств – участников ЕАЭС. Действительно, государствам – членам ЕАЭС не требуется «вводить» решения ЕЭК в национальное право путем издания национального закона. Таким образом, можно говорить о возникнове-

нии нового действующего инструмента правового регулирования – права ЕАЭС.

Вместе с тем главным преимуществом России после формирования ЕАЭС является сочетание трех факторов: 1) современного гражданского законодательства на национальном уровне; 2) вакуум частноправового регулирования в рамках ЕАЭС. Не секрет, что акты гражданского законодательства, действующие на территории государств ЕАЭС, часто текстуально совпадают¹, что, конечно, не означает их одинакового применения, тем не менее является основой для дальнейшей унификации на международном уровне. Наконец, последним фактором является потребность в частноправовой составляющей регулирования: на уровне ЕАЭС отсутствует суд, который был бы уполномочен на разрешение вопросов частноправового характера. Безусловно, большим шагом вперед является предоставление субъектам предпринимательской деятельности права обращаться в Суд ЕАЭС², хотя по кругу потенциальных ответчиков в данном случае компетенция Суда ЕАЭС серьезно ограничена³, пусть и имеет потенциал расширения. Имеется ввиду правило о том, что государства-члены могут от-

¹ Немаловажным было и наличие общего исторического прошлого, общего языка, необходимость сохранения единой энергетической системы, а также практика «рецепции» норм российского законодательства остальными государствами – членами СНГ, чему активно способствовала деятельность Межпарламентской ассамблеи СНГ.

² Отметим, что круг субъектов, которые вправе обращаться в Экономический суд СНГ, строго ограничен, и обычные субъекты предпринимательской деятельности в него не входят.

³ Так, хозяйствующий субъект вправе подать заявление исключительно: 1) о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта; 2) об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

нести к компетенции Суда иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором, международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами.

Сложно отрицать то, что ликвидация Высшего арбитражного суда РФ получила негативную оценку юридического сообщества. Прошедшую недавно реформу третейских судов следует оценить позитивно, но нельзя не учитывать того, что в результате количество третейских судов в России сократилось до четырех, чего явно недостаточно и что в перспективе создаст все условия для перегрузки судебной системы исками по вопросам частного права.

Мало для кого является секретом практика выбора компаниями для ведения бизнеса определенных юрисдикций с тем расчетом, чтобы к отношениям этой компании с акционерами, контрагентами, конкурентами и другими лицами применялись нормы права определенного государства. Справедливости ради необходимо отметить, что такой выбор осуществляется с учетом прежде всего налогового законодательства. Это определенно создает зависимость выбравших такое право субъектов предпринимательской деятельности от политики государства, право которого ими было выбрано.

В последнее время получила распространение идея о формировании негосударственного права [7]. К проявлениям этой тенденции можно отнести международные обычаи: Принципы УНИДРУА, Принципы Европейского контрактного права (PECL), Типовые законы ЮНСИТРАЛ и т. д. Однако вряд ли можно представить себе частноправовое соглаше-

ние, полностью основанное на нормах правовых обычаев. Пробелы в правовом регулировании уже сейчас начинают восполняться за счет норм вышеприведенных правовых обычаев даже в тех случаях, когда частноправовым соглашением сторон их применение не предусмотрено в принципе.

Еще более распространена практика *forum shopping* – выбора компаниями оптимального для себя форума для решения споров с их участием. Хотя представители арбитражных институтов подчеркивают свою независимость от государства их местонахождения (*lex fori*), а также от права, применимого в соответствии с коллизионными нормами, когда, по выражению Н. Ю. Ерпылевой, «выбор права происходит в голове у арбитра» [5], не следует забывать о том, что отмена решения суда международного коммерческого арбитража (или отказ в его признании и/или исполнении) осуществляется именно на основе норм публичного порядка определенного государства – государства его местонахождения.

Существует явная необходимость и одновременно создаются все условия для формирования Россией новой правовой системы – права ЕАЭС, которое создаст достойную конкуренцию праву *lex mercatoria*, праву ЕС и правовым системам государств англосаксонской правовой семьи.

Столь же необходимым и столь же актуальным представляется создание в рамках ЕАЭС альтернативы Лондонскому суду Международного арбитража, Арбитражному институту торговой палаты Стокгольма и Постоянной палате международного правосудия в Гааге. Представляется, что такой альтернативой может стать Третейский суд ЕАЭС.

Список литературы

1. Абабков В. А., Лопатин Д. Б. Две модели выбора права в международном коммерческом арбитраже. – Челябинск : ЮУрГУ, 2011.
2. Договор к Энергетической хартии (ДЭХ) (подписан в Лиссабоне 17 декабря 1994 г.). – Brussels, Belgium : Energy Charter Secretariat, 2004.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.). – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 05.06.2014).
4. Договор о Европейском союзе 1992 г. в редакции Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 г. (вступил в силу 1 декабря 2009 г.).
5. Ерпылева Н. Ю. Международный коммерческий арбитраж: правовые основы функционирования // *ВВ: Международное право*. – 2013. – № 1. – С. 1–74.
6. Конвенция ООН о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // *Ведомости ВС СССР*. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
7. Мажорина М. В. Эволюция правопонимания и правоприменения: парадигмальные сдвиги в международном частном праве, или Когда международный коммерческий арбитраж покончит с правом? // *Lex russica*. – 2017. – № 10. – С. 88–102.
8. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. – М. : Статут, 2013. С. 450–552.
9. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах РФ» // *Собрание законодательства РФ*. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
10. Энергетическая хартия (подписана в Гааге 17 декабря 1991 г.). – Brussels, Belgium : Energy Charter Secretariat, 2004.
11. Юхно А. С. «Зонтичные» оговорки в практике международных арбитражных трибуналов: последние тенденции // *Международное публичное и частное право*. – 2010. – № 5. – С. 2–10.
12. Cisneros P. Colombia Apoya la Iniciativa Ecuatoriana de Crear una Corte Penal Internacional // *ANDES*. – 22.06.2012.
13. Letamendi X. Galo Chiriboga Subraya la "Eficacia" de una Corte Penal en Unasur // *El Telegrafo*. – 23.05.2012

Профилактика правонарушений в сфере цифровой экономики

Ф. П. Васильев

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова,
главный научный сотрудник НИЦ Академии управления МВД России,
член Российской академии юридических наук (РАЮН).
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: grapravo.kaf@mail.ru

Prevention of Offenses in the Digital Economy

F. P. Vasiliev

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE,
Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Member of the Russian Academy of Legal Sciences (RALS).
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: grapravo.kaf@mail.ru

Аннотация

Рассматриваемый автором вопрос по существу имеет свою актуальность и правовую значимость, в связи с этим им весьма умело изложено толкование современной электронной экономики с учетом действующих нормативных правовых актов. Автор, по существу, выдвигает неординарные предложения в своих суждениях, которые будут полезными для всех категорий (уровней) читателей. В частности, он прав в том, что цифровая экономика нуждается в усилении и совершенствовании контроля и надзора в целях обеспечения той или иной безопасности. Или же, действительно, субъектам управления (контроля и надзора) целесообразно издавать совместные нормативно-правовые акты в области взаимодействия и регулирования вопросов электронной экономики. Эти и другие авторские суждения значимы также в связи с изданием дополнительных НПА, которые еще не учтены в ведомственных актах, а взаимосвязь федеральных законов будет способствовать всемерному развитию оборота электронных денег.

Ключевые слова: административный, безопасность, дактилоскопия, защита, регламент, концепция, НПА, ответственность, субъект, совместный, ФСБ, приказ, финансы, электронный, экономика.

Abstract

In essence, the issue, examined by the author, has its relevance and lawful significance, and in this connection, the author skillfully states the interpretation of the modern electronic economy taking into account the existing normative legal acts. The author essentially proposes non-ordinary sentences in his judgments, which will be useful for all categories (levels) of readers. In particular, he is right that the digital economy needs to strengthen and improve control and supervision in order to ensure this or that security. On the other hand, indeed, it is advisable for the subjects of management (control and supervision) to issue joint regulatory and legal acts in the field of interaction and regulation of the issues of electronic economy. These and other author's judgments are also significant in connection with the publication of additional normative legal acts, which have not yet been included in departmental acts, and the interrelationship of federal laws will facilitate the full development of the circulation of electronic money.

Keywords: administrative, security, fingerprinting, protection, regulation, concept, normative legal act, responsibility, subject, joint, the FSB, order, finances, electronic, economy.

В последние годы концепция цифровой экономики начала выходить за рамки коммерческого аспекта покупки и продажи электронных продуктов в Интернете. Ныне данная

идея также включает использование виртуальных процессов в рамках текущей деятельности крупных компаний и корпораций. Также данная программа-концепция внедряется во

внутреннюю работу правительств для эффективного выполнения транзакций между предприятиями и ведомствами. Кроме того, как эти технологии продолжают развиваться, цифровая экономика (электронный денежный расчет) продолжит расширяться, поскольку спектр товаров и услуг, предлагаемых в электронном виде, постоянно растет. Одним из основных направлений цифровой экономики является быстрое и легкое предоставление услуг через Интернет. То есть *цифровая экономика* – это деятельность, непосредственно связанная с электронной коммерцией, в которую входят сервисы по предоставлению онлайн-услуг, интернет-магазины, информационные сайты, зарабатывающие на рекламе, и прочие виды деятельности. В итоге надо сказать, что к цифровой экономике можно причислить практически любые способы заработка в сети Интернет.

Важным преимуществом цифровой экономики является то, что потребители могут получать товары и услуги по более низким ценам. Например, электронная версия книжно-музыкального авторского товара дешевле, чем покупка печатной копии книги, музыки. Таким образом, поклонники музыки могут приобрести последние релизы от своих любимых артистов онлайн через Интернет гораздо дешевле, чем покупать их на стандартных носителях. По аналогии с сугубо цифровыми продуктами можно привести примеры экономии при покупках в интернет-магазинах, где цена практически всегда ниже, чем в стандартных магазинах. Так, ныне в целях обеспечения электронной экономики в России действует Программа «Цифровая экономика РФ», принятая Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, где определены конкретные цели¹, а также установлены основные направления развития цифровой экономики²:

¹ В данном случае параллельно с Постановлением Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1030 Минкомсвязь России назначена ответственной за реализацию направлений «Формирование исследовательских компетенций и технологических заделов», «Информационная инфраструктура» и «Информационная безопасность».

² При этом надо отметить, что МВД России следует пересмотреть (внести дополнений) Приказ МВД РФ от 13 августа 2003 г. № 634 «Об утверждении Положения о Главном управлении по борьбе с экономическими преступлениями Федеральной службы по экономическим и

– нормативное регулирование, кадры и образование;

– формирование исследовательских компетенций и технических заделов;

– информационная инфраструктура и информационная безопасность.

Таким образом, закреплены основополагающие принципы информационной безопасности, включающие использование российских технологий, отечественного программного обеспечения и оборудования, российских криптографических стандартов³.

Кроме того, предусмотрено формирование системы современного управления цифровой экономикой. Одна из важнейших ее задач – поддержка «стартапов»⁴ и субъектов малого и среднего бизнеса в области разработки и внедрения цифровых технологий. В том числе установлены основные показатели программы, которых необходимо достичь к 2024 г. В частности, это успешное функционирование не менее 10 компаний-лидеров, конкурентоспособных на глобальных рынках. Тем самым предусмотрено функционирование не менее 10 отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в том числе для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города»). А количество выпускников вузов по направлениям подготовки, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями⁵, должно достичь 120 тыс. человек в год. При-

налоговым преступлениям МВД РФ», что позволит более качественно реализовать данный План Правительства России.

³ См. также Приказ ФСБ РФ от 16 марта 2009 г. № 106 «Об утверждении Административного регламента ФСБ России по исполнению государственной функции по лицензированию деятельности по распространению шифровальных (криптографических) средств».

⁴ Термин «стартап» (англ. startup, startup company) – новая фирма (предприятие, компания) в начальный период своего развития. Создается для реализации перспективной идеи (идей) в сфере электронной экономики (бизнеса) с целью получить прибыль. В том числе 2–5 человек – физических лиц. Стартапер (англ. startupper) – создатель и сотрудник стартапа.

⁵ См. также Приказ Минфина России от 24 ноября 2014 г. № 136н «О порядке формирования информации, а также обмена информацией и документами между заказчиком и Федеральным казначейством в целях ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками» (с изм. от 31 января 2017 г.).

том доля населения, обладающего цифровыми навыками, – 40%, а доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету (100 мбит/с), должна составить 97%. Во всех крупных городах (1 млн человек и более) необходимо обеспечить устойчивое покрытие 5G и выше. Также все лечебно-профилактические учреждения должны к концу 2018 г. иметь широкополосный доступ к Интернету¹. К 2024 г. необходимо обеспечить доступ к Интернету образовательным учреждениям и другим общественно значимым объектам. Параллельно также планируется экспортировать услуги по обработке и хранению данных, внедрить отечественные методы и программные средства автоматизированной обработки, распознавания и дешифрирования пространственных данных, получаемых посредством дистанционного зондирования Земли. Необходимо стремиться к 5%-ной доле внутреннего сетевого трафика российского сегмента Интернета, маршрутизируемого через иностранные серверы. В частности, к 2020 г. разработают проекты нормативно-правовых актов (НПА), направленные на создание системы доверия в Интернете, гарантирующей конфиденциальность и личную безопасность пользователей, конфиденциальность их информации и исключение анонимности, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей в Интернете². В 2021 г. аналогичные проекты планируется внести в международные организации.

Безусловно, с учетом актуальности надо отметить и значимость норм Федерального закона от 28 декабря 2009 г. № 381 (ред. от

03.07.2016) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016, 31.12.2017). Условия договоров поставки и иных договоров, заключенных до 15 июля 2016 г., должны быть приведены в соответствие с положениями данного документа в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 273 до 1 января 2017 г. После этой даты условия договоров признаются утратившими силу (части 2 и 3 статьи 3 данного закона). Притом данный важный НПА недостаточно учитывает развитие вопросов электронной технологии (электронной коммерции). И подобного же характера недостатки мы можем заметить в федеральных законах:

– от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах» (с изм. 18.07.2017);

– от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изм. 07.03.2017);

– от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ» (с изм. 31.12.2017);

– от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2017).

Но, несмотря на присутствие в вышеуказанных НПА недостатков (взаимосвязи в области пресечения профилактики правонарушений), правонарушений в сфере электронной экономики, мы можем заметить положительные правовые факторы в России (электронные деньги) в статье 10 («Порядок использования электронных средств платежа при осуществлении перевода электронных денежных средств») Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161 «О национальной платежной системе» (с изм. 18.07.2017). Так, в данном случае (в рамках рассматриваемого нами вопроса) перевод электронных денежных средств осуществляется с проведением упрощенной идентификации клиента или без проведения идентификации, в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115). Но в случае проведения оператором электронных денежных средств идентификации клиента-гражданина, в соответствии с тем же феде-

¹ См. Приказ ФСБ России от 23 марта 2016 г. № 182 «Об утверждении Административного регламента ФСБ России по исполнению государственной функции по осуществлению лицензионного контроля деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, выполнению работ, оказанию услуг в области шифрования информации, техническому обслуживанию шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств...».

² См. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. 31.12.2017).

ральным законом, использование электронного средства платежа осуществляется клиентом-гражданином при условии, что остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает 600 тыс. рублей либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 600 тыс. рублей по официальному курсу Банка России¹. Притом допускается превышение данной суммы, скажем, вследствие изменения официального курса иностранной валюты, устанавливаемого Банком РФ. Или же в случае непроведения оператором электронных денежных средств идентификации клиента-гражданина (в соответствии с Федеральным законом № 115). Использование электронного средства платежа осуществляется клиентом-гражданином при условии, что остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает 15 тыс. рублей, за исключением установленных норм, когда электронное средство платежа является непersonифицированным. Так, общая сумма переводимых электронных денежных средств с использованием одного непersonифицированного электронного средства платежа не может превышать 40 тыс. рублей в течение календарного месяца, за исключением установленных норм. То есть в случае проведения оператором электронных денежных средств упрощенной идентификации клиента-гражданина, в соответствии с Федеральным законом № 115, использование непersonифицированного электронного средства платежа может осуществляться клиентом-гражданином для перевода электронных денежных средств в пользу юридических лиц, ИП² при условии, что остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает 60 тыс. рублей, а общая сумма переводимых электронных денежных средств с использованием такого непersonифицированного электронного средства платежа не превышает 200 тыс. рублей в течение календарного месяца.

Вместе с тем непersonифицированное электронное средство платежа не может использоваться гражданином (клиентом), не

прошедшим упрощенную идентификацию, для осуществления перевода электронных денежных средств другому лицу (гражданину (стороне)) либо для получения переводимых электронных денежных средств от другого клиента. А оператор электронных денежных средств при проведении упрощенной идентификации клиента-гражданина, в соответствии с названным Федеральным законом № 115, обязан предоставить клиенту-гражданину возможность выбора любого из предусмотренных указанным федеральным законом способов упрощенной идентификации, а также предоставить данному клиенту информацию, обеспечивающую использование электронного средства платежа. При этом оператор не осуществляет перевод электронных денежных средств, если в результате такого перевода будут превышены вышеуказанные суммы. Но клиент вправе получить остаток (его часть) электронных денежных средств в соответствии с частями 20 и 21 статьи 7 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ.

В рамках данного закона использование электронного средства платежа клиентом – юридическим лицом или ИП осуществляется с проведением его идентификации оператором электронных денежных средств, в соответствии с Федеральным законом № 115. Данное электронное средство платежа является корпоративным. Его использование осуществляется при условии, что остаток электронных денежных средств не превышает 600 тыс. рублей либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную данной сумме по официальному курсу Банка России на конец рабочего дня оператора электронных денежных средств. Хотя допускается превышение данной суммы вследствие изменения официального курса иностранной валюты, устанавливаемого Банком России. Но в случае превышения суммы оператор электронных денежных средств обязан осуществить зачисление или перевод денежных средств в размере превышения указанного ограничения на банковский счет юридического лица или ИП без его распоряжения, параллельно. Указанный оператор обязан обеспечивать при использовании электронных средств платежа, предусмотренных требованиями, возможность их определения клиентами как непersonифицированных, персонифицированных

¹ И данное электронное средство платежа является персонифицированным.

² Имеется в виду индивидуальных предпринимателей (ИП).

или корпоративных электронных средств платежа¹. При этом переводы электронных денежных средств с использованием персонализированных электронных средств платежа, корпоративных электронных средств платежа могут быть приостановлены в порядке и случаях, которые аналогичны порядку и случаям приостановления операций по банковскому счету, которые предусмотрены НПА. Но при переводе электронных денежных средств с использованием персонализированных электронных средств платежа и корпоративных электронных средств платежа на остаток электронных денежных средств может быть направлено (адресовано) взыскание в соответствии с федеральным законом. И эти положения о порядке использования корпоративных электронных средств платежа применяются также к электронным средствам платежа, используемым нотариусами, занимающимися частной практикой, или адвокатами, учредившими адвокатский кабинет.

Безусловно, основными субъектами, пресекающими противоправные экономические правонарушения в сфере цифровой экономики, выступают правоохранительные (ФСБ и МВД России) и иные органы (ФНС и Госбанк России, Минфин, Минком связи и Минпромторг)² России. Данным субъектам в процессе осуществления своих госфункций следует учитывать также и Доктрину информационной безопасности РФ, утвержденную Указом Президента России от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Она является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию систе-

мы обеспечения информационной безопасности. В России традиционно большое внимание уделяется вопросам обеспечения информационной безопасности объектов газоснабжения, энергоснабжения и ядерных объектов. Однако при этом две третьих российских компаний полагают, что количество преступлений в цифровой среде за последние три года возросло на 75%, что требует совершенствования системы информационной безопасности во всех секторах экономики.

В последние годы электронная коммерция, возникшая на несколько десятилетий раньше глобальной сети Интернет, стремительно развивается. Распространяясь повсеместно и предлагая все более широкий ассортимент товаров и услуг, электронная коммерция становится инструментом интеграции государств, отраслей, предприятий и физических лиц в единое сообщество, внутри которого взаимодействие партнеров эффективно и беспрепятственно реализуется средствами информационных и телекоммуникационных технологий.

Применение информационных технологий дает возможность компаниям выйти на мировой рынок, расширяет каналы сбыта, объединяет поставщиков и покупателей в единую систему, позволяет значительно снизить расходы в цепочках спроса и предложения, обслуживать заказчиков на более высоком уровне, внедриться на ранее недоступные по географическим причинам рынки, создавать новые рынки труда и капитала и, наконец, пересматривать сам характер своей деятельности.

Несомненно, процессы в применении электронных денег в российском экономическом обороте имеют определенное значение. Во-первых, в данной статье учтены изменения, внесенные в те или иные НПА, в том числе ГК РФ, в частности в статью 128 ГК РФ от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, которые внедрили безналичные деньги в качестве объектов гражданских прав, относящихся к иному имуществу, при этом считая деньги вещами. Во-вторых, поэтапное (последовательное) внедрение электронных денег (развитие цифровой экономики) в качестве средства обращения на территории страны (РФ) объясняется особой платежной системой, которая используется при осуществлении расчетов по безна-

¹ Он также обязан обеспечить невозможность использования электронного средства платежа до ознакомления клиента-гражданина с информацией, указанной в части 25 статьи 7 названного федерального закона.

² См.: Приказы Минпромторга России от 17 ноября 2017 г. № 3985 «О переходе Минпромторга России на использование отечественного офисного программного обеспечения» и от 10 февраля 2017 г. № 384 «Об утверждении Порядка выдачи заключения Минпромторга России об отсутствии производства на территории РФ товаров отраслей промышленности, нормативно-правовое регулирование в сфере которых осуществляет Минпромторг России».

личным формам современной необходимостью (с учетом прогресса и развития на уровне международной рыночной системы).

Да, развитие электронной экономики и внедрение ее в хозяйственно-финансовую и банковскую деятельность, в жизнедеятельность собственников (юридических и физических лиц) также объясняется особой платежной системой, которая используется при осуществлении расчетов по безналичным формам. С учетом других новых явлений в экономической (расчетной) деятельности, согласно проведенному всестороннему анализу, для достижения критической массы пользователей электронные деньги и их безопасность, полагаем, должны отвечать ряду условий (в условиях присутствия коррупции, оттока денег за рубеж и «в преступные карманы», электронного хакерства, проамериканско-западной экономической агрессии в отношении России и др.), из которых надо выделить (профилактическо-предупредительные меры и меры пресечения противоправных действий) в сфере цифровой экономики следующие аспекты.

Первый. Выпуск электронных денег осуществлять в нынешних условиях кризиса экономики, в которой несколько крупных эмитентов и неограниченное число потребителей формируют рынок электронных денег при наличии развития новых контрольных электронно-правовых механизмов.

Второй. Сетевые эффекты должны быть достаточно сильными и безопасными, чтобы потребители были заинтересованы платить большие средства за более крупные размеры сети.

Третий. Электронные деньги (сетевые, механизмы безопасности, пресечение коррупционно-преступных действий) не должны слишком быстро ослабевать, терять свою жизнеспособность, так как небольшие несовместимые сети экономически могут быть неустойчивыми (убыточность, банкротство).

Четвертый. Электронные деньги должны быть унифицированными, чтобы усилить роль размера сети для пользы потребителей. Параллельно необходимо всемерное совершенствование систем их защиты и контроля раньше совершенствования расчетно-операционных технологий.

Пятый. Внедрение организационно-контрольной (отношений и взаимосвязи с клиентами) и технической базы, которая должна быть достаточно прозрачной для сторон, чтобы потребители смогли выбрать систему сети, в которую они хотели бы вступить на основе своих желаний.

Шестой. Электронная экономика (сеть) должна иметь минимальную географию распространения (территориальные критерии), чтобы избежать возможности чрезмерного предложения местных электронных денег.

Седьмой. Субъекты контроля (правоприменители) и законодатели должны своевременно пересмотреть свои соответствующие НПА, регламентирующие жизнедеятельность электронной экономики, деятельность субъектов данного правоотношения и пресечения их противоправных действий.

Безусловно, в заключение надо отметить, что в области развития электронной (цифровой) экономики существенную роль играют обеспечение контрольно-надзорной и профилактической деятельности. В связи с чем вышеназванным субъектам управления (контроля и надзора) следует разрабатывать совместные нормативно-правовые акты (приказы, инструкции, положения, регламенты) в области профилактики как административных, так и уголовных правонарушений. Тем более ими еще в данной области – в области реализации требований Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» – не разработаны даже ведомственные концепции, программы, регламенты. Хотя данный федеральный закон в пункте 11 статьи 6 обязывает обеспечить экономическую безопасность. Но можно ли говорить об обеспечении должной безопасности цифровой (электронной) экономики, когда законодатель не утверждает и не требует в указанной статье (основные направления профилактики правонарушений) обеспечения информационной безопасности – профилактики как административных, так и уголовных правонарушений? Это также подтверждает необходимость разработки методических (учебных) пособий о порядке идентификации личности электронного пользователя (клиента) и владельца электронных денежных средств, а также обеспечения безопасности

контролирующими субъектами (прежде всего ФСБ, ФНС России, Финразведкой и др.) в правоохранительными органами – МВД и сфере цифровой экономики.

Список литературы

1. Анохина С. Ю., Васильев Ф. П., Эриашвили Н. Д., Бережкова Н. Ф., Новиков Д. Н., Шашкаров В. Н., Мамедов Э. Ю. В чем суть необходимости совершенствования обеспечения правопорядка и безопасности и издания адресных нормативно-правовых актов (административного правового регулирования вопросов в области использования общественных формирований – внештатных сотрудников)? // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 244–251.
2. Бережкова Н. Ф., Бычков В. В., Васильев Ф. П., Миронов А. Н. Деятельность государственных судебно-экспертных учреждений в области проведения экспертиз по гражданским, административным, уголовным делам в России и как их совершенствовать // Путь науки. – 2016. – № 1 (23). – С. 26–37.
3. Бережкова Н. Ф. Правовое регулирование государственной службы в России. Этические нормы и присяга. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2015. – (Серия «Научные издания для юристов»).
4. Васильев Ф. П. Информационные технологии управления в органах внутренних дел : учебник. – М. : Академия МВД РФ, 1997.
5. Васильев Ф. П., Николаев А. Н., Новиков Д. Н. Административно-правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка в России и необходимость их совершенствования // Инновационная наука. – 2017. – № 02-2. – С. 87–100.
6. Васильев Ф. П., Крылов А. А. Соблюдение правил обращения с результатами, полученными с помощью специальных технических средств как обязательное условие в процессе обеспечения экономической безопасности органами внутренних дел // Информация и информационная безопасность правоохранительных органов : материалы XVIII Международной научной конференции. – М. : Академия управления МВД России, 2009. – С. 383–388.
7. Васильев Ф. П. Современные особенности толкования о взаимодействии правоохранительных органов в России и необходимость их совершенствования // Инновационная наука. – 2017. – № 3-2. – С. 102–110.
8. Власюк М. А. Гражданско-правовое регулирование банковской тайны : дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2008.
9. Козье Д. Электронная коммерция : пер. с англ. – М. : Русская редакция, 1999.
10. Кочергин Д. А. Системы электронных денег: классификация и характеристика элементов // Банковское дело. – 2005. – № 2. – С. 37–42.
11. Кочергин Д. А. Электронные деньги: теория и анализ моделей эмиссии. – СПб. : СПбГУ, 2006.
12. Максимов Ю. А. Финансовая деятельность таможенных органов в Российской Федерации // Народное хозяйство. – 2010. – № 2. – С. 286–292.
13. Максимов Ю. А. Финансово-бюджетная безопасность и ее роль в формировании финансовой политики государства в условиях становления экономики знаний : материалы XIX Международной научно-практической конференции РГПУ имени А. И. Герцена «Менеджмент XXI века: управление экономикой знаний». – СПб., 2014.
14. Электронные деньги: накопление, использование, хранение, безопасность / под ред. В. П. Невежина. – М., 1995.

Цифровые технологии и их роль в снижении рисков на рынке ценных бумаг**Д. Б. Лубягина**

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА.

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина»,

125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9.

E-mail: lubyagina.di@yandex.ru

Digital Technologies and their Role in Reducing the Risks on the Securities Market**D. B. Lubyagina**

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department

of Entrepreneurship and Corporate Law of the MSAL.

Address: Kutafin Moscow State Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya,

Moscow, 125993, Russian Federation

E-mail: lubyagina.di@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальному вопросу внедрения цифровых ценных бумаг и применения технологии блокчейн (blockchain) на рынке ценных бумаг, которая, как предполагается, позволит сделать рынок ценных бумаг более прозрачным и снизить риски участников. В связи с утвержденной в мае 2017 г. Стратегией развития информационного общества в России и дальнейшими в связи с этим перспективами развития института ценных бумаг поднимается вопрос об оправданности разделения ценных бумаг на документарные и бездокументарные с разным правовым режимом. В работе делается вывод о том, что основополагающим в ценной бумаге являются именно закрепляемые ею права, а не форма закрепления. Потому неверно полагать, что гражданское законодательство России относит все ценные бумаги к имуществу (вещам) исходя из классического понимания ценной бумаги как бумажного документа. Также нелогичным кажется, что в настоящее время, несмотря на понимание в законодательстве под бездокументарной ценной бумагой «обязательственного или иного права», правовой режим такой ценной бумаги субсидиарно подчиняется правовому режиму вещи (статья 143 ГК РФ).

Ключевые слова: риск, ценные бумаги, блокчейн, цифровые технологии, цифровые ценные бумаги.**Abstract**

The article is devoted to the topical issue of the introduction of digital securities and the application of blockchain technology on the securities market, which is supposed to make the securities market more transparent and reduce participants' risks. In connection with the Strategy of the Information Society Development in Russia approved in May 2017 and, in this connection, the further prospects of the development of the securities institution, the issue of the justification of dividing securities into documentary and non-documentary with different legal regimes is raised. The work concludes that the fundamental in a security are precisely the rights it establishes, but not the form of consolidation. Therefore, it seems to be incorrect that the civil legislation of Russia classifies all securities to property (things) based on a classical understanding of a security as a paper document. It also seems illogical that at the present time, despite the understanding in the legislation that the non-documentary security is the "obligation or other right", the legal regime of such a security is subsidiarily subordinated to the legal regime of the thing (Article 143 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: risk, securities, blockchain, digital technologies, digital securities.

Применение современных технологий на финансовых рынках сделало его высокоэффективным и быстрым, однако его фундаментальные основы, по сути, остались теми же, что и несколько столетий назад. Глобализа-

ция и технологический прорыв в сфере цифровых технологий привели к тому, что возникли финансовые инструменты, которые не подпадают под действие существующего нормативно-правового регулирования. В от-

личие от ранее существующих современных технологий технология блокчейн (blockchain), которая в последнее время стала активно применяться не только на валютном рынке, но и в сфере оборота ценных бумаг, подразумевает принципиально новый подход к управлению и использованию данных. Ее применение неизбежно приведет к серьезнейшей революционной трансформации на финансовых рынках. Не случайно данная тема стала одной из основных для обсуждения среди правительств стран по всему миру. С предложением по объединению организаций финансовой сферы для разработки программного обеспечения на основе блокчейн выступил крупнейший регулятор сделок с ценными бумагами на Уолл-стрит – холдинг Depository Trust & Clearing Corporation.

До этого многие компании, а также крупные финансовые организации проводили самостоятельные исследования блокчейна, чтобы понять, подходит ли эта технология для финансовых рынков. Мало того, на сегодняшний день уже существует возможность выбора типа блокчейна из двух возможных: частного блокчейна или открытого. И по мнению некоторых сторонников первого типа, к примеру, Дэвида Томпсона, директора по информационным технологиям Western Union¹, корпорациям, осуществляющим различные финансовые сделки, лучше придерживаться выбора частного блокчейна, так как он, как утверждается, обладает рядом преимуществ перед открытым. Главным таким преимуществом является то, что частный блокчейн позволяет сохранить при совершении сделки между юридическими лицами (корпорациями) конфиденциальность информации, которая должна быть доступна только участникам по такой сделке. Поскольку сделки на финансовом рынке предполагают наличие клиринга и дальнейших расчетов по ним, в наибольшей степени важно обеспечить надежность и безопасность по ним. Частный блокчейн способен выполнить ряд таких условий, благодаря применению специального механизма, разрешающего вносить информацию только идентифицированным

пользователям. Помимо всех перечисленных преимуществ представляется возможным выделить еще два: срочность исполнения и относительную экономию при выборе такого типа блокчейна.

Однако противники частного блокчейна, в частности представители крупнейшего регулятора финансового рынка Depository Trust & Clearing Corporation (DTCC), считают аналитическую работу по созданию частных блокчейнов «противоречащей здравому смыслу». Как утверждается, «если учитывать «распределительную» сущность блокчейна, совместный подход к разработке и использованию технологии кажется очень здоровой идеей. Компании, которая запускает «блокчейн-подобную» операционную систему внутри самой себя, инновация едва ли принесет много пользы»².

«DTCC стремится стать организационным центром финансовой отрасли для сторонников блокчейн», – замечает Джош Галпер, руководитель консалтинговой фирмы Finadium, сотрудники которой с большим вниманием относятся к становлению блокчейн-технологий. DTCC, по мнению эксперта, помогает крупным игрокам рынка мобилизоваться и объединить свои силы для внедрения технологии блокчейн на рынок ценных бумаг». «Один раз в несколько десятилетий индустрия имеет возможность измениться: мы должны переосмыслить инфраструктуру и решить ее давние проблемы, – заявил президент и главный исполнительный директор DTCC Майкл Бодсон. – Чтобы в полной мере реализовать потенциал новой системы распределения данных и избежать путаницы, вся отрасль должна работать над этим, как слаженный механизм»³.

Можно сказать, что в мире началась блокчейн-революция, так как DTCC контролирует фактическое состояние ценных бумаг после практически всех сделок на фондовых биржах. Тем более что высказывание Майкла Бодсона отражает намерения не только его компании, но и многих других финансовых организаций мира.

¹ См.: Thompson D. Is Western Union Ready for the Fintech Threat? // American Banker, 2016. – URL: <http://businessinsider.com/>

² Wired: Как блокчейн угрожает финансовому рынку... – URL: <http://habr.com/company/itcapital/blog/305006/>.

³ Там же.

Чтобы наглядно показать принципиально новый подход при применении данной технологии, кратко рассмотрим, в чем ее суть применительно к сфере, где она уже достаточно активно внедряется, – в сфере обращения криптовалюты.

В настоящее время совершенно необычно (если говорить о законных способах) звучит, что деньги можно не только зарабатывать, но «добывать», что позволяет делать стремительно развивающийся в настоящее время вид современного бизнеса – майнинг (с английского – «добывать»). Майнинг – добыча виртуальных денег (криптовалюты). И в настоящее время многие активные пользователи предпочитают не зарабатывать, а именно добывать виртуальные деньги (Bitcoin, Ethereum, Monero, Litecoin и др. – всего более двухсот видов криптовалют). И надо сказать, это не так просто, как кажется, и предполагает значительные усилия, особенно в условиях стремительно развивающихся компьютерных технологий. Для чего требуется не только достаточно мощное специализированное оборудование (фермы для майнинга), но и интеллектуальные затраты для расшифровывания путем решения ряда логических задач специальных кодов. Для этого майнеры нередко объединяются в сообщества (пулы) и прибегают к облачному майнингу.

При этом существует значительная разница между понятием электронных денег (таких как, например, Webmoney или Qiwi) и криптовалютой (цифровой валютой). Разница прежде всего заключается в принципе добычи криптовалюты, так как «добыча» предполагает, в частности, расшифровывание компьютерных кодов, при помощи которых шифруются денежные переводы. Также, если для того, чтобы электронные деньги возможно было использовать в сети, они должны сначала туда быть введены, то криптовалюта образуется в компьютерной сети. Это означает, что она не боится инфляции (так как, в отличие от реальных денег, которые в любой момент можно напечатать, используя печатный станок, существует строгое ограничение по количеству выпускаемых «монет»), не привязана к банкам и разного рода посредникам. Правда, одного посредника в настоящее время все же избежать не удастся в тех странах, где криптовалюта еще не получила статус законного

платежного средства. Для вывода криптовалюты необходимо прибегать к услугам биржи. Однако в некоторых странах криптовалютой вполне можно расплачиваться как официальным платежным средством и это, безусловно, недалекое будущее и для других стран.

Блокчейн – это цепь блоков, формируемых в процессе решения задач по расшифровке кода. Каждый блок имеет определенное количество транзакций и ограниченное время закрытия задачи. После закрытия блока он остается в блокчейне навсегда, причем получить эту информацию путем взлома не реально.

Хеш-функция – функция, преобразующая входящие данные любой величины в специальный хеш-код фиксированной длины. Хеш-функция способна решить многие задачи, но чаще всего в ней зашифрована персональная информация пользователя. Майнер, сумевший первым решить эту функцию и закрыть блок, получает прибыль. Первый блок закрывают только майнеры с более мощным оборудованием.

Что касается массового внедрения технологии блокчейн в сфере оборота ценных бумаг, – это дело ближайшего будущего.

Уже в конце 2015 г. американская Комиссия по ценным бумагам и биржам одобрила заявление компании Overstock Inc. на выпуск цифровых ценных бумаг (digital securities), что свидетельствует о новом витке развития рынка ценных бумаг. Хотя не планируется немедленного выпуска цифровых ценных бумаг, в июне 2015 г. Overstock Inc. уже провела тестовое размещение своих облигаций в форме цифровых ценных бумаг, так что можно сказать, что это дело ближайшего будущего. Это сделает IPO доступным для небольших компаний, позволит исключить из цепочки совершения сделок с ценными бумагами третьи стороны (провести «дизинтермедиацию»), а обращение ценных бумаг сделает более безопасным и надежным, так как обеспечит полную прозрачность и позволит автоматически отслеживать, кто именно владеет конкретными акциями в определенный момент времени, используя публичную доступность регистра. Кроме того, технология блокчейн, внедренная на рынок ценных бумаг, позволит сделать невозможным применение многих обманных схем при совершении сде-

лок с ценными бумагами, так как покупатель получит возможность узнать всю историю их владения, что, соответственно, значительно снизит его риски. Именно поэтому высказывается мнение, что применение блокчейна на финансовом рынке, в том числе на рынке ценных бумаг, где риск недоверия находится на весьма высокой отметке¹ и участники по сделкам особо нуждаются в уверенности в контрагенте и достоверности информации, будет наиболее перспективным.

Это перспектива касается и российского рынка ценных бумаг, управление которым уже в настоящее время без использования мощных компьютерных систем и современных средств телекоммуникации стало практически невозможным. Не случайно 9 мая 2017 г. была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации («О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»), основной целью которой является «создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме будут являться ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности»².

В настоящее время Правительством РФ на основании данной Стратегии уже разрабатывается план по возможности введения технологии блокчейн, в том числе в отношении ценных бумаг в 2019 г.³ На уровне правительства данная технология оценена как «лучшая технология для хранения данных, прав и обязательств»⁴. А использование технологии блокчейн в мире все чаще сравнивают

с впервые появившимся в свое время Интернетом⁵.

Под создаваемыми цифровыми ценными бумагами предлагается понимать «бездокументарные, зарегистрированные ценные бумаги, права собственности на которые и передача которых будут удостоверены путем внесения записи в защищенный регистр (proprietary ledger), который в свою очередь будет публично доступен. Достоверность публичных копий защищенного регистра может быть математически подтверждена посредством технологии криптографической защиты распределенных публичных сетей»⁶.

Все эти перспективы ставят вопрос о целесообразности и оправданности в ближайшем будущем существования документарных ценных бумаг с особым, отличным от бездокументарных ценных бумаг режимом. А также о том, действительно ли документарная и бездокументарная ценные бумаги – два совершенно независимых и разных по правовой природе финансовых инструмента, как иногда утверждается в доктрине.

Введение в свое время нового правового режима для бездокументарной ценной бумаги было продиктовано тем, что все приведенные выше характеристики классической ценной бумаги вступали в противоречие с самой сутью дематериализованной ценной бумаги. Не случайно в Концепции развития гражданского законодательства⁷ указывалось, что «серьезной проблемой в правоприменительной практике является определение характера прав владельцев «бездокументарных ценных бумаг». Ввиду отсутствия у таких «бумаг» материальной формы применение к ним всего комплекса норм, регулирующих отношения по поводу вещей, вызывало практические затруднения. В то же время специальные правила, учитывающие особенности такого рода объектов, отсутствовали либо вступали в

¹ См.: Sberbank CIB. – URL: <https://blockchainspot.net/ru/blockchain/sberbank-rasskazal-kak-vnedryaet-tehnologiyu-blockchejn/>

² Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

³ См.: Распоряжение от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – URL: <http://innovudm.ru/wp-content/uploads/2017/10/1632%D1%80.pdf>

⁴ Премьер-министр РФ отметил, что «многие бизнес-процессы и многие социальные среды будут организованы именно на этих принципах». – URL: <http://tass.ru/ekonomika/4055000>

⁵ См.: Mougayar W. The Blockchain is the New Google. – URL: <http://techcrunch.com/2016/05/11/the-blockchain-is-the-new-google/?ncid=rss>

⁶ Цифровые ценные бумаги – принцип работы, преимущества и риски. – URL: <https://vc.ru/12865-blockchain>

⁷ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.).

противоречие с концептуальными положениями Гражданского кодекса.

Надо отметить, что в доктрине идея разделения общего мира ценных бумаг на «документарный» (вещи) и «бездокументарный» (отдельный объект гражданских прав, а по существу права) не находит общей поддержки и признается как деобъективирующая ценные бумаги, «ибо одна их часть – документарные бумаги – объявляется вещью, а другая – бездокументарные – правом, которое к вещам не относится, а является одним из видов имущества по обновленной статье 128 ГК» [3]. «Классические документарные ценные бумаги и бездокументарные ценные бумаги, – считает Д. В. Григорьев, – являются лишь формой выраженных в них имущественных и неимущественных прав, идентичных по своему содержанию, следовательно, юридическая природа ценных бумаг – как документарных, так и бездокументарных – должна признаваться одинаковой» [4. – С. 9]. Ученые, в частности А. В. Габов [2], считают, что «не надо множить режимы, а наоборот, по модели некоторых развитых правовых порядков расширить понимание ценной бумаги и распространить его на еще больший... ареал способных к обращению (секьюритизации) прав».

На наш взгляд, существенного содержательного различия между документарной и бездокументарной ценной бумагой нет, и заключается оно лишь в техническом осуществлении закрепленных в ней прав, а документарная и бездокументарная форма ценной бумаги могут рассматриваться скорее как стадия развития ценной бумаги, как качественный переход закрепления прав от бумажной формы к безбумажной.

Единственным аргументом против данного тезиса является наличие у документарной ценной бумаги двойственной природы, заключающейся в необходимости предъявления (презентации) документа – ценной бумаги (вещи) – для осуществления выраженного в документе – ценной бумаге – права. Трудно с этим спорить. Однако в настоящее время в связи с достижениями научно-технического прогресса и дальнейшими вышеизложенными перспективами необходимость в таком предъявлении все более снижается. В современных условиях развития фондового рынка

все более нецелесообразным становится использование бумажных документов.

На наш взгляд, вообще не следует определять ценную бумагу через понятие «документ», как это происходит сейчас применительно к документарной ценной бумаге, так как определяющим в ценной бумаге является иное. Как отмечала М. Крылова, «между документом и ценной бумагой как объектом гражданского оборота нет тождества... Поэтому определять ценную бумагу через понятие «документ» было бы неверно» [5. – С. 57]. Ведь изначально цель создания ценной бумаги заключалась в том, чтобы как можно более мобильно и по возможности надежно передавать имущественные права, служить средством передачи удостоверенных прав. И ценность представляет не документ в силу естественных свойств, а содержащееся в ценной бумаге право на определенную ценность. Думается, что более логичным было бы определение и документарной ценной бумаги так же, как сейчас установлено в отношении бездокументарных, через совокупность закрепляемых ею в установленном законом порядке прав. Поскольку наиболее типичным случаем являются ценные бумаги с обязательственно правовым содержанием, то ценные бумаги следовало бы рассматривать как подтверждение некоего обязательства, а выдачу ценной бумаги – как основание возникновения обязательства.

В этом случае акцент смещался бы со слова «документ» на «совокупность прав», так как последнее является в ценной бумаге основным. Это подтверждается и тем, что уничтожение бланка ценной бумаги не приводит к прекращению прав, ею удостоверенных, а реализация права, заключенного в ценной бумаге, влечет за собой утрату какой-либо юридической силы этой ценной бумаги. Ведь определение должно, основываясь на анализе внутреннего содержания явления, раскрывать его сущность, а не форму выражения этой сущности.

Очевидно, что ценные бумаги являются лишь способом фиксации прав, ими закрепленных. Данные права определяют отношения должника, т. е. лица, обязанного по ценной бумаге, и кредитора – лица, в пользу которого исполняются права по ценной бумаге. Иными словами, данные отношения пред-

ставляют собой некое обязательство, главным образом, но не всегда, имущественного характера. И лишь одной особенностью, отличающей ценную бумагу от обычного правоотношения (обязательства), является то, что в силу устоявшейся традиции в течение длительного периода существования данного института до последнего времени в силу документальной формы ценную бумагу наделяют свойствами имущества. Как отмечается в литературе, по существу, единственной «чертой, отличающей ценную бумагу от обычных правоотношений между кредитором и должником, является именно наделение ее свойствами имущества» [1].

На наш взгляд, основополагающим в ценной бумаге являются именно закрепляемые ею права, а не форма закрепления. Потому неверным представляется, что гражданское законодательство России относит все ценные бумаги к имуществу (вещам) исходя из классического понимания ценной бумаги как бумажного документа. Также нелогичным кажется, что в настоящее время, несмотря на понимание в законодательстве под бездокументарной ценной бумагой «обязательственного или иного права», правовой режим такой ценной бумаги субсидиарно подчиняется правовому режиму вещи (статья 143 ГК РФ).

Список литературы

1. Вавулин Д. А., Федотов В. Н. Комментарий к Федеральному закону «О центральном депозитарии» (постатейный). – М. : Деловой двор, 2013. – URL: <http://base.garant.ru/58157431/>
2. Габов А. В. Ценные бумаги: Вопросы теории и правового регулирования рынка. – М. : Статут, 2011.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 6–12 (под ред. Л. В. Санниковой). – М. : Статут, 2014.
4. Григорьев Д. В. Гражданско-правовые аспекты правового регулирования рынка ценных бумаг : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
5. Крылова М. Ценная бумага – вещь, документ или совокупность прав // Рынок ценных бумаг. – 1997. – № 4.

Особенности правового обеспечения смарт-контрактов**Т. Э. Зулфугарзаде**кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru**Features of Legal Enforcement of Smart Contracts****T. E. Zulfugarzade**PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru**Аннотация**

В статье приведены результаты исследования основных особенностей современного правового обеспечения смарт-контрактов («умных» контрактов), в том числе рассмотрены основные этапы зарождения и развития института правового регулирования указанного вида контрактов, особенности виртуальных криптовалют, иных криптовладений в виде цифровых финансовых активов; проанализированы права и обязанности сторон смарт-контрактов, а также особенности заключения и практической трехэтапной реализации «умных» контрактов; проанализированы специальные условия их исполнения при купле-продаже товаров, при предоставлении туристских услуг, аренде транспортных средств, иного движимого, а также недвижимого имущества, возможности использования при оплате традиционных видов валют и криптовалют; рассмотрены материалы правоприменительной, в том числе судебной, практики, позволяющей сформулировать основные подходы к вопросам возложения ответственности за причинение вреда сторонам смарт-контрактов на электронные интернет-площадки блокчейн и хешграф, по аналогии с агентами-агрегаторами; выявлены основные недостатки правового обеспечения смарт-контрактов в текущий период и внесены предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации, регламентирующего данные правоотношения.

Ключевые слова: юриспруденция, право, правовое обеспечение, цифровая экономика, смарт-контракт, блокчейн, хешграф, криптовладение, цифровые финансовые активы, агрегатор, законодательство, экономика свободного доступа, совершенствование, Российская Федерация.

Abstract

The article presents the results of the study of the main features of modern legal enforcement of smart contracts, including the basic stages of the origin and development of the institute of legal regulation of specified type of contracts, features of virtual crypto-currencies and other crypto-ownership in the form of digital financial assets, the rights and obligations of the parties of smart contracts are analyzed, and as well as the specifics of the conclusion and practical three-stage implementation of smart contracts, the special conditions of their execution in the purchase and sale of goods, in the provision of tourist services, rental vehicles, other movable and immovable property, the possible use of traditional currencies and cryptocurrencies for payments are analyzed, the materials of law-enforcement, including judicial practice that allow to formulate the main approaches to impose liability for causing harm to parties of smart contracts on electronic Internet sites of blockchain and hashgraf, by analogy with agents-aggregators are considered, the main shortcomings of the legal enforcement of smart contracts in the current period are revealed and proposals on improvement of the legislation of the Russian Federation regulating these legal relations are made.

Keywords: jurisprudence, law, legal enforcement, digital economy, smart contracts, blockchain, hashgraph, crypto-ownership, digital financial assets, an aggregator, legislation, economy of free access, improvement, Russian Federation.

Современные подходы к развитию такого важного направления социально-экономической жизни мирового сообщества в целом и в Российской Федерации в частности, как цифровая экономика (digital economy – экономическая деятельность, осуществляемая при помощи электронных, информационных и цифровых телекоммуникаций [9. – С. 10]), самым непосредственным образом базируется прежде всего на так называемых смарт-контрактах, т. е. применяемых в интернет-технологиях электронных алгоритмах или условиях, функциональное исполнение которых позволяет пользователям – сторонам таких контрактов, обладающих равными правами, – осуществлять обмен правами на имущество, в том числе, товары, услуги, работы, ценные бумаги и иные активы, осуществлять оплату (проводить платежи) не только безналичными официальными валютными средствами различных государств, но и цифровыми финансовыми активами в виде криптовалют (в настоящее время, по результатам исследования, результаты которого были изданы Центром Кембриджского университета в апреле 2017 г., обобщившем данные более ста компаний, работающих с криптовалютами, было установлено, что в мире насчитывается около 5,8 миллиона активных пользователей криптоконверсий, не имеющих единого эмиссионного центра и являющихся инструментом для частных анонимных транзакций, а их платформы не регулируются и не контролируются органами власти и управления большинства государств [16. – Р. 1429]).

Так, в соответствии с позицией, высказанной МВФ, виртуальные валюты представляют собой цифровые представления стоимости, выпущенные частными девелоперами и выраженные в их собственной единице учета. Виртуальные валюты могут быть получены, сохранены, доступны и совершены в электронном виде и могут использоваться в самых разных целях, если соглашающиеся стороны соглашаются использовать их. Концепция виртуальной валюты охватывает более широкий спектр «валют», начиная от простых платежных единиц эмитентов (таких как Интернет или мобильные купоны и мили авиакомпаний), виртуальных валют, поддерживаемых

такими активами, как золото, и до «криптовладений» [16. – Р. 1434], таких как биткоин, эфириум, лайткоин, нео, монеро и др.

При этом немаловажно учитывать, что в настоящее время правовое обеспечение смарт-контрактов и в том числе криптовалют находится только в начальной стадии своего развития. Их правовой статус не определен, и до сих пор не создана так называемая «цифровая среда доверия» [5. – С. 7].

В качестве одного из примеров отметим, что 26 февраля 2018 г. Арбитражный суд Москвы (АГСМ) при проведении процедуры банкротства в отношении должника не включил имеющуюся у него криптовалюту в конкурсную массу. Сам должник является таковым в силу неисполненного договора поручительства между двумя юридическими лицами от 2006 г. Сумма задолженности должника составляет 19 млн рублей. Участвующий в арбитражном деле финансовый управляющий должника ходатайствовал перед АГСМ о передаче кредиторам пароля от криптокошелька, принадлежащего должнику, который в свою очередь высказал возражение на основе того, что «цифровые активы не признаются государством, а информация о содержимом электронного кошелька является конфиденциальной» [2].

Новизна данного рода подходов, призванная устранить из цепи обмена целый ряд посредников (прежде всего кредитно-финансовые учреждения, страховые компании, нотариальные органы, поручителей, риелторов, розничных продавцов и др.), объективно предопределяет необходимость совершенствования правового обеспечения смарт-контрактов прежде всего в целях защиты прав и охраняемых законом интересов сторон таких контрактов, обеспечения безопасности личности, общества, Российского государства и мирового сообщества в целом от негативных последствий, связанных с бурным и пока слабо контролируемым подавляющим большинством государств развитием цифровой экономики.

Впервые понятие смарт-контракта было введено известным американским ученым, специалистом в области права и криптографии Ником Сабо в 1994 г. По его мнению, под смарт-контрактом следует понимать «компы-

ютеризированный транзакционный протокол, который исполняет условия договора» [18]. По прошествии более двух десятилетий 30 июля 2015 г. бала запущена первая открытая цифровая платформа «Эфириум» (Ethereum), работающая на базе смарт-контрактов и позволяющая создавать децентрализованные онлайн-сервисы, получившие название технологии блокчейн (blockchain).

Правила работы с технологией «Эфириум», как отмечено выше, позволяют осуществлять регистрацию любого без ограничений вида сделок с любого вида активами, исключая какое-либо посредничество между сторонами смарт-контрактов, избегая прежде всего традиционные виды юридических процедур и общеизвестные банковские правила осуществления финансовых операций. При этом смарт-контракты в технологии «Эфириум» представляют собой программные классы, являющиеся элементами программного обеспечения, которые могут быть реализованы на различных языках программирования и автоматически быть компилированы из исходных кодов (исходных данных) в так называемые байт-коды (прошедшие синтаксическую, а равно и семантическую аналитическую обработку), что позволяет их последующее использование в работе виртуальной машины рассматриваемой технологии.

Различие между машинным языком сценариев в протоколе криптовалюты биткоин заключается в том, что виртуальная машина технологии (платформы) «Эфириум», получившая название Ethereum Virtual Machine (EVM), поддерживает циклы (многократное повторение правил, заложенных в инструкции – вычислительной операции – программного продукта), в соответствии с чем рассматриваемая платформа использует механизм ограничения смарт-контрактов, исполнение которых может занимать достаточно большое количество времени. Указанный механизм получил название «газ», одна единица которого соответствует запуску одной неделимой («атомарной») инструкции программного обеспечения [14; 15].

В настоящее время разработано и внедрено достаточно большое количество платформ, использующих технологии блокчейн и смарт-контракты (например, NXT, Bitcoin, Side

Chains и др.). Их количество продолжает возрастать, что вызвано появлением новых электронных торговых площадок.

Сторонами смарт-контракта выступают два либо более физических и (или) юридических лиц, являющиеся участниками такого договора (так называемые «подписанты», которые выражают свою волю закрепить смарт-контракт электронной подписью, подтвержденной по правилам использования соответствующей цифровой платформы.

Обратимся к основополагающим вопросам непосредственно правового обеспечения реализации смарт-контрактов, регулируемых прежде всего правилами работы цифровых платформ.

Предметом смарт-контракта является купля-продажа (мена, дарение и т. д.) объекта (объектов) соответствующего заключаемого сторонами договора.

В свою очередь объектом смарт-контракта являются вещи или права, информация о которых сохранена и находится в базовой части цифровой платформы (прежде всего криптовалюта, имущественные права и т. п.) либо к которым программный продукт, формирующий такую платформу, имеет беспрепятственный доступ, исключающий возможность участия человека и тем самым предотвращающий возможность умышленного или случайного искажения данных об объекте смарт-контракта.

Под условиями смарт-контракта (договорными условиями) понимается математический алгоритм (описание), выстроенный на основе логичной и ясной («прозрачной») последовательности действий.

Фактическая реализация смарт-контракта происходит в три основных этапа:

1) опционный смарт-контракт между сторонами сделки записывается в блокчейн с помощью машинного кода. При этом стороны смарт-контракта сохраняют анонимность относительно третьих лиц, но заключенный («скрепленный» электронными подписями сторон) смарт-контракт автоматически вносится в распределенный реестр платформы;

2) фактическое исполнение смарт-контракта. Происходит с момента исполнения всех закодированных договорных условий, присущих соответствующему смарт-контракту.

тракту, например, наступает срок исполнения обязательств (экспирации, завершение обращения опционов на электронной бирже) по срочным контрактам либо достигается цена страйка (цена, установленная в опционе);

3) регуляторы цифровой платформы осуществляют мониторинг надлежащего исполнения обязательств сторон по заключенным на платформе смарт-контрактов. При этом информация частного характера, включая персональные данные сторон таких электронных сделок, остается в разряде закрытой информации.

Применительно к конкретным смарт-контрактам могут добавляться специальные условия исполнения. Например, при купле-продаже товара оплата переводится со счета покупателя на счет блокчейн-платформы (промежуточный счет) и в последующем после получения электронного подтверждения от экспедитора (курьера) о получении покупателем заказа денежные средства подлежат зачислению на счет продавца. При этом если доставка товара осуществлена сверх установленного в смарт-контракте срока, оплата заказа продавцу не осуществляется; средства с промежуточного счета возвращаются на счет покупателя. Также может быть предусмотрено, что, если покупатель своевременно не забрал поставленный товар в центре выдачи заказов, с промежуточного счета удерживаются определенные смарт-контрактом штрафные санкции, остаток средств возвращается на счет покупателя; товар из центра выдачи возвращается продавцу; оговоренная в контракте часть штрафных санкций поступает в виде компенсации на счет продавца.

По аналогии в условия смарт-контрактов вносятся дополнительные условия при предоставлении туристских услуг, аренде транспортных средств, иного движимого, а также недвижимого имущества и т. п.

Также представляется важным отметить, что блокчейн-платформы позволяют производить оплату посредством использования и традиционных валют, и вышеупомянутых криптовалют, производя транзакции по текущему курсу, установленному на конкретной цифровой платформе (электронной торговой площадке) либо независимыми электронными валютными и криптовалютными биржами.

В этой связи представляется целесообразным отметить, что на смену блокчейну уже приходят новые, так называемые хешграф-технологии (hashgraph), скорость работы которых в пятьдесят тысяч раз превышает блокчейн, при этом технологии хешграф требуют меньших затрат памяти и электроэнергии, что позволяет заменять «блокчейн-фермы» обычными компьютерами и даже смартфонами. Дополнительно к этому в хешграф-технологиях изначально заложена меньшая свобода участников системы (платформы) при киберобработке операций, что позволяет сделать систему более надежно защищенной от внутренних ошибок и внешних вмешательств; вознаграждение между майнерами в хешграфе производится на более справедливой основе по принципу пропорционального трудового участия [17].

Обращаясь к теме статьи, отметим, что основными преимуществами смарт-контрактов вне зависимости от платформы, на которой они реализуются, является их независимость от услуг посредников, что снижает затраты сторон прежде всего на банковское и юридическое сопровождение, позволяя осуществлять экономию и сводить издержки к минимуму. Такие контракты достаточно безопасны, так как они находятся в распределенных реестрах, и их условия практически невозможно изменить третьим лицам, что также снижает издержки, в том числе на услуги, предоставляемые в сфере безопасности.

По мнению специалистов Минфина России, предложивших законопроект «О цифровых финансовых активах» [11], смарт-контракт представляет собой «электронный алгоритм, который при наступлении определенного условия позволяет автоматически обменяться деньгами, недвижимостью, акциями и другими активами» [6]. Данные при этом в строгой последовательности записываются в блокчейн или в хешграф либо их аналог.

Особенности смарт-контрактов заключаются в их прозрачности, необратимости, прослеживаемости (возможности проследить историю их заключения и исполнения) [12].

К недостаткам смарт-контрактов относят прежде всего отсутствие надежной и устоявшейся правовой базы, регулирующей дея-

тельность рассматриваемых цифровых платформ и технологий. Сами технологии сегодня не столь надежны и в ряде случаев не предусматривают возможность заключения сложных смарт-контрактов, связанных, например, с возможностью предусматривать различные условия и правовые режимы имущества и неимущественных прав, переходящих, в частности, в порядке универсального правопреемства при наследовании и т. п. случаях. Большинство государств мира до сих пор не определили правовой статус криптовалют, что выводит их за пределы правового поля, при этом ряд стран выразили желание полностью запретить обращение такого вида активов (цифровых активов) в сфере их государственной юрисдикции.

Весьма усложнена связь между сторонами смарт-контрактов с материальными активами [15], что в настоящее время фактически предопределено возможностями платформ. В этой связи подход российских законодателей к определению рассматриваемого вида сделок с точки зрения не обязательственного, но именно вещного права представляется несомненно перспективным, но не учитывающим в полной мере современные реалии.

Учитывая, что Минкомсвязь России предлагает ввести добровольную аккредитацию организаций, которым будет разрешена эмиссия (выпуск) криптовалют, которые предложено называть «цифровыми токенами» (неким цифровым товаром, который можно покупать и продавать) либо «цифровыми финансовыми активами» [4], отметим, что логичнее было бы придерживаться устоявшихся на мировом рынке понятий, раскрывая их дефиниции в российском законодательстве гармонизированно, чтобы не возникало таких же сложностей, как это происходит с интеллектуальными правами. Также немаловажно учитывать, что подготовленный Минкомсвязью России проект постановления Правительства Российской Федерации «Об аккредитации организаций, предоставляющих возможность выпуска цифровых токенов» [10], в котором содержится в том числе предложение утвердить положение об аккредитации организаций, предоставляющих возможность выпуска цифровых токенов, указано, что для получения аккредитации, организация, предостав-

ляющая возможность выпуска цифровых токенов, ко всему прочему обязанная иметь в уставном капитале не менее 100 млн рублей, приведет к тому, что такая деятельность автоматически станет, с одной стороны, монополизирована рядом крупных и отчасти аффилированных с ними, средних организаций, с другой – мигрирует в более благоприятные режимы, в первую очередь посредством осуществления хешгаф-майнинга через виртуальные машины, размещенные на удаленных от Российской Федерации интернет-серверах, что в свою очередь потребует введения санкций административного и, возможно, уголовного характера в отношении частных майнеров, а также мер административного воздействия в отношении операторов мобильной связи и интернет-провайдеров, предоставляющих доступ к таким серверам и позволяющим устанавливать на смартфоны и компьютеры программное обеспечение для выпуска цифровых токенов.

Еще одним существенным недостатком смарт-контрактов является невозможность изменения таковых по вышеозначенным причинам, что существенным образом влияет на возможности сторон по реализации своих прав в полной мере и, несомненно, разрешению споров, которые неизбежно будут возникать в процессе реализации подобного вида договоров.

Дополнительно к вышеизложенному представляется важным предусмотреть в последующем возможность возложения ответственности за причинение вреда сторонам смарт-контрактов на электронные интернет-площадки блокчейн и хешгаф, руководствуясь в том числе определением СКГД ВС РФ – Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 9 января 2018 г. (дело № 5-ГК17-220) [7], по аналогии с ответственностью, которая должна возлагаться на цифрового агента-агрегатора (выводы СКГД ВС РФ от 9 января 2018 г. могут оказать существенное влияние на оценку ответственности агрегаторов заказов такси перед клиентами) [3]. Возможно, по аналогии с рынком ценных бумаг в последующем могут быть выработаны правила страхования ответственности сторон (подписантов) смарт-контрактов, а также самих цифровых плат-

форм типа блокчейн и хешгаф как электронных торговых площадок посредством создания аналогов хедж-фондов на базе частного инвестиционного партнерства [13].

Действительно, по данным Минфина России, около 90% всех ICO (Initial Coin Offering – первичное размещение криптовалюты) сейчас являются мошенническими [6]. Следовательно, чтобы разбираться и участвовать в торговле цифровыми финансовыми активами (токенами), стороны смарт-контрактов должны иметь определенную квалификацию и образовательный ценз.

Внедрение исследуемых цифровых технологий пока продвигается недостаточно активно, что связано в первую очередь с неинформированностью [14] подавляющего числа интернет-пользователей с подобного рода возможностями, что в свою очередь требует популяризации подобных технологий, предоставления определенных предпочтений, например, в сфере налогообложения подобного рода сделок на определенный срок, введения обучающих программ в виде игровых программных продуктов, не влекущих реальной ответственности для обучаемых, и т. п.

Список литературы

1. Агрегатору такси выставили счет за смерть пассажира // Гражданская коллегия ВС допустила взыскание вреда. – М., 2010–2018. – URL: https://zakon.ru/discussion/2018/02/05/agregatoru_taksi_vystavili_schet_za_smert_passazhira__grazhdanskaya_kollegiya_vs_dopustila_vzyiskanie (дата обращения: 12.03.2018).
2. Арбитражный суд не посчитал криптовалюту имуществом должника. – 2018. – URL: <https://www.9111.ru/bankruptcy/t259186-arbitrazhnyy-sud-ne-poschital-kriptovalyutu-imushchestvom-dolzhnika/> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Верховный суд диктует правила: три новых значимых Пленума. – М., 2007–2018. – URL: <http://service.lawyercom.ru/conf-01-03-2018/> (дата обращения: 12.03.2018).
4. Глава Минкомсвязи предложил ввести аккредитацию проводящих ICO компаний. – 1995–2018. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/02/2018/5a78054d9a79475a5c6bcae?utm_source=fb_rbc (дата обращения: 12.03.2018).
5. Дроздов И. А. Стоит задуматься, что можно упростить в существующем законодательстве, если люди решают свои экономические задачи альтернативными способами // Закон. – 2018. – № 2. – С. 6–17.
6. Кантышев П. Минфин предложил прописать «умные» контракты в законодательстве. – 1999–2018. – URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2018/01/25/748948-minfin-smart-kontrakty> (дата обращения: 12.03.2018).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 9 января 2018 г. (дело № 5-ГК17-220). – URL: http://test.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1618800 (дата обращения: 12.03.2018).
8. Панков К. Ответственность агента такси. – М., 2010–2018. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/8/otvetstvennost_agenta_taksi (дата обращения: 12.03.2018).
9. Попов А. О. Информационно-коммуникационные технологии как фактор совершенствования государственного регулирования национальной экономики в условиях информационного общества : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2008.
10. Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об аккредитации организаций, предоставляющих возможность выпуска цифровых токенов». – М., 2018. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56591473/> (дата обращения: 12.03.2018).
11. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» / Минфин России (официальный сайт). – 2018. – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&area_id=4 (дата обращения: 12.03.2018).
12. Смарт-контракты: все, что вы должны знать // ICOTime. – 2017–2018. – URL: <https://icotime.ru/smart-kontrakty-vse-chto-vyi-dolznyi-znat/> (дата обращения: 12.03.2018).

13. Хедж-фонды. – 2017–2018. – URL: <http://fb.ru/article/248046/hedj-fondyi-v-rossii-i-v-mire-reyting-struktura-otzyivyi-hedj-fondyi---eto> (дата обращения: 12.03.2018).
14. Что такое смарт-контракты // Profit gid. – 2017–2018. – URL: <https://profitgid.ru/smart-kontrakty.html> (дата обращения: 12.03.2018).
15. Юрасов М. Ю., Поздняков Д. А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. – М., 2010–2018. – URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения: 12.03.2018).
16. Artemov N. M., Arzumanova L. L., Sitnik A. A., Zenin S. S. Regulation and Control of Virtual Currency: to Be or not to Be // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Vol. 8. – N 5. – P. 1428–1435.
17. Blockchain устарел! Будущее за Hashgraph. – 1997–2018. – URL: <https://subscribe.ru/digest/economics/news/n134480792.html> (дата обращения: 12.03.2018).
18. Szabo N. The Idea of Smart Contracts. – 1994. – URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html> (дата обращения: 12.03.2018).

**Гармонизация правовых основ выпуска в обращение и эксплуатации маломерных судов
как фактор взаимодействия в сфере цифровых информационных технологий
государств – членов ЕАЭС (проблемные аспекты)**

В. Б. Левитин

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: levitinvb@rambler.ru

**Harmonization of Legal Bases for Release into Circulation and Exploitation of Small Vessels
as a Factor of Interaction in the Field of Digital Information Technologies
of the EEA Member States (Problematic Aspects)**

V. B. Levitin

PhD of Law, Associate Professor of the Department
of State Legal and Criminal Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: levitinvb@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные аспекты интеграционных процессов, связанных с реализацией положений Технического регламента Таможенного союза «О безопасности маломерных судов»; анализируются возможности повышения эффективности информационного взаимодействия стран – членов ЕАЭС с использованием цифровых технологий; вносятся предложения по модернизации правовой модели «транспортной недвижимости», совершенствованию национальных систем государственной регистрации средств водного транспорта. В работе говорится о полноценном решении проблемы с помощью введения в действие положений Регламента в рамках гармонизации национального гражданского законодательства, а также изменении редакции статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (статья 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь и статьи 117 Гражданского кодекса Республики Казахстан). Предлагаемому правовому решению мерой могло бы быть принятие странами – членами Евразийского экономического союза консолидированного нормативного правового акта, закрепляющего экономически обоснованные, единые и четкие критерии отнесения судов к категории маломерных, их классификации, освидетельствования и регистрации, создающего условия для эффективного использования цифровых информационных технологий в сфере транспортной безопасности.

Ключевые слова: гармонизация законодательства, унификация законодательства, технический регламент, маломерное судно, транспортная недвижимость, система государственной регистрации транспортной недвижимости, цифровые информационные технологии, информационное взаимодействие, интеграционные процессы в ЕАЭС.

Abstract

The article deals with the problem aspects of integration processes, related to the implementation of the provisions of the Technical regulations of the Customs Union "On the Safety of Small-sized Vessels"; the possibilities of increasing the efficiency of information interaction among the EEU member countries using digital technologies are analyzed; proposals to modernize the legal model of "transport real estate", to improve national systems of state registration of watercraft are made. The work speaks of a full-fledged solution to the problem through the implementation of the provisions of the Regulation in the framework of the harmonization of national civil legislation, as well as the revision of Article 130 of the Civil Code of the Russian Federation (Article 130 of the Civil Code of the Republic of Belarus and Article 117 of the Republic of Kazakhstan). The adoption of a consolidated normative legal act by the member states of the Eurasian Economic Union that establishes economically justified, unified and clear criteria for classifying vessels as small-sized, and of their classification, survey and registration, which creates

conditions for the effective use of digital information technologies in the field of transport security, could be the proposed legal solution.

Keywords: harmonization of legislation, unification of legislation, technical regulations, small-sized vessel, transport real estate, state registration of transport real estate, digital information technologies, information interaction, integration processes in the EEU.

Одним из важнейших условий повышения эффективности интеграционных процессов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, обусловленных их совместным вхождением как в состав Таможенного союза, так и в Евразийский экономический союз, является единое нормативное правовое закрепление долговременных договоренностей на уровне соответствующих властных структур относительно общей стратегии проводимых преобразований в различных сферах экономики, сбалансированности отдельных этапов их реализации, универсальных критериев оценки эффективности функционирования управленческих механизмов, административных процедур, способов и приемов технического регулирования, информационного взаимодействия и т. д. [1. – С. 223]. Это в полной мере касается не только транспортной деятельности в целом, но и безопасности эксплуатации морских и речных судов, используемых физическими и юридическими лицами в основном для активного отдыха и занятия спортом в частности.

Как известно, нормативной правовой основой сотрудничества Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан по реализации интеграционных процессов в данной сфере служит «Договор о Евразийском экономическом союзе», заключенный в Астане 29 мая 2014 г. (далее – Договор), предусматривающий широкий спектр мер информационного взаимодействия, а также технического регулирования на территории государств – членов Союза и в частности в сфере транспортной безопасности.

Пунктом 2 статьи 23 Договора предусмотрено, что информационное взаимодействие при реализации общих процессов в рамках Союза осуществляется с использованием интегрированной информационной системы Союза, обеспечивающей интеграцию территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информацион-

ных систем. В настоящее время функционирует Интегрированная информационная система внешней и взаимной торговли Союза (ИИСВВТ), тесно сопрягаемая с мероприятиями по реализации «Цифровой повестки Союза» и охватывающая все сферы интеграционной деятельности.

Одной из важнейших целей создания Системы являются обеспечение эффективного регулирования внешней и взаимной торговли на таможенной территории, осуществление транспортного и других видов государственного контроля с использованием информационных телекоммуникационных технологий при перемещении товаров и транспортных средств через таможенную границу (пункт 2.1 Концепции создания ИИСВВТ, утвержденной решением Межгоссовета ЕвразЭС от 19 ноября 2010 г. № 60).

Техническое регулирование по определению неотделимо от информационного, в том числе с использованием цифровых информационных технологий взаимодействия стран – членов Союза, предусматривающих создание интегрированных банков данных, их единого хранилища, особых инструментов обобщения и анализа и т. д.

Общеизвестно, что именно цифровые технологии позволяют в рамках функционирования государственных регистрационных систем, аккумулирующих гигантские объемы информации, в том числе конфиденциального характера, обеспечить наибольшие возможности снижения рисков несанкционированного доступа к информации, ее искажения и утраты.

Согласно подпунктам 2, 3 статьи 51 Договора, в число важнейших принципов осуществляемого Союзом технического регулирования входят:

– установление единых обязательных требований в технических регламентах Союза или национальных обязательных требований в законодательстве государств-членов к про-

дукции, включенной в единый перечень продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Союза;

– применение и исполнение технических регламентов Союза в государствах-членах без изъятий.

Одним из важнейших нормативно-технических документов в сфере транспортной безопасности является Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 026/2012 «О безопасности маломерных судов», принятый Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 15 июня 2012 г. № 33 и распространяющий свое действие на территории всех стран – участников ЕАЭС (далее – Технический регламент, Регламент).

Введение в действие Регламента предполагает утверждение целого комплекса единых, универсальных организационно-технологических материалов (стандартов, типовых форм свидетельств, сертификатов и т. п.), рассчитанных на широкое использование цифровых информационных технологий (решение Евразийской экономической комиссии от 13 мая 2014 г. № 72 «О порядке введения в действие технического регламента Таможенного союза "О безопасности маломерных судов"»).

Технический регламент имеет целью установление на единой таможенной территории Таможенного союза единых обязательных для применения и исполнения требований к маломерным судам, спасательным средствам и (или) оборудованию для маломерных судов обеспечения свободного перемещения маломерных судов, спасательных средств и (или) оборудования для маломерных судов, выпускаемых в обращение на единой таможенной территории Таможенного союза.

Область распространения положений Регламента ограничена как верхним пределом – судно длиной не более 20 метров и допустимое количество людей на борту не более 12 человек, так и нижним – судно массой свыше 100 кг, исключая суда, построенные или оборудованные для рыболовства, перевозки грузов, буксировки, проведения поиска, разведки и добычи полезных ископаемых, строительных, путевых, гидротехнических и других подобных работ, лоцманской и ледо-

кольной проводки, а также осуществления мероприятий по защите водных объектов от загрязнения и засорения (пункт «З» статьи 5 Регламента).

Полномасштабная реализация закрепленного Техническим регламентом обширного перечня достаточно конкретных и зачастую весьма жестких требований к конструкции, оснащению и экипажу маломерного судна предполагает перманентные усилия сторон по гармонизации принципов и подходов национальных правовых систем России, Беларуси и Казахстана к регламентации разнообразных аспектов обеспечения эксплуатационной безопасности указанных средств водного транспорта, подлежащих оценке в ходе четко регламентированных процедур классификации, освидетельствования и государственной регистрации маломерного судна. Поэтому степень согласованности либо разобщенности существующих в настоящее время правовых и нормативно-технических решений относительно содержания правовой категории «маломерное судно» в законодательстве стран – членов указанных международных объединений имеет важнейшее значение [2. – С. 172].

Необходимым условием реализации положений Регламента является выработка универсального для законодательства стран – членов ЕАЭС понятия *маломерного судна*, включающего четкие и определенные признаки конструктивной характеристики судна, поддающиеся точному измерению, приемлемые и достаточные для построения системы цифровых алгоритмов, используемых в информационных технологиях, в процессе осуществления процедур классификации, освидетельствования и регистрации судна и т. д.

На первый взгляд, исходные правовые конструкции, определяющие правовые рамки содержания категории маломерных судов и их вещно-правовой статус в России, Беларуси и Казахстане, несмотря на некоторые терминологические отличия, по существу полностью тождественны. Согласно части 2 пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) (части 2 пункта 1 статьи 130 Гражданского кодекса Республики Беларусь, части 2 статьи 117 Гражданского кодекса Республики Казахстан), морские суда и суда внутреннего плавания, в

том числе маломерные, которые подлежат государственной регистрации, являются разновидностью категории недвижимых вещей, условно именуемой «транспортной недвижимостью» либо приравнены к данной группе имущественных объектов.

Законодательство стран – членов Союзов закрепляет сходные и в основном совпадающие с положениями Регламента формулировки понятия, предельные размерения корпуса и пассажироместимости судна, необходимые и достаточные для его отнесения к категории маломерного.

В пункте 3 статьи 7 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ) и абзаце 17 статьи 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ) в редакции Федерального закона Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 36-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения понятия маломерного судна», пункте 2 Указа Президента Республики Беларусь 25 июля 2013 г. № 332 «Об отдельных вопросах функционирования Государственной инспекции по маломерным судам и внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь» под маломерными судами понимают суда длиной не более 20 метров с допустимым количеством людей на борту не более 12 человек независимо от их потребительского либо иного назначения.

Аналогичные по закреплённым параметрам судна правовые нормы содержат пункт 59-1 Закона Республики Казахстан от 17 января 2002 г. № 284-II «О торговом мореплавании» и пункт 45 Закона Республики Казахстан от 6 июля 2004 г. № 574-II «О внутреннем водном транспорте» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 июня 2017 г.), исключающие из категории маломерных суда профессионально-коммерческого использования. Данная конструкция полностью соответствует требованиям Регламента, однако ведет к существенному ограничению круга средств водного транспорта данной категории по сравнению с правовой моделью маломерного судна, закреплённой в российском и белорусском законодательстве, которые такой оговорки не содержат.

Однако на этом единообразии и совместимости с положениями Регламента правовых моделей категории «маломерное судно» в законодательстве России, Беларуси и Казахстана практически полностью исчерпывается.

Прежде всего особенности средств и методов правового регулирования данной сферы транспортной деятельности в перечисленных выше случаях касаются различий юридической силы нормативных правовых актов, определяющих правовой режим эксплуатации маломерных судов, объясняемых спецификой государственного устройства стран – членов Союза [8. – С. 27]. Так, в Российской Федерации базовые положения регламентации государственных регистрационных процедур в отношении маломерных судов закреплёны в федеральном законодательстве.

При этом Федеральный закон РФ от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», детализирующий предписания статьи 131 ГК РФ, исключил морские суда и суда внутреннего плавания, включая маломерные, из круга имущественных объектов, подлежащих обязательной государственной регистрации на общих основаниях, предусмотрев необходимость принятия специального федерального закона (часть 2 пункта 1 статьи 33 Федерального закона № 122-ФЗ в ред. от 29.12.2015 г.), который до сих пор не издан.

Действующий в настоящее время в Российской Федерации порядок классификации, освидетельствования и государственной регистрации маломерных судов носит дифференцированный характер, поскольку предполагает использование соответствующих правовых норм КТМ, КВВТ и целого ряда нормативных правовых актов подзаконного характера, в том числе постановлений Правительства Российской Федерации, а также ведомственных нормативных правовых актов Минтранса России и МЧС России, определяющих порядок реализации компетенции Государственной инспекции по маломерным судам.

Что касается Республики Беларусь и Республики Казахстан, то законодателям этих унитарных государств удалось избежать указанной «многослойности» нормативно-

правовой базы путем перевода процесса регламентации системы классификации, освидетельствования и государственной регистрации маломерных судов на подзаконный уровень, однако указанные нормативные правовые акты стран – членов ЕАЭС содержат достаточно разноречивые требования как материально-правового, так и процедурного характера, например в части периодичности освидетельствования маломерных судов.

Сравнительный анализ свидетельствует, что наиболее проблемным моментом для полноценной интеграции национальных систем контроля за выпуском в обращение маломерных судов является различие подходов нормотворческих структур стран – членов Союза к выработке единых критериев классификации маломерных судов, определяющих «пороговые» значения содержания данной правовой категории.

В России признаки, при наличии которых судно не подлежит государственной регистрации, а следовательно, не относится к категории маломерных, закреплены непосредственно в нормативных правовых актах законодательного уровня (пункт 1.1 статьи 33 КТМ РФ и пункт 1.1 статьи 16 КВБТ). Согласно данным правилам, требование обязательного прохождения государственной регистрации распространяется на суда массой с полным оснащением, превышающей 200 килограмм, и мощностью двигателей (в случае установки) 8 кВт (10 л. с.) и более этого значения. Прохождения процедур допуска к эксплуатации владельцами средств водного транспорта с меньшими параметрами в настоящее время в России не предусмотрено, поскольку они считаются фактически не участвующими в мореплавании и судоходстве. При этом прогулочные и спортивные парусные суда не входят в состав категории маломерных судов и подлежат классификации по иным критериям, что существенно размывает правовые рамки понятия «маломерное судно».

В Казахстане тождественная по содержанию правовая норма содержится в нормативном правовом акте подзаконного характера – Постановлении Правительства Республики Казахстан от 14 сентября 2011 г. № 1058 «Об утверждении Правил государственной регистрации судна, в том числе маломерного суд-

на, и прав на него» (пункт 60-1 в ред. Постановления Правительства Республики Казахстан от 20 декабря 2013 г. № 1380). Указанные Правила предусматривают разграничение маломерных судов на самоходные и несамоходные суда с включением судов, имеющих парусное оснащение, в состав самоходных маломерных судов.

В Беларуси же освобождены от прохождения государственной регистрации лишь гребные лодки, байдарки и надувные суда грузоподъемностью менее 225 килограммов (пункт 1 Положения о порядке государственной регистрации и классификации маломерных судов, за исключением гребных лодок, байдарок и надувных судов грузоподъемностью менее 225 килограммов, утвержденного Постановлением Совета министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1149).

Из сказанного следует, что в основу классификации судов России, Казахстана, с одной стороны, и Белоруссии, с другой, положены разные параметры судов: масса (водоизмещение) либо грузоподъемность, наличие или отсутствие двигателя и его мощность и др., различаются также количественные показатели указанных параметров. Следует лишь учесть, что грузоподъемность является более традиционным и константным параметром судна по сравнению с его массой (водоизмещением), поддающимся определенной корректировке в процессе эксплуатации судна.

К сожалению, в целом ряде случаев при категоризации судна придается определяющее значение таким особенностям конструкции и оборудования судна, которые имеют неустойчивый, ситуативный характер. Так, например, признаки наличия, как и отсутствия, подвесного лодочного мотора на судне, а также показатели его мощности достаточно просто поддаются корректировке, влияющей на изменение категории судна. Конструкции многих современных сборно-разборных и иных судов позволяют при необходимости без переоборудования судна в целом устанавливать вспомогательное парусное снаряжение, быстросъемные укрытия для отдыха и т. п., что дает возможность перевода судна в иную классификационную категорию с самостоятельными критериями допуска к эксплуатации. Указанные особенности зачастую носят

оценочный характер, далеко не всегда внятно и четко формулируются изготовителем судна в прилагаемых к изделиям товарно-сопроводительных документах (технических паспортах, инструкциях по использованию изделий и т. д.) и приводят к тому, что некоторые виды судов вообще выпадают из системы категоризации [6. – С. 46].

Как видим, отличительные признаки рассмотренных видов маломерных судов не обладают единообразными свойствами, что явно препятствует выстраиванию их общего понятийного ряда, четкой классификации и формированию единого алгоритма унифицированной правовой конструкции системы выпуска в обращение маломерных судов, пригодного для встраивания в интеграционные процессы информационного обеспечения процесса реализации положений Технического регламента с использованием цифровых технологий [4. – С. 47].

Необходимо также иметь в виду, что статья 5 Регламента содержит целый ряд специальных требований к маломерным судам, которые должны соблюдаться их владельцами в процессе эксплуатации и утилизации, в том числе уже после прохождения процедур классификации, освидетельствования и государственной регистрации. Это обстоятельство предполагает учет особенностей национальных систем аттестации судоводителей на право управления маломерными судами стран – членов Союза, которые должны обладать соответствующими знаниями положений Регламента и навыками их практического применения.

Исследование показывает, что критерием обязательности прохождения судоводителем аттестации на право управления маломерным судном служат показатели мощности установленной на нем силовой установки, и в этой сфере в странах – членах ЕАЭС имеются весьма существенные различия. В России и Казахстане пороговым значением лодочного мотора, требующим наличия у владельца удостоверения на право управления маломерным судном, является показатель его мощности – 8 кВт (10 л. с.), в Беларуси – 3,68 кВт (5 л. с.) (пункт 32 Правил аттестации судоводителей на право управления маломерным судном, утвержденных Приказом и. о.

Министра по инвестициям и развитию Республики Казахстан от 17 апреля 2015 г. № 457).

В качестве позитивного момента следует отметить, что для решения интеграционных задач Договором предусмотрено использование всего спектра современных правовых инструментов в этой области, включая как гармонизацию положений национальных правовых систем, т. е. сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах», так и их унификацию, рассматриваемую с позиции сближения законодательства государств-членов, направленного на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных настоящим Договором (раздел I, статья 2 Договора). Думается, в используемом Договором контексте текущие содержательные моменты обоих терминов практически совпадают, а различия в обоих случаях касаются лишь конечных целей нормотворчества, поэтому на современном этапе интеграционных процессов может с успехом использоваться весь арсенал рассмотренных правовых инструментов.

Вместе с тем выявленные в результате анализа расхождения в указанных сферах свидетельствуют о том, что просто отдать предпочтение в неизменном виде какой-либо одной из рассмотренных национальных систем допуска к эксплуатации маломерных судов не представляется возможным [5. – С. 22]. Вполне очевидно, что предпринимаемые в странах – членах ЕАЭС меры по корректировке правового режима обращения на рынке маломерных судов направлены на фрагментарное решение проблемы в целом.

По нашему мнению, в ходе интеграционных процессов в России, Беларуси и Казахстане в рамках перехода к реализации положений Технического регламента и обеспечению транспортной безопасности в целом должно быть найдено взаимоприемлемое, компромиссное решение, основанное на формировании модернизированной правовой модели системы допуска к эксплуатации морских судов и судов внутреннего плавания, предусматривающей значительно более уз-

кий круг судов, включаемых в категорию «транспортной недвижимости».

Следует напомнить, что возникновение правовой конструкции «транспортной недвижимости» в современном законодательстве стран – членов ЕАЭС явилось результатом не вполне удачной, на наш взгляд, попытки совмещения в единое целое двух достаточно разнородных и имеющих различную целевую направленность правовых моделей.

Одна из них устанавливает правовые рамки вещно-правового статуса указанных транспортных средств как разновидности недвижимого имущества и объекта налогообложения, другая – в основном регламентирует особый режим их практического использования, наличие у владельца соответствующего допуска к эксплуатации транспортного средства в качестве одного из видов источника повышенной опасности.

Таким образом, в данной правовой конструкции критерий нуждаемости в прохождении процедуры государственной регистрации совершенно неоправданно служит правообразующим фактором отнесения морского судна или судна внутреннего плавания к категории недвижимого имущества, поскольку является достаточно абстрактным [7. – С. 4].

Поскольку направленность регламентированной гражданским законодательством стран – членов ЕАЭС государственной регистрационной системы определяется необходимостью установления особого вещно-правового статуса того или иного вида имущества в качестве объекта недвижимости, представляется, что критерии нуждаемости в прохождении соответствующих регистрационных процедур должны быть самым тесным образом связаны с особенностями его экономико-стоимостной характеристики [4. – С. 48].

С этих позиций одним из основных критериев нуждаемости в прохождении государственной регистрации средств водного транспорта следует прежде всего считать обобщающий коэффициент их инвестиционной привлекательности как объектов «транспортной недвижимости», формируемый на основе соотношения учетно-статистических и среднерыночных показателей коммерческой значимости сопоставимых видов недвижимого имущества, в значительной степени опреде-

ляющей общее состояние инвестиционного климата на общей территории Союза. Методика вычисления указанного коэффициента может базироваться на учете совокупности частных индикаторов, отражающих такие свойства конкретного судна, как продолжительность периода окупаемости его продажной цены, сроки службы и полной амортизации, объем затрат на ремонт, содержание и обслуживание, уровень ликвидности и т. д. [8. – С. 67–68].

Что касается учета особенностей технико-эксплуатационной характеристики средства водного транспорта как разновидности источника повышенной опасности, то эта задача, по нашему мнению, должна решаться с помощью реализации регистрационных механизмов, альтернативных по отношению к системе государственной регистрации недвижимого имущества.

Применительно к гражданскому законодательству Российской Федерации необходимо иметь в виду, что система регистрации различных видов имущества, закрепленная в статье 131 ГК РФ, предусматривает целый ряд регистрационных процедур, имеющих разные цели и различную правовую природу.

Как известно, наряду с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество в предусмотренных законом случаях могут осуществляться специальная регистрация или учет отдельных видов недвижимого имущества (пункт 2 статьи 131 ГК РФ), а также регистрация прав на движимые вещи (пункт 2 статьи 130 ГК РФ), которые также могут обладать атрибутами государственных регистрационных процедур (например, сопровождаться выдачей государственного номерного знака на автотранспортное средство).

Полагаем, что именно с помощью специальных регистрационно-учетных процедур должно осуществляться удостоверение основных свойств технико-эксплуатационной характеристики транспортных средств, таких как предусмотренная конструкцией судна максимальная скорость передвижения, предельно-допустимые изготовителем (но не фактически существующие, как это имеет место в настоящее время) мощность двигателя, проектная пассажироместимость и т. д.

Исходя из этого, адекватные критерии нуждаемости в прохождении специальной регистрации указанных выше транспортных средств могут быть выработаны лишь на основе учета таких показателей, которые достаточно полно отражают качественно-количественные параметры процесса реализации учетно-регистрационных процедур и контрольно-надзорных функций сотрудниками соответствующих государственных органов.

Сложившаяся противоречивая ситуация, на наш взгляд, во многом объясняет стремление законодателя России и Казахстана повысить, по сравнению с требованиями Регламента, пороговые значения категории маломерного судна с целью приблизить эти значения к традиционным в общемировой практике воззрениям на содержание правовой категории «недвижимое имущество», абстрагируясь в значительной мере от подтверждаемой реальными жизнями возможности разрастания криминальных рисков, связанных с освобождением от обязательности прохождения регистрационных процедур весьма обширного круга мелких судов [9. – С. 64].

Представляется, что эта тенденция в целом мало результативна, поскольку предполагает сохранение в составе «транспортной недвижимости» категории маломерных судов, абсолютное большинство которых по своим эксплуатационно-стоимостным характеристикам никак не соответствуют устоявшимся в экономическом обороте признакам «недвижимости».

Непреложным остается положение отечественной цивилистики о том, что критерии отнесения тех или иных видов имущества к категории недвижимости не могут избираться произвольно. Нельзя не согласиться с мнени-

ем В. П. Мозолина о наличии связи с землей как имманентном качестве не только традиционных, но и мобильных объектов недвижимости, в том числе средств водного транспорта, которая проявляется в том, что для их эксплуатации необходимо наличие специально оборудованных земельных участков с находящимися на них постройками и оборудованием (порты, причалы и т. п.) [4. – С. 93].

Вместе с тем очевидно, что значительные резервы для согласованного странами – членами ЕАЭС решения задач по реализации интеграционных процессов в данной сфере содержатся в расширении возможностей дальнейшей диверсификации как самой категории «транспортной недвижимости», так и соответствующих регистрационных процедур.

Полноценное решение проблемы введения в действие положений Регламента возможно в рамках гармонизации национального гражданского законодательства с помощью изменения редакции статьи 130 ГК РФ (статья 130 ГК Республики Беларусь и статьи 117 Республики Казахстан) путем исключения категории маломерных судов из содержания понятия «транспортная недвижимость».

Корреспондирующей предлагаемому правовому решению мерой могло бы быть принятие странами – членами Евразийского экономического союза консолидированного нормативного правового акта, закрепляющего экономически обоснованные, единые и четкие критерии отнесения судов к категории маломерных, их классификации, освидетельствования и регистрации, создающего условия для эффективного использования цифровых информационных технологий в сфере транспортной безопасности.

Список литературы

1. *Вертинская Т. С.* Институциональные факторы экономической интеграции регионов стран – членов ЕАЭС // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник : сборник трудов. – М., 2017. – С. 220–225.
2. *Гвоздева Е. И., Алексахина В. Г.* Интеграционные процессы между Россией, Белоруссией и Казахстаном – основной механизм сотрудничества в рамках Таможенного союза // Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества вузов стран Таможенного союза и СНГ : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Королев : Технологический университет, 2013. – С. 170–174.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий / отв. ред. Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин, В. П. Мозолин. – М. : БЕК, 2009.
4. Зудинова К. Ю., Балабина Л. А. Возможности расширения международного сотрудничества в секторе маломерного судостроения путем разрешения проблем реализации технического регламента // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2014. – № 2 (2). – С. 248–251.
5. Кузьминых В. Е. Опыт и перспективы развития таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном // Запад-Россия-Восток : политическое, экономическое и культурное взаимодействие : материалы VI Международной научно-практической конференции. – Тольятти : ТСГУ 2012. – С. 220–224.
6. Пастухова Н. Б. О формировании правовой системы союзного государства, образуемого Россией и Белоруссией // Право и образование. – 2002. – № 6. – С. 172–179.
7. Ревенко Н. С. Проблематика интеграционного взаимодействия в деятельности аналитических центров стран – членов ЕАЭС // Вопросы новой экономики. – 2016. – № 4 (40). – С. 33–39.
8. Терениченко А. А. Пути гармонизации нормативной правовой базы России и других стран-членов ЕАЭС в сфере регулирования экономической деятельности // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 6 (138). – С. 59–62.
9. Хромова Н. М. О криминализации нарушений при пользовании маломерными судами на водных объектах // Законодательство и экономика. – 2016. – № 11. – С. 28–40.

Новеллы об опционах в гражданско-правовых отношениях**О. А. Рузакова**

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: olalstep@mail.ru

Novels on Options in Civil Law Relations**O. A. Ruzakova**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: olalstep@mail.ru

Аннотация

Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу 1 июня 2015 г., предусмотрел в числе новых конструкций договоров опционные договоры и опцион на заключение договора. За два с половиной года действия новелл о договорах уже сложилась судебная практика и выявились отдельные проблемы правоприменения, которые рассматриваются в данной статье, в том числе: правовая природа, проблема терминологии, общего и различного в данных договорах, проблема соотношения с организационными, предварительными, рамочными договорами, применения новелл Гражданского кодекса РФ с обратной силой с учетом положений статьи 422 Гражданского кодекса РФ, форма опциона на заключение договора, сфера применения опционов, последствия возврата опционной премии. Особое внимание уделено возможности и перспективам использования опционов в договорных отношениях в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, опцион, опцион на заключение договора, опционный договор, безотзывная оферта, заключение договора, акцепт, договор об отчуждении доли в обществе с ограниченной ответственностью, опционы в сфере интеллектуальной собственности, право на заключение договора, форма опциона, обратная сила закона.

Abstract

Federal Law No. 42-FZ of 08 March 2015 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation", which entered into force on June 1, 2015, envisaged option contracts and an option to conclude a contract among the new contract designs. For two and a half years of the novellas on the contracts, judicial practice has already developed and certain problems of law enforcement have been identified, which are discussed in this article, including: the legal nature, the problem of terminology, the general and various in these contracts, the relationship with the organizational, preliminary, framework treaties, the application of the novellas of the Civil Code of the Russian Federation with retroactive force, taking into account the provisions of Article 422 of the Civil Code of the Russian Federation, the form of the option to conclude the contract, the scope of application of options, the consequences of the return of the option premium. Particular attention is paid to the opportunities and prospects for the use of options in contractual relations in the field of intellectual property.

Keywords: civil law contract, option, option to conclude a contract, option agreement, irrevocable offer, conclusion of a contract, acceptance, agreement on alienation of a stake in a limited liability company, options in the field of intellectual property, the right to conclude a contract, option form, retroactivity of law.

Одним из элементов принципа свободы договора является возможность заключения непоименованных в законодательстве договоров, однако таких договоров становится все

меньше, поскольку в круг законодательного регулирования постоянно включаются все новые и новые конструкции гражданско-правовых договоров [7; 12]. Не стала в этом

плане исключением и реформа гражданского законодательства, которая проводится с 2012 г. и связана с внесением Президентом РФ в Государственную думу проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Включение Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в главу 27 части первой ГК РФ таких новых договорных конструкций, как рамочный договор (статья 429.1 ГК РФ), опцион на заключение договора (статья 429.2 ГК РФ), опционный договор (статья 429.3 ГК РФ), договор с исполнением по требованию (абонентский договор) (статья 429.4 ГК РФ), обусловлено тем, что названные договоры не укладываются в рамки традиционной предметной классификации по цели, направленности договора, как, впрочем, и другие договоры, предусмотренные в названной главе (предварительный договор, договор присоединения и др. [14. – Ст. 428, 429]). Как отмечает В. В. Витрянский, «специальные договорные конструкции: публичный договор, договор присоединения, предварительный договор, договор в пользу третьего лица, рамочный договор, опцион, абонентский договор – не относятся к числу рядовых видов (разновидностей) гражданско-правовых договоров и по этой причине не вписываются в традиционные классификации» [4]. Иногда такие договоры относят к категории организационных как имущественные договоры, которые имеют некоторые организационные элементы. Однако определять все договоры, прежде всего опционный договор, опцион на заключение договора, в которых в предмет входит право требования, в том числе право на заключение договора, в качестве организационных не представляется обоснованным. К числу организационных договоров можно отнести рамочный договор (договор с открытыми условиями), споры о правовой природе которого находят отражение в многочисленных публикациях [22], вплоть до недопусти-

мости объединения рамочного договора и договора с открытыми условиями [9; 11; 13].

Одним из наиболее спорных договоров как с точки зрения терминологии, так и соотношения с другими договорами является опцион на заключение договора.

До 1 июня 2015 г. термин «опцион» применялся в законодательстве о рынке ценных бумаг. Согласно статье 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»², опцион рассматривается в качестве ценной бумаги: опцион эмитента – эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее владельца на покупку в предусмотренный в ней срок и/или при наступлении указанных в ней обстоятельств определенного количества акций эмитента такого опциона по цене, определенной в опционе эмитента.

Опционные сделки как уступка прав на будущую передачу прав и обязанностей в отношении биржевого товара или контракта на поставку биржевого товара упоминались в Законе РФ от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле»³.

До 1 июня 2015 г. в науке предлагались разные варианты квалификации гражданско-правовой природы опционного договора: «предварительный договор купли-продажи [8. – С. 30]; договор купли-продажи имущественного права [15; 18. – С. 122]; договор купли-продажи биржевого товара: с премией, являющейся оплатой права отказа от исполнения [3. – С. 46], с премией, которая рассматривается в качестве неустойки [2. – С. 20], под отлагательным условием [16. – С. 15]; договор особого рода, состоящий из двух этапов [21. – С. 104]» [19].

Указанием Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов»⁴, вступившим в силу 11 апреля 2015 г., после принятия, но введения в действие Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» не опционом на заключение договора, а опционным договором призна-

¹ URL: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ;n=94778#06622518707868268](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=94778#06622518707868268)

² См.: Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 18. – Ст. 961.

⁴ См.: Вестник Банка России. – 2015. – № 28.

вался договор, предусматривающий одну из следующих обязанностей:

— обязанность стороны договора на условиях, определенных при его заключении, в случае предъявления требования другой стороной купить или продать ценные бумаги, валюту или товар, являющиеся базисным активом, в том числе путем заключения стороной (сторонами) и (или) лицом (лицами), в интересах которого (которых) был заключен опционный договор, договора купли-продажи ценных бумаг, договора купли-продажи иностранной валюты или договора поставки товара;

— обязанность стороны договора в случае предъявления требования другой стороной заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом и составляющий базисный актив.

Основным квалифицирующим признаком опциона является предмет договора, который включает в себя предоставление права, носящего договорный характер (права на заключение договора, права на исполнение по договору).

В ходе работы над текстом проекта федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» было принято решение использовать термин «опцион» применительно к двум договорным конструкциям – соглашению о предоставлении опциона (опцион на заключение договора) и собственно опционному договору.

Согласно пункту 1 статьи 429.2 ГК РФ, в силу соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опцион на заключение договора) одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом. Опцион на заключение договора предоставляется за плату или другое встречное предоставление, если иное не предусмотрено соглашением, в том числе заключенным между коммерческими организациями. Другая сторона вправе заключить договор путем акцепта такой оферты в порядке, в сроки и на условиях, которые предусмотрены опционом.

«Характерным признаком данной договорной конструкции (соглашения о предоставлении опциона на заключение договора)

является то обстоятельство, что его предмет – это не действия обязанной стороны по передаче товаров, выполнению работ, оказанию услуг, уплате денежных средств и т. п., как это имеет место в обычном договорном обязательстве, а наделение управомоченной стороны (держателя опциона) безусловным правом на заключение соответствующего договора, из которого возникнет требование к контрагенту совершить отмеченные действия. Наделение держателя опциона безусловным правом на заключение соответствующего договора осуществляется его контрагентом путем предоставления ему безотзывной оферты»¹.

Выгода держателя опциона состоит в том, что он может, но не обязан заключать с контрагентом определенный договор. Контрагент между тем обязан заключить договор по требованию покупателя опциона, за что и получает определенную плату (вознаграждение).

Опцион на заключение договора имеет сходство с предварительным договором в том, что контрагент обязан заключить определенный договор с держателем опциона. На практике такой подход нередко приводит к смешению данных договоров², а в литературе можно встретить определение опционного договора через конструкцию предварительного договора [10]. Отличие заключается в том, что обязанность заключения нового договора по опциону ложится только на контрагента, и если в предварительном договоре стороны договариваются о заключении основного договора, то по опциону на заключение договора сторона предоставляет за плату безотзывную оферту, которая может быть акцептована в предусмотренный договором срок. Возможность внесения платы по опциону на заключение договора отличает его от предварительного договора, так как судебная практика исходит из того, что по смыслу норм, регулирующих заключение предварительного дого-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29; / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2016 (автор комментария к ст. 429.2 – В. В. Витрянский).

² См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 20 октября 2017 г. по делу № 33-43404/2017.

вора, указанный договор не порождает для сторон денежных обязательств, а только обязательство заключить основной договор в будущем.

В отличие от рамочного договора, согласно пункту 4 статьи 420.2 ГК РФ, опцион на заключение договора должен содержать условия, позволяющие определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению. Предмет договора, подлежащего заключению, может быть описан любым способом, позволяющим его идентифицировать на момент акцепта безотзывной оферты.

Форма опциона на заключение договора подчиняется требованиям к форме, установленной для договора, подлежащего заключению (пункт 5 статьи 429.2 ГК РФ). Так, действительным был признан опцион на заключение договора возмездного оказания услуг на основании расписки, согласно которой полученная сумма является оплатой за обязательство контрагента заключить договор на управление кухней и рестораном, ведение операционной деятельности с ежемесячной оплатой 5 процентов от оборота. Передача денежных средств на основании расписки свидетельствовала о согласии с указанными условиями опциона. Из содержания расписки суд установил возникновение правоотношений, вытекающих из соглашения о предоставлении опциона на заключение договора, которое, в свою очередь, содержит все существенные условия будущего договора, подлежащего заключению, применительно к пункту 4 статьи 429.2 ГК РФ: предмет (услуги по управлению кухней и рестораном, ведение операционной деятельности), порядок оплаты (ежемесячная оплата 5% от оборота)¹.

Учитывая, что безотзывная оферта содержится в опционе на заключение договора, для того чтобы заключить последний, необходимо совершить акцепт в той же форме, в которой совершен опцион на заключение договора и, соответственно, в форме, установленной для договора, подлежащего заключению. Так, если сделка требует нотариального удостоверения, то и опцион на заключение договора, а также акцепт требуют такого удо-

стоверения. Специальные нормы предусмотрены в части 11 статьи 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»², согласно которой сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, подлежит нотариальному удостоверению путем составления одного документа, подписанного сторонами. Сделка, направленная на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества, во исполнение опциона на заключение договора может быть совершена путем отдельного нотариального удостоверения безотзывной оферты (в том числе путем нотариального удостоверения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора), а впоследствии нотариального удостоверения акцепта.

Безотзывная оферта считается акцептованной с момента нотариального удостоверения акцепта. После нотариального удостоверения акцепта нотариус обязан в течение двух рабочих дней со дня удостоверения акцепта направить оференту извещение о состоявшемся акцепте. В случае если безотзывная оферта совершена под отменительным или отлагательным условием, акцептант представляет нотариусу, удостоверяющему акцепт, доказательства, подтверждающие ненаступление или наступление соответствующего условия.

Согласно пункту 6 статьи 429.2 ГК РФ, опцион на заключение договора может быть включен в другое соглашение, если иное не вытекает из существа такого соглашения, в том числе в корпоративный договор, договоры банковского обслуживания и др.

Абзац 2 пункта 1 статьи 429.2 ГК РФ содержит важное положение о возможности акцепта по опциону на заключение договора только при наступлении определенного таким опционом условия, в том числе зависящего от воли одной из сторон. Таким образом, потенциальные условия нашли отражение не только в общей статье 327.1 ГК РФ в отношении исполнения по договору, но и применительно к отдельным договорам, в том числе к опционам на заключение договора, например, при отчуждении акций, долей в уставном капитале

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 20 октября 2017 г. по делу № 33-43404/2017.

² См.: Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

хозяйственных обществ. Так, потестативные условия могут иметь значение для реализации на практике известных за рубежом условий *drag along* и *tag along* в корпоративном праве, в том числе в корпоративных договорах¹. «Право "потянуть за собой" (англ. *Drag along Rights*) состоит в том, что в случае если участник продает свою долю/акции внешнему инвестору, такой участник может требовать у других участников продать их доли/акции этому инвестору по той же цене и на тех же условиях. Такие права могут расцениваться как опцион на покупку под условием. Право "последовать" (англ. *Tag-along Rights or Co-sale Agreements*) – это право акционера продать свои акции внешнему инвестору на тех же условиях, на которых продали акции крупные акционеры. Такое право может быть расценено как опцион на продажу под условием» [19]. Так, например, «в рамках опциона на заключение договора купли-продажи акций (долей) миноритарный акционер (участник) выдает мажоритарному акционеру (участнику) безотзывную оферту на продажу своих акций (долей) при наступлении определенных условий (пункт 1 статьи 429.2 ГК РФ); при наступлении указанных обстоятельств мажоритарный акционер (участник) может уступить свое право по указанному опциону третьему лицу (потенциальному покупателю акций/доли у мажоритарного акционера/участника) (пункт 7 статьи 429.2 ГК РФ), и уже третье лицо выступает приобретателем акций у миноритарного акционера (участника)» [1].

В числе условий опциона на заключение договора может быть указан срок для акцепта безотзывной оферты. Согласно пункту 2 статьи 429.2 ГК РФ, в случае, когда опционом на заключение договора такой срок не установлен, этот срок считается равным одному году, если иное не вытекает из существа договора или обычаев.

Опцион на заключение договора носит возмездный характер, и, в соответствии с пунктом 3 статьи 429.2 ГК РФ, если опционом не предусмотрено иное, платеж по нему не засчитывается в счет платежей по договору, заключаемому на основании безотзывной

оферты, и не подлежит возврату в случае, когда не будет акцепта. В договоре может быть предусмотрен учет опционной премии в качестве платежей по договору (о передаче имущества, выполнении работ, оказании услуг и др.), возврат опционной премии, в случае если договор не будет заключен на основании безотзывной оферты. Последующий возврат опционной премии может быть связан с наступлением тех или иных условий. При этом возникает вопрос о возможности возврата премии в отношениях между коммерческими организациями, учитывая, что право на заключение договора является самостоятельным правом, за предоставление которого выплачивается вознаграждение. Предметом договора дарения, в соответствии с пунктом 1 статьи 572 ГК РФ, может быть имущественное право (требование) к себе, учитывая, что в данном случае договор не имеет целью безвозмездно передать право на заключение договора, поскольку такое право предоставляется на основе безотзывной оферты на возмездных условиях. Последующий возврат опционного вознаграждения не влечет возникновения отношений из договора дарения.

Право на заключение договора, вытекающее из опциона, является оборотоспособным и может быть уступлено другому лицу, если иное не предусмотрено этим соглашением или не вытекает из его существа (пункт 7 статьи 429.2 ГК РФ).

Согласно пункту 8 статьи 429.2 ГК РФ, особенности отдельных видов опционов на заключение договора могут быть установлены законом. Таким образом, иные нормативные правовые акты не могут предусматривать особенности опционных договоров, в том числе Указание Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов», определяющее такие разновидности опционного договора (а по существу опционы на заключение договора), как поставочный и расчетный договоры.

Еще одной новеллой в опционных договорных отношениях стали положения статьи 429.3 ГК РФ, определяющие опционный договор как договор, по которому одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установ-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица. Постатейный комментарий к главе 4. – М., 2014 (комментарий к статье 67.2).

ленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), и при этом, если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается. Опционным договором может быть предусмотрено, что требование по договору считается заявленным при наступлении определенных таким договором обстоятельств.

Относительно споров о правовой природе опционного договора в науке сказано немало¹. Не всегда находит понимание разграничение опционного договора с опционом на заключение договора как в силу использования тождественного термина, так и в силу сходства в том, что предметом договора выступает право, принадлежащее стороне, которая уплачивает другой вознаграждение за готовность совершить определенное действие. Общим является и то, что при прекращении опционного договора платеж возврату не подлежит (платеж по опциону на заключение договора не подлежит возврату в случае, когда не будет акцепта), если иное не предусмотрено договором (пункт 3 статьи 429.3 ГК РФ).

Иногда опционный договор ошибочно рассматривают и в качестве разновидности предварительного договора. Так, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 16 августа 2017 г. № Ф05-11409/2017 по делу № А41-60107/16 был исследован корпоративный договор, по условиям которого, в случае если одним из участников не будут выполнены отдельные условия договора (отменительное условие), другой участник вправе потребовать совершения сделки по обратному выкупу проданной им доли в уставном капитале ООО по цене и на условиях, предусмотренных договором купли-продажи доли в пользу первого участника. Данный пункт был признан сторонами опционным договором (статья 429.3 ГК РФ).

Однако необходимо учитывать, что опционный договор не предусматривает заключения другого договора. Основные различия между опционом на заключение договора и

опционным договором состоят в том, что «в первом случае осуществление права управомоченным лицом приводит к появлению нового обязательства, во втором же случае его волеизъявление представляет собой реализацию субъективного права в рамках уже существующего обязательства. Соответственно, различаются способы защиты прав в случае их нарушения и т. д.» [5]. Таким образом, право требовать совершения сделки по обратному выкупу проданной доли в уставном капитале не может рассматриваться в качестве опционного договора. Обязанность заключения другого договора вытекает из статьи 429.2 ГК РФ – опциона на заключение договора.

Далее в Постановлении Арбитражного суда отмечается, что по смыслу и содержанию статьи 429.3 ГК РФ опционный договор относится к одному из разновидностей предварительного договора, что также не соответствует положениям названной статьи.

Согласно пункту 2 статьи 429.3 ГК РФ, за право заявить требование по опционному договору сторона уплачивает предусмотренную таким договором денежную сумму, за исключением случаев, если опционным договором, в том числе заключенным между коммерческими организациями, предусмотрена его безвозмездность либо если заключение такого договора обусловлено иным обязательством или иным охраняемым законом интересом, которые вытекают из отношений сторон. Денежная сумма, указанная в пункте 2 статьи 429.3 ГК РФ, является платой не за товар, работы или услуги, предоставляемые по требованию стороны в договоре, а за право заявить требование по опционному договору. Так, при возникновении спора относительно установления монопольно высокой цены на услуги по несению постоянной аварийно-спасательной готовности к ЛРН (ликвидация разливов нефти и нефтепродуктов) перед бункеровочными компаниями встал вопрос об определении правовой природы договора на оказание услуг по несению готовности к ЛРН. Как отмечено Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 17 августа 2017 г. № Ф05-11258/2017 по делу № А40-116286/2016, такой договор не является договором на оказание возмездных услуг, поскольку в нем выражена готовность испол-

¹ См. обзор различных точек зрения в параграфе 1 главы 2 «Новеллы законодательства о возникновении договорных обязательств» (автор – Е. В. Подузова) [6].

нителя оказать услуги (выполнить работы) при наступлении определенных договором обстоятельств (разлива нефтепродуктов). Заказчик вправе требовать совершения исполнителем действий по оказанию услуг и выполнению работ по ЛРН, и за право заявить такие требования исполнителю уплачивается денежная сумма, предусмотренная договором, что позволяет определить условия данного договора как опционного (статья 429.3 ГК РФ). На договорной основе происходит обслуживание не объектов и территорий, а несение готовности аварийно-спасательных служб (формирований) к ликвидации последствий возможного аварийного разлива нефтепродуктов при бункеровке судов, а предоставление услуг аварийно-спасательной службой по несению готовности к ЛРН по договорам с бункеровочными компаниями на время проведения судами бункерных операций в морском порту не связано с реальным оказанием услуг. Исходя из природы договора судом установлено, что плата за готовность аварийно-спасательными службами (формированиями) к ЛРН не может зависеть от объема нефтепродуктов, переваленных бункеровочными компаниями в морских портах, так как между указанными обстоятельствами отсутствует причинно-следственная связь, вследствие чего значительное увеличение тарифа не находит экономического и технологического обоснования. Антимонопольный орган правомерно пришел к выводу о том, что имеются признаки нарушения антимонопольного законодательства в части установления монопольно высокой цены по опционному договору на услуги по несению постоянной аварийно-спасательной готовности к ЛРН¹.

Как и в отношении других новых договорных конструкций, в судебной практике распространены споры о применении с обратной силой статьи 429.3 ГК РФ к договорам, заключенным до 1 июня 2015 г.² По общему правилу гражданское законодательство не имеет обратной силы и не может применяться к договорам, заключенным до 1 июня 2015 г.

Согласно пункту 2 статьи 4 ГК РФ, по отношениям, возникшим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие. Отношения сторон по договору, заключенному до введения в действие акта гражданского законодательства, регулируются в соответствии со статьей 422 ГК РФ, согласно пункту 2 которой если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров. Действительно, при применении статьи 422 ГК РФ в науке отмечается, что подход законодателя к проблеме соотношения договора и закона непрост для восприятия³.

В то же время если правовая природа заключенного ранее договора подпадает под определение новых норм ГК РФ, то в случае отсутствия в тексте договора отдельных условий они могут быть восполнены за счет новых норм, а не общих положений ГК РФ.

О необходимости создания правовых условий для организации торгов опционами на приобретение прав на результаты интеллектуальной деятельности упоминалось еще в Постановлении Правительства РФ от 21 августа 2001 г. № 605 «О Федеральной целевой научно-технической программе "Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники" на 2002–2006 годы»⁴, а в Модельном законе об инновационной деятельности (принят в Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 г. Постановлением 27-16 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ)⁵ указывалось на опционы

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 августа 2017 г. № Ф05-11258/2017 по делу № А40-116286/2016.

² См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 мая 2016 г. по делу № А13-10196/2015.

³ См.: Договор / Б. М. Гонгало, М. Ф. Казанцев, П. В. Крашенинников, И. Б. Миронов, Л. Ю. Михеева, О. А. Рузакова, Е. А. Суханов. Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М., 2010 (комментарий к статье 422).

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 36. – Ст. 3564.

⁵ См.: Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. – 2007. – № 39 (часть 2). – С. 371–427.

для приобретения на приемлемых условиях прав на получаемые результаты интеллектуальной деятельности, включая объекты интеллектуальной собственности, предоставляемые государственными корпорациями, научными центрами или научными организациями от имени государства. При этом во всех случаях за государством сохранялось право на простую, безотзывную лицензию на использование данного объекта интеллектуальной собственности.

Опцион на заключение договора, как и опционный договор, имеет весьма широкое распространение в разных сферах гражданского права, в том числе в корпоративном праве, на рынке ценных бумаг, в договорах поставки, банковских сделках и др.

Не исключена, хотя на практике пока не распространена, возможность использования опционов и в сфере интеллектуальной собственности как в отношении договоров об отчуждении исключительного права, так и лицензионных. Опционы могут заключаться для целей приобретения исключительного права или права на основании лицензионных договоров при наступлении различных условий, в частности условий положительного решения Роспатента о государственной регистрации объекта интеллектуальных прав [17], определения ценности, эффективности результата интеллектуальной деятельности, возникновения у заинтересованного необходимости использования охраняемого объекта, отказ правообладателя от использования объекта и т. п.

Список литературы

1. Барышев М. А. Оценка исполнимости в России стандартных условий корпоративного договора, характерных для английского правопорядка // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016. – № 3. – С. 54–69.
2. Безобразов В. Биржевые операции. – М., 1856.
3. Васильев А. А. Биржевая спекуляция. Теория и практика. – СПб., 1912.
4. Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 1. – С. 26–59.
5. Гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 2 / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2016.
6. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / под общ. ред. Л. Ю. Василевской. – М. : Норма : Инфра-М, 2016.
7. Договорное право: отдельные виды гражданско-правовых договоров : учебное пособие / под ред. Р. А. Курбанова. – М., 2016.
8. Ем В., Козлова Н., Сургучева О. Фьючерсные сделки на фондовой бирже: Экономическая сущность и правовая природа // Хозяйство и право. – 1999. – № 6. – С. 26–38.
9. Коблов А. С. Рамочный договор и договор с открытыми условиями как комплексные договорные конструкции // Закон. – 2013. – № 1. – С. 133–140.
10. Красников Н. О концепции опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. – 2009. – № 12. – С. 25–30.
11. Морозов С. Ю. Некоторые проблемы, связанные с определением правовой природы гражданско-правовых организационных договоров // Российская юстиция. – 2015. – № 7. – С. 11–14.
12. Основы договорного права : учебное пособие / под ред. Р. А. Курбанова. – М., 2016.
13. Подузова Е. Б. Новые договорные конструкции в свете законопроекта о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ // Закон. – 2014. – № 8. – С. 119–124.
14. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. – М., 2012.
15. Правила совершения срочных сделок НП «Фондовая биржа РТС». – URL: www.rts.ru (дата обращения: 01.04.2005).

16. *Сойфер Т. В.* Сделки в биржевой торговле : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.
17. *Райнер Г.* Деривативы и право. – М. : Волтерс Клувер, 2005.
18. *Рузакова О. А.* Проблемы государственной регистрации в гражданском праве // Законодательство. – 2002. – № 2. – С. 23–28.
19. *Сойфер Т. В.* Сделки в биржевой торговле : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.
20. *Степкин С. П.* Гражданско-правовой институт акционерных соглашений : монография. – М. : Петруруш, 2011.
21. *Толстухин М. Е.* Фьючерс и опцион как объекты фондового рынка // Объекты гражданского оборота : Сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 231–250.
22. *Шеленкова Н. Б.* Место опционных операций в системе биржевой торговли // Московский журнал международного права. – 1993. – № 2. – С. 101–109.
23. *Шнигер Д. О.* Рамочный договор как основание возникновения обязательства, или Критика концепции статьи 429.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 69–78.

Правопреемство при реорганизации юридических лиц

А. М. Белялова

исполняющая обязанности заведующего отделом международного сотрудничества ИЗиСП.
Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушkinsкая, д. 34.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

Succession in Reorganization of Legal Entities

A. M. Belyalova

Acting Head of the Department of the International Cooperation of the ILCL.
Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из спорных категорий гражданского права – категория правопреемства применительно к реорганизации юридических лиц. Анализируя доктринальные подходы и судебную практику на предмет сингулярности или универсальности правопреемства при реорганизации, автор отмечает, что преобладающая практика о признании в ряде случаев сингулярного характера правопреемства противоречит действующему законодательству, однако в полной мере соотносится с характером правопреемства при реорганизации юридических лиц. В статье критикуется новелла действующего законодательства об исключении разделительного баланса, отмечено, что с учетом возможности проведения смешанной реорганизации исключать из правового поля документ, определяющий порядок правопреемства, просто недопустимо. Значительное внимание уделено нововведениям гражданского законодательства о содержании передаточного акта. В статье также рассматривается момент правопреемства.

Ключевые слова: правопреемство, универсальное правопреемство, сингулярное правопреемство, реорганизация, разделительный баланс, передаточный акт, момент правопреемства.

Abstract

The article deals with one of the controversial categories of civil law – the category of succession in relation to the reorganization of legal entities. Analyzing the doctrinal approaches and jurisprudence on the subject of the singularity or universality of succession in reorganization, the author notes that the prevailing practice on the recognition in some cases of the singular nature of succession is contrary to the current legislation, but fully correlates with the nature of succession in the reorganization of legal entities. The article criticizes the novelty of the current legislation on the exclusion of the separation balance sheet, it is noted that taking into account the possibility of a mixed reorganization to exclude from the right field the document defining the order of succession is simply not allowed. Much attention is paid to the innovations of the civil legislation on the content of the transfer act. The article also considers the moment of succession.

Keywords: succession, universal succession, singular succession, reorganization, dividing balance, transfer act, moment of succession.

Наиболее часто термин «правопреемство» используется в ГК РФ, который не содержит законодательной дефиниции данной категории. Буквальное толкование статьи 58 ГК РФ, определяющей правопреемство при реорганизации, позволяет говорить о том, что в данном случае законодатель подразумевает переход прав и обязанностей от одного лица к

другому. Вместе с тем, в соответствии с пунктом 1 статьи 61 ГК РФ, «ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам». Очевидно, что в рамках данной нормы правопреемство раскрывается через понятие «порядок», посредством которого осуществ-

ляется переход. Иными словами, правопреемство в конкретном случае рассматривается как механизм перехода прав и обязанностей. Такой же вывод можно сделать при анализе пункта 1 статьи 129 ГК РФ, в соответствии с которой «объекты гражданских прав могут ... переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства ...».

По нашему мнению, следует поддержать позицию Г. С. Васильева, в соответствии с которой правопреемство означает замену в правоотношениях одного субъекта другим с одновременным переходом прав и обязанностей от первого ко второму с сохранением в неизменном виде объекта и содержания данного правоотношения. Такой подход в понимании правопреемства позволяет сохранить уже существующее правоотношение, замена субъекта способствует гарантии продолжения реализации предусмотренного им объема прав и обязанностей, что способствует стабильности гражданского оборота и детализированному пониманию участниками конкретных правоотношений правовых последствий замены субъекта.

Если исходить из теории отрицания перехода прав и обязанностей, мы должны будем признавать проводимую реорганизацию одним из оснований прекращения прав и обязанностей в рамках каждого правоотношения с возникновением новых правоотношений с новым составом участников. В результате каждый раз правоотношение будет прерываться без достижения тех правовых результатов, на которые направлены. В этой связи считаем необходимым привести позицию О. С. Иоффе о том, что действие обязательства исчерпывается в тот момент, когда в полном объеме будут осуществлены входящие в его состав права и обязанности [11. – С. 181].

Как известно, в доктрине различают универсальное и сингулярное правопреемство. При этом, основываясь на нормах гражданского законодательства, большинство ученых при исследовании процессов реорганизации указывают универсальное правопреемство [6. – С. 2; 12; 14. – С. 482; 17. – С. 14; 19], которое достаточно часто характеризуется как полное (общее), в процессе которого к правопреемнику переходит весь комплекс прав и обязанностей, принадлежащих правопреем-

ственнику, независимо от того, были ли они выявлены или нет к моменту передачи [22. – С. 402]. Отметим, что в статье 129 ГК РФ универсальность правопреемства при реорганизации названа напрямую. Однако в доктрине уже не раз приводились доводы о партикулярности форм реорганизации [5; 7; 10. – С. 80]. Более того, нет единства в решении данной проблемы и в правоприменительной практике. Так, например, формулировка Высшего арбитражного суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 15052/07 о том, что если из разделительного баланса не удается установить, перешло ли к выделившемуся юридическому лицу конкретное право, то оно должно считаться принадлежащим тому юридическому лицу, из которого производилось выделение, позволяет утверждать о сингулярном характере правопреемства¹. А в решении Арбитражного суда Свердловской области прямо указано на то, что правопреемство при реорганизации в форме выделения носит не универсальный характер, как при преобразовании, а сингулярный характер². В последнее время все чаще суды исходят из сингулярного характера реорганизаций, проводимых в форме выделения или разделения³. Считаем, что такая практика противоречит действующему законодательству (пункту 1 статьи 129 ГК РФ), однако в полной мере соотносится с характером правопреемства при реорганизации юридических лиц.

Считаем доктринальной ошибкой автоматическое «перенесение» понимания универ-

¹ См.: Определение Высшего арбитражного суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 15052/07. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=43874#08267277624330998>

² См.: Решение Арбитражного суда Свердловской области от 2 августа 2007 г. № А60-8477/2007-С2. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RASVR;n=20386#0842389800356246>

³ См., например: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26 октября 2011 г. по делу № А21-13974/2009. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASZ;n=127189#07554200805796578>; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 августа 2015 г. № Ф01-3314/2015 по делу № А17-7459/2014. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AVV;n=70548#021919618647547567>; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13 июля 2015 г. № Ф06-24694/2015 по делу № А65-8473/2014. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=APV;n=138451#046106813582256945> и т. д.

сальности правопреемства при наследовании на реорганизацию. В данном случае у правопреемства как изначальной категории, используемой для процессов наследования и реорганизации, гораздо больше различий, нежели сходства. Так, при наследовании правопредшественника уже нет в живых, а при реорганизации не всегда реорганизуемое лицо прекращает свою деятельность. Прямо противоположно и значение правопреемства при наследовании и реорганизации. Как уже было отмечено, правопреемство не является «самоцелью» последней, поскольку в первую очередь решение о реорганизации принимается с точки зрения экономической целесообразности. В то время как правопреемство при наследовании прямо направлено на «переход прав и обязанностей».

В целом же отметим, что в доктрине уже была высказана справедливая, на наш взгляд, точка зрения, в соответствии с которой поставлено под сомнение само существование универсального правопреемства как правовой категории. Как отмечает А. В. Габов, «... «универсальное правопреемство» не является вполне определенной категорией ни в законодательстве, ни в судебной практике, ни в теории. Объяснение универсального правопреемства, которое закреплено в ГК РФ, с нашей точки зрения, описывает явление, в реальности не существующее» [7].

Если обратиться к зарубежному опыту, мы видим также различные подходы, как в понимании данной категории, так и в ее наличии или отсутствии. Отметим, что в большинстве стран Европейского союза преобразование компаний влечет за собой универсальное правопреемство в отношении дел и имущества, что обусловлено правом ЕС [16]. Так, принятая в 1978 г. Третья директива ЕС «О слиянии акционерных обществ» подразумевает полную передачу всех активов и обязательств поглощенной компании без ее ликвидации поглощающей компанией и передачи их акционерам поглощенной компании¹. Категория универсального правопреемства при реорганизации также используется в ряде

стран Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Колумбии, Перу) [2. – С. 181–203], в странах постсоветского пространства и т. д. Передача в ходе реорганизации всех или части активов и пассивов предусмотрена в Гонконге [23. – С. 11] и в ряде иных стран азиатского региона.

Одним из важных вопросов является вопрос об оформлении правопреемства в правах и обязанностях при реорганизации юридических лиц. До реформирования гражданского законодательства в процессе реорганизации в форме слияния, присоединения и преобразования юридического лица правопреемство оформлялось посредством составления разделительного баланса, а при выделении и разделении было предусмотрено составление передаточного акта. В проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах (проект рекомендован для опубликования и дальнейшего публичного обсуждения по решению Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 16 марта 2009 г.)² было указано следующее: «В ГК не учитывается также отсутствие необходимости составления передаточного акта и разделительного баланса в таких процедурах реорганизации, как преобразование, слияние и присоединение, ибо в них осуществляется переход всех прав и обязанностей лишь к одному юридическому лицу» (пункт 1.4. Подраздела 4).

В итоге законодатель отказался от использования разделительного баланса, функции оформляющего правопреемство документа в настоящее время выполняет передаточный акт. При этом в соответствии с прямым указанием закона данный документ должен быть составлен только при реорганизации в форме выделения и разделения³. Вместе с тем в доктрине высказывались мнения о том, что составление данного акта необходи-

¹ См.: Third Council Directive 78/855/EEC of 9 October 1978 based on Article 54 (3) (g) of the Treaty Concerning Mergers of Public Limited Liability Companies // Official Journal. – 1978. – L 295. – P. 36–43.

² См.: Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. – 2009. – № 2.

³ См.: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

мо во всех случаях реорганизации. Так, в постатейном комментарии к главам 1–5 ГК РФ, ссылаясь на статью 59 ГК, особо подчеркивают, что обязанность составления передаточного акта возникает при всех формах реорганизации, сопровождающихся правопреемством [8]. Считаем, что это необоснованное заключение, поскольку статья 59 ГК РФ прямо не устанавливает обязанность его подготовки для всех форм реорганизации, она лишь детализирует содержание данного документа, делая акцент на всех обязательных реорганизуемого юридического лица.

Таким образом, при слиянии, присоединении и преобразовании закон более не требует подписания передаточного акта, поскольку все права и обязанности переходят в силу закона только к одному лицу. В доктрине весьма положительно оценили данное нововведение [3; 18. – С. 6].

Однако, на наш взгляд, целесообразнее было бы оставить оба этих документа – и передаточный акт, и разделительный баланс. Отказ от утверждения разделительного баланса, а также предоставленная законодателем возможность в принципе не составлять документа, оформляющего правопреемство при реорганизации, в ходе слияния и присоединения юридического лица может поставить его участников в весьма невыгодное положение. Составление документа о правопреемстве и его утверждение позволяют участникам реорганизуемого лица (лиц) как оценить реальные перспективы целесообразности проведения реорганизации (в результате которой у юридического лица пассивы могут существенно превысить активы корпорации), так и дает им возможность принять обоснованное решение о возможности сохранения своего членства в корпорации. Безусловно, даже в отсутствие такого документа все права и обязанности при слиянии и присоединении от правопреемника переходят к правопреемнику в полном объеме, и отсутствие в передаточном акте, например, одного из обязательств не приведет к его прекращению (однако данное положение закона скорее направлено на защиту законных прав и интересов кредиторов реорганизуемого юридического лица, чем на защиту его участников).

В данном контексте особое значение приобретает Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, в котором Суд особо указал, что при слиянии все права и обязанности каждого из участвующих в слиянии юридических лиц переходят к вновь возникшему юридическому лицу в порядке универсального правопреемства вне зависимости от составления передаточного акта и его содержания (пункт 26). При этом правопреемство может быть подтверждено выданным регистрирующим органом документом, в котором содержатся сведения из ЕГРЮЛ о реорганизации юридического лица, созданного в результате слияния, в отношении прав и обязанностей юридических лиц, прекративших деятельность в результате слияния, а также документами юридических лиц, прекративших деятельность в результате слияния, определяющими соответствующие права и обязанности, в отношении которых наступило правопреемство. Аналогичные разъяснения были даны в отношении присоединения. На наш взгляд, перечисленные документы доказывают только сам факт правопреемства и не дают полноты картины о его содержании.

Более того, одной из новелл реформы гражданского законодательства является возможность осуществления смешанной реорганизации юридических лиц. Таким образом, в настоящее время допускается не только реорганизация с одновременным сочетанием различных ее форм, но и с одновременным участием двух и более юридических лиц. При этом участвующие в реорганизации юридические лица могут относиться к различным организационно-правовым формам (абзацы 2 и 3 пункта 1 статьи 57 ГК РФ). Однако, не останавливаясь подробно на практических проблемах, уже выявленных на примере смешанной реорганизации акционерных обществ, отметим лишь, что реализация смешанной реорганизации вплоть до детальной

¹ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.

«пошаговой» разработки и внедрения механизма ее реализации на практике вызовет немало вопросов и затруднений. Считаем, что в подобной ситуации исключать из правового поля документ, определяющий порядок правопреемства, просто недопустимо.

Предположим гипотетически, что из АО выделяем два ООО, одно из которых присоединяем к производственному кооперативу, а второе «сливаем» с другим ООО, в результате которого получаем АО. В результате такой реорганизации у кредиторов могут возникнуть существенные затруднения, связанные с определением надлежащего должника. Даже принимая во внимание положения ныне действующей редакции пункта 5 статьи 60 ГК РФ о солидарной ответственности вновь созданных в процессе реорганизации юридических лиц по обязательствам, не позволяющих определить правопреемника, очевидно, что реализовать данную норму на практике для кредиторов будет весьма затруднительно.

Таким образом, на наш взгляд, практическое значение передаточного акта и разделительного баланса как документов, определяющих порядок содержания правопреемства при реорганизации весьма сложно переоценить, хотя в доктрине довольно часто о них говорят как о документах, «...не имеющих решающего значения...» [12; 22. – С. 94].

Учитывая изложенное и принимая во внимание практическое значение документов, оформляющих правопреемство при реорганизации, считаем целесообразным в отношении таких форм реорганизации, как слияние и присоединение, вернуть обязанность составления передаточного акта, а в отношении выделения и разделения вновь установить правило о составлении и утверждении разделительного баланса. Такие документы являются достоверными и допустимыми доказательствами передачи прав и обязанностей реорганизованного юридического лица. Вместе с тем необходимо учитывать оговорку о «неучтенных» обязательствах реорганизуемого юридического лица.

В данной связи следует остановиться на доктринальном предложении вообще отказаться от составления и утверждения не только разделительного баланса, но и передаточного акта. При этом вопросы правопреемства было предложено решать при состав-

лении договоров о реорганизации [4. – С. 37]. Отметим, что такая позиция, основанная на опыте стран Западной Европы, была бы вполне оправдана и допустима применительно к отечественному законодательству, однако, как справедливо возражает В. В. Долинская, подобные высказывания «...слабо соотносятся с действующим гражданским, налоговым законодательством и актами о бухгалтерском учете, игнорируют разную правовую природу этих документов и легально закреплённые различия в их содержании» [9]. Анализируя правовую природу договоров о реорганизации и передаточного акта, Е. В. Бакулина особо подчеркнула направленность реорганизационного договора на урегулирование отношений между реорганизуемыми юридическими лицами, в то время как передаточный акт направлен на закрепление правопреемства в их правах и обязанностях [1].

Одним из нововведений реформирования института реорганизации стало расширение требований к содержанию передаточного акта. В частности, положение статьи 59 ГК РФ о том, что передаточный акт (и разделительный баланс) должен был содержать положения о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица в отношении всех его кредиторов и должников, включая и обязательства, оспариваемые сторонами, было дополнено следующим уточнением: передаточный акт также должен определять порядок установления правопреемства в связи с изменением вида, состава, стоимости имущества, возникновением, изменением, прекращением прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица, которые могут произойти после даты, на которую составлен передаточный акт.

Данное введение было обусловлено сложившейся реорганизационной практикой, когда была выявлена проблема: документ, определяющий правопреемство, подлежал утверждению только один раз, при этом закон не устанавливал возможности внесения в него изменений и дополнений. В результате к моменту предоставления документов на государственную регистрацию реальная ситуация с правами и обязанности, а также активами реорганизуемых юридических лиц существенно отличалась от зафиксированной в

разделительном балансе или передаточном акте порядка правопреемства.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что нарушение установленного в императивной форме правила ГК РФ к содержанию представленного на регистрацию передаточного акта влияет на последствия реорганизации: отсутствие в нем положений о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица влекут отказ в государственной регистрации юридических лиц, создаваемых в результате реорганизации (абзац 2 пункта 2 статьи 59 ГК РФ). В этой связи возникает закономерный вопрос, кто и на какой стадии должен проверять фиксацию в передаточном акте всех обязательств реорганизуемого юридического лица.

Напомним, передаточный акт утверждает учредителями (участниками) юридического лица или органом, принявшим решение о реорганизации юридического лица, и представляется вместе с учредительными документами для государственной регистрации юридических лиц, создаваемых в результате реорганизации, или внесения изменений в учредительные документы существующих юридических лиц. Регистрирующий орган обязан проверять достоверность только той информации, которая вносится в государственный реестр (пункт 3 статьи 51 ГК РФ). В соответствии с подпунктом «ж») пункта 1 статьи 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹, вносятся в реестр сведения о правопреемстве для юридических лиц, созданных в результате реорганизации иных юридических лиц, для юридических лиц, в учредительные документы которых вносятся изменения в связи с реорганизацией, а также для юридических лиц, прекративших свою деятельность в результате реорганизации. Таким образом, лицом, фиксирующим достоверность и полноту содержания передаточного акта, является уполномоченный государственный регистрирующий орган, т. е. Федеральная налоговая

служба РФ, которая обязана проверить представленный на регистрацию комплект документов. Очевидно, что она не обладает и не может обладать данными обо всех требующих отражения в передаточном акте активах и обязательствах реорганизуемого юридического лица (юридических лиц). Вместе с тем одним из принципов ведения государственных реестров является априори достоверность содержащихся в нем сведений: лицо, добросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам (абзац 2 пункта 2 статьи 51 ГК РФ). Если мы будем исходить из того, что раз от раза в реестр будут заноситься непроверенные сведения, данный принцип будет утрачен и, как следствие, под сомнение будет поставлено значение института государственной регистрации юридических лиц.

Еще один вопрос, на котором считаем целесообразным остановить свое внимание, заключается в определении момента правопреемства. Вопрос о том, в какой момент права и обязанности реорганизуемого юридического лица переходят к вновь возникающим в процессе реорганизации лицам или к продолжающему свою деятельность лицу, в действующем законодательстве прямо не указаны. Если обратиться к содержанию статьи 58 ГК РФ, можно сделать вывод о формальном подходе законодателя в решении данного вопроса: о переходе прав и обязанностей говорится в контексте «соответствия с передаточным актом». Однако, исходя из подобной формулировки, мы можем говорить не о моменте их перехода, а только о содержании и объеме передаваемых прав и обязанностей. В российской доктрине при рассмотрении данного вопроса довольно часто авторы ссылаются на статью 57 ГК РФ, которая определяет момент завершения процесса реорганизации, т. е. в доктрине преобладает позиция, в соответствии с которой момент перехода прав и обязанностей приурочен к моменту государственной регистрации вновь созданного лица либо моменту внесения записи о прекращении лица (при присоединении) [15; 20]. Такой подход представляется вполне обоснованным и логичным, поскольку до момента регистрации вновь создаваемых в

¹ См.: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3431.

процессе реорганизации юридических лиц правопреемство просто невозможно в силу еще отсутствия субъекта права – правопреемника.

Следует отметить, что ни один из специальных законов, посвященных конкретным организационно-правовым формам, в которых могут создаваться коммерческие юридические лица, также не проясняет вопрос определения момента правопреемства. При этом в Федеральном законе от 21 декабря 2001 г. «О приватизации государственного и муниципального имущества»¹ содержится положение (статья 37), в соответствии с которым хозяйственное общество, образуемое путем преобразования унитарного предприятия, становится правопреемником последнего с момента его (хозяйственного общества) государственной регистрации в едином государственном реестре юридических лиц, что соответствует доктринальному подходу.

По этому же пути преимущественно идет и правоприменительная практика².

Вместе с тем в доктрине было высказано интересное, на наш взгляд, предложение. Так, Н. В. Козлова считает, что весь комплекс прав и обязанностей от предшественника правопреемнику следует передавать до прекращения реорганизуемым лицом своего существования. При этом, по мнению автора, в случаях возникновения в результате реорганизации нового юридического лица (лиц) правопреемство осуществляется следующим образом. Изначально вновь создаваемые юридические лица должны быть зарегистрированы. Только тогда, т. е. с момента образо-

вания нового лица на основании передаточного акта переходят права и обязанности. И только затем, если форма реорганизации предполагает прекращение юридических лиц, участвующих в реорганизации, последние могут быть исключены из государственного реестра юридических лиц [13. – С. 169].

Интересно, что подобным образом момент правопреемства определен и в отечественной судебной практике. В частности, в ряде Постановлений Восточно-Сибирского округа Суд указал в качестве момента правопреемства на дату подписания передаточного акта / разделительного баланса³. Справедливости ради надо отметить, что такая позиция судов является скорее исключением из общепринятого понимания момента правопреемства.

Подобная ситуация, когда один и тот же вопрос решается в судебной практике по-разному, сложилась в связи с отсутствием прямого указания в законе на момент правопреемства. Вместе с тем практическое решение данного вопроса нельзя недооценивать. На наш взгляд, дальнейшее игнорирование законодательного решения приведет только к усугублению ситуации. При этом мы уверены, что в решении рассматриваемой проблемы следует отступить от классического способа регулирования общественных отношений, когда законодатель стремится к единообразию в регулировании тех или иных общественных отношений. В данном случае первоочередное значение, на наш взгляд, имеют последствия реорганизации юридического лица. Принимая во внимание справедливые

¹ См.: Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

² См., например: Определение Конституционного суда РФ от 7 декабря 2010 г. № 1620-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Райффайзенбанк» на нарушение конституционных прав и свобод частями 4 и 7 статьи 2.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109842/; Постановление Конституционного суда РФ от 1 марта 2012 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 215 и абзаца второго статьи 217 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. В. Барабаша и А. В. Исакова» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 11. – Ст. 1366 и т. д.

³ См., например: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 15 января 2002 г. № А19-6356/01-43-Ф02-3354/01-С1. Из смысла статьи 59 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что моментом перехода прав и обязанностей в отношении имущества к вновь возникшим в результате реорганизации юридическим лицам считается дата подписания и утверждения передаточного акта и разделительного баланса. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AVS;n=5683#00629694120692117>; Постановление ФАС Центрального округа от 25 марта 2008 г. по делу № А68-АП-239/12-1020/12-05. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ACN;n=39512#04227023386344839>; Решение Арбитражного суда Московской области от 6 апреля 2006 г., 13 апреля 2006 по делу № А41-К2-27484/05. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAMSMARB;n=36042#0018848021006334648> и т. д.

доктринальные рассуждения о правовом статусе и правоспособности юридических лиц [14. – С. 169], считаем возможным предложить следующий вариант решения данного вопроса. При слиянии и разделении юридических лиц правопреемство должно быть осуществлено после создания и до прекращения

участвующих в реорганизации юридических лиц. При выделении и преобразовании передача прав и обязанностей должна быть осуществлена после создания новых юридических лиц. При этом в ходе присоединения моментом правопреемства следует считать момент подписания передаточного акта.

Список литературы

1. Бакулина Е. В. Решение о реорганизации и реорганизационный договор: содержание, условия и порядок принятия (утверждения) // Законодательство. – 2004. – № 11. – С. 23–32.
2. Беликова К. М. Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки : монография. – М. : Юстицинформ, 2010.
3. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? : практическое пособие. – М. : Юрайт, 2014.
4. Брагинский М. И., Медведева Т. М., Тимофеев А. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц по законодательству России и стран Западной Европы. – М., 2000.
5. Буничева М. Г. Правопреемство при реорганизации юридических лиц в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2012.
6. Вагайцева Т. В. К вопросу об обеспечении гарантии прав кредиторов при реорганизации юридических лиц // Юрист. – 2008. – № 3. – С. 2–3.
7. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). – М. : Статут, 2014.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др.; под ред. Л. В. Санниковой. – М. : Статут, 2015.
9. Долинская В. В. Реорганизация юридических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 8. – С. 4–14.
10. Илюшина М. Н. Проблемы правопреемства при реорганизации юридических лиц // Закон. – 2006. – № 9. – С. 80–84.
11. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М. : Юридическая литература, 1975.
12. Каширский С. С. Универсальный характер правопреемства при реорганизации юридических лиц // Юрист. – 2014. – № 6. – С. 9–13.
13. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. – М. : Статут, 2005.
14. Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт, 2009.
15. Костюченко Н. Н. Дивиденды и реорганизация акционерного общества // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 7. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=63815#006976434518192853>
16. Марков П. А. Реорганизация коммерческих организаций: проблемы теории и практики : монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2012.
17. Рудяк Е. В. Правовое регулирование деятельности органов акционерных обществ в процессе реорганизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009.
18. Сорокин Д. Ограничения новых возможностей // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 40.
19. Суханов Е. А. Реорганизация акционерных обществ и других юридических лиц // Хозяйство и право. – 1996. – № 1. – С. 148–152.
20. Тихомиров М. Ю. Реорганизация общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. – 2010. – № 10. – С. 16–30.
21. Черепахин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. – М. : Госюриздат, 1962.
22. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М. : Статут, 2001.
23. Юдин Д. Реорганизация и ликвидация по-гонконгски // ЭЖ-Юрист. – 2012. – № 29.

**Так ли неконституционна статья 302 ГК РФ, или Вопросы законодателю
о наследовании выморочного имущества**

О. Г. Ершов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: ershov_@rambler.ru

**Is it so Unconstitutional the Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation
or Questions to the Legislator About the Inheritance of Escheating Property**

O. G. Ershov

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: ershov_@rambler.ru

Аннотация

В работе с позиции науки гражданского права проводится осмысление подхода, выбранного Конституционным судом Российской Федерации при оценке гражданско-правового механизма защиты права собственности при виндикации жилого помещения органами местного самоуправления, если такое жилое помещение признано выморочным имуществом. Делается вывод о том, что гражданское законодательство нуждается в совершенствовании. В работе большое внимание уделено отличию гражданской правосубъектности публично-правового образования от компетенции созданных государственных или муниципальных органов. Также говорится о том, что в первом случае по отношению к третьим лицам публично-правовое образование выступает на равных, во втором случае публично-правовое образование проявляет свои властные полномочия через публичные органы. Если такое образование действует в гражданском обороте в статусе равноправного участника правоотношений, имеющего одинаковый объем гражданских прав и обязанностей, это означает необходимость соблюдения публично-правовым образованием в частноправовых отношениях установленных им же правил.

Ключевые слова: защита права собственности, виндикационный иск, равенство сторон, компетенция органов местного самоуправления.

Abstract

In the work from the point of view of civil law science, the comprehension of the approach chosen by the Constitutional Court of the Russian Federation in assessing the civil legal mechanism of protection of property rights in the case of vindication of residential property by local government bodies is conducted, if such residential property is recognized as escheat. It is concluded that civil law needs to be improved. In the work, much attention is paid to the difference between the civil legal personality of public-law entity and the competence of the created state or municipal bodies. It is also said that in the first case, public-law entity is on equal terms with respect to third parties, in the second case – public-law entity demonstrates its authority through public bodies. If such entity operates in the civil turnover in the status of an equal participant in legal relations, that has the same volume of civil rights and obligations, which means that public-law entity in private legal relations must comply with the rules established by it.

Keywords: protection of property rights; vindication lawsuit; equality of parties; competence of local self-government bodies.

Постановлением Конституционного суда
Российской Федерации от 22 июня 2017 г.
№ 16-П «По делу о проверке конституционно-

сти положения пункта 1 статьи 302 Граждан-
ского кодекса Российской Федерации в связи
с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» поло-

жения пункта 1 статьи 302 ГК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Высший судебный орган справедливо обратил внимание на ситуацию, когда публичный собственник истребует признанное выморочным жилое помещение по виндикационному иску от добросовестного приобретателя, который перед заключением сделки по приобретению такого жилого помещения полагался согласно принципу публичной достоверности на данные единого реестра недвижимости, не знал и не мог знать, что у жилого помещения фактически должен быть публичный собственник. Норма пункта 1 статьи 302 ГК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в части, когда публично-правовое образование не предприняло – в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности при контроле над выморочным имуществом – своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество.

Предложенный подход, на наш взгляд, не учитывает ряд положений и нуждается в дополнительном осмыслении и научном анализе.

1. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации», конкретизирующими предписания статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина на нарушение конституционных прав и свобод конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения с основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Представленный подход связан с вопросом оценки гражданско-правового механизма защиты права собственности. Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации, собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы личности, не только является необходимым условием свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, но и гарантирует как реализацию иных прав и свобод человека и гражданина, так и исполнение обусловленных ею обязанностей, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности определяет, наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина, смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивает правосудием (Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П и от 24 марта 2015 г. № 5-П).

Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий регулирование и защиту права частной собственности (статья 71, пункты «в», «о»), обязан обеспечивать разумный баланс прав и обязанностей всех участников гражданского оборота в этой сфере с учетом вытекающего из ее статьи 17 (часть 3) требования о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Это означает, что осуществление человеком и гражданином своих прав и свобод также не должно нарушать интересы публично-правового образования, которое в имущественных отношениях, исходя из принципа равенства участников, закрепленного в статье 1 ГК РФ, не пользуется какими-либо властными полномочиями. С другой стороны полномочия публично-правового образования, связанные с осуществлением как органом власти возможности принятия нормативных актов, должны обеспечивать баланс прав и обязанностей всех участников гражданского оборота, в данном случае заявителя по жалобе, а также иных участников, включая само публично-правовое образование. При этом

механизм гражданско-правового регулирования отношений должен быть таким, чтобы заявитель по жалобе, другие участники гражданского оборота не имели каких-либо преимуществ по отношению к публично-правовому образованию.

2. Как следует из жалобы, фактически ставится вопрос о возможности применения к спорным правоотношениям, связанным с отчуждением недвижимого имущества, положений статьи 302 ГК РФ, касающихся истребования имущества от добросовестного приобретателя, с учетом правовой позиции, сформулированной Конституционным судом Российской Федерации в Постановлении от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева», т. е. необходимости закрепления приоритета защиты прав покупателя недвижимости, которому не было и не могло быть известно о существовании противоправных действий со стороны третьих лиц при возникновении права публичной собственности на недвижимость и о предотвращении возможного обращения взыскания на такое имущество по требованию публичного собственника.

Вместе с тем, как неоднократно обращал внимание Конституционный суд Российской Федерации, разрешение этих вопросов, как и вопроса о применении мер ответственности к продавцу, не исполнившему обязанность по передаче товара свободным от прав третьих лиц, в том числе исходя из заявленных сторонами по делу требований, возможно путем осуществления квалификации спорных отношений и выбора нормы, подлежащей применению с учетом фактических обстоятельств дела, что относится к компетенции суда общей юрисдикции. Проверка законности и обоснованности вынесенных судебных решений – полномочие вышестоящих судов общей юрисдикции. Определение же наиболее эффективного способа защиты своих прав может быть осуществлено самим заявителем в соответствии со статьей 12 ГК РФ (Определение Конституционного суда РФ от 15 апреля 2008 г. № 323-О-О, от 15 апреля 2008 г.

№ 319-О-О, от 21 декабря 2006 г. № 554-О, от 21 апреля 2005 г. № 194-О).

Таким образом, проверка законности и обоснованности вынесенных судебных решений, в том числе правильности выбора и применения судом норм права в конкретном деле, не относится к полномочиям Конституционного суда Российской Федерации, как они установлены в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации». Исходя из изложенного Конституционный суд Российской Федерации, следуя данной логике, должен вынести определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы.

3. В основу жалобы заявителя в качестве обоснования доводов, положена позиция Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Гладышева против Российской Федерации» (жалоба 7097/10), согласно которой суды проигнорировали тот факт, что публичный собственник в течение длительного времени не предпринимал действий в защиту своих прав, а также в настоящий момент он не лишен возможности обратиться в суд с требованием о возмещении ущерба, причиненного совершенным преступлением, с осужденных лиц.

Однако следует обратить внимание, что ЕСПЧ не дал аргументированную оценку того, что и добросовестный приобретатель в момент предъявления к нему требования публичного собственника об изъятии недвижимости не лишен был возможности защиты своего права путем применения норм об эвикции, которые закреплены в статьях 461, 462 ГК РФ. Правовая конструкция «эвикция товара» широко известна также в зарубежных правовых порядках. Кроме того, в основу позиции ЕСПЧ положен тезис о том, что потерпевший не может получить компенсацию при изъятии у него публичным собственником недвижимости, поскольку виновные в мошенничестве лица не были установлены. В случае заявителя жалобы, напротив, виновные лица привлечены к уголовной ответственности.

ЕСПЧ признает по делу Гладышевой, что вмешательство государства в имущественное право частного лица было законным и справедливым, поскольку преследовало общественный интерес – реализацию права других

граждан на получение социального жилья. Заявляя требование об изъятии у заявителя жалобы недвижимости, цель публичного образования аналогична.

Как отмечал ЕСПЧ по делу Гладышевой, властям, ответственным за регистрацию, ничего не препятствовало в установлении подлинности документов, и при таком количестве регулятивных органов, обеспечивающих чистоту правового титула, участники сделки не должны были оценивать риск прекращения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть устранены в рамках процедур, специально введенных для этих целей. Упущение властей не могло оправдать последующие санкции против добросовестного приобретателя имущества. Лишение приобретателя права собственности на недвижимость возлагает чрезмерное индивидуальное бремя и публичный интерес не является для этого достаточным основанием.

При таком подходе ЕСПЧ ориентировался на то, что нужно принимать во внимание принцип публичной достоверности реестра прав на недвижимое имущество, и, если добросовестный приобретатель опирается на данный принцип, у него нет возможности иным образом проверить чистоту сделки. Но с другой стороны, ЕСПЧ по делу Гладышевой допускает законность вмешательства в право собственности, выселение из жилого помещения при условии, если вмешательство будет пропорциональным.

По делу заявителя по жалобе необходимо обратить внимание на особенности российского законодательства. В соответствии с пунктом 2 статьи 1151 ГК РФ, жилое помещение как выморочное имущество переходит в муниципальную собственность. Органы местного самоуправления не наделены правом ведения реестра прав на недвижимое имущество, в котором должна быть запись о праве на объекты недвижимости, перешедшие в муниципальную собственность. В настоящее время, в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», реестр ведет Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, которая должна устанавливать подлинность документов при регистрации (аналогичный подход

существовал в период действия Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В соответствии со статьей 212 ГК РФ, муниципальная форма собственности признается самостоятельной и не относится к частной и государственной собственности. С учетом изложенного органы местного самоуправления, представляя интересы муниципального собственника, так же, как и заявитель по жалобе, не могут обеспечить чистоту правового титула и, являясь потенциальным участником сделки, не могут оценивать риск прекращения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть устранены в рамках процедур, специально введенных для этих целей федеральным законодателем. Это позволяет сделать вывод о том, что органы местного самоуправления, при осуществлении интересов муниципального собственника, обладают равенством по отношению к заявителю жалобы, не пользуясь каким-либо преимуществом, и также при совершении каких-либо юридических действий с объектом недвижимости должны ориентироваться на принцип публичной достоверности реестра. Непринятие в течение длительного времени каких-либо действий в защиту своего права собственности не связано с виной органа местного самоуправления, поскольку, в соответствии со статьей 1151 ГК РФ, порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования в собственность муниципальных образований, определяется федеральным законом. В настоящее время такой закон не принят. Принятие подобного акта на уровне органов местного самоуправления не относится к компетенции муниципального образования в связи с тем, что правовое регулирование имущественных отношений, связанных с принятием наследства, относится к компетенции федерального законодателя.

Таким образом, подход ЕСПЧ по делу Гладышевой не может быть применим в ситуации заявителя жалобы.

4. Есть повод поговорить о том, соответствует ли статья 302 ГК РФ принципу правовой определенности. Анализ практики ЕСПЧ

позволяет сделать вывод о том, что данный принцип связан с верховенством права, а сама определенность нормы должна обеспечивать устойчивость и стабильность отношений, а также равновесие в применении правовых средств регулирования, обеспечивает единство судебной практики. Также принцип правовой определенности обеспечивает реализацию формального равенства (применения равной меры свободы ко всем субъектам права), а также является необходимой гарантией обеспечения эффективной защиты от произвольного вмешательства.

Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации, принцип правовой определенности в имущественных отношениях означает необходимость точности, ясности и недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, без которой не может быть обеспечено единообразное понимание применения таких норм, а значит, и равенство всех перед законом (например, Постановление Конституционного суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П). Правовую неопределенность заявитель по жалобе усматривает в том, что отсутствует легальное закрепление понятия «добросовестный приобретатель», на уровне закона не определены критерии добросовестности приобретателя, что не позволяет обеспечить защиту имущественных интересов приобретателя при изъятии у него недвижимости.

В этой части следует учитывать, что право легального раскрытия дефиниции принадлежит исключительно законодателю, а установить критерии добросовестности приобретателя возможно через системное толкование правовых норм. В последнем случае такой подход широко продемонстрировали высшие судебные органы в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Отсутствие необходимости легального раскрытия всех понятий на уровне закона отмечается и в зарубежном праве.

В аспекте правовой определенности необходимо делать акцент на понятности субъектам права механизма правового регулирования и оценки такого механизма с позиции защиты их имущественных интересов. В связи с этим обращает на себя внимание то, что правовой механизм защиты интересов добросовестного приобретателя недвижимости закреплен в статье 31.1 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Собственник жилого помещения, который не вправе его истребовать от добросовестного приобретателя, а также добросовестный приобретатель, от которого было истребовано жилое помещение, имеет право на разовую компенсацию за счет казны Российской Федерации.

Недоверие к данным государственного реестра может быть обусловлена как неправомерными действиями самого регистрирующего органа, так и иными обстоятельствами. Если недоверие связана с действиями органов власти, то подлежат применению статьи 15, 1069 ГК РФ. Это согласуется с позицией ЕСПЧ по делу Гладышева о том, что ошибки или просчеты государственных органов должны служить выгоде заинтересованных лиц, особенно при отсутствии иных конфликтующих интересов; риск любой ошибки, допущенной государственным органом, должно нести государство, и ошибки не должны устраняться за счет заинтересованного лица.

Во всех других случаях, когда имущественный вред связан исключительно с противоправными действиями третьих лиц, например, лиц, которые не имели права отчуждать квартиру по договору купли-продажи (как это имело место в деле заявителя по жалобе), т. е. причинителей вреда, признанных таковыми вступившим в законную силу судебным решением, установившим их обязанность возместить нанесенный вред, но с которых получить взыскание по исполнительному документу в течение установленного законом срока не удалось, государство не несет юридической (негативной) ответственности за причиненный собственнику (добросовестному приобретателю) имущества вред.

В то же время, имея в виду гарантирование стабильности гражданского оборота и

необходимость защиты права частной собственности, государство вправе добровольно возложить на себя часть финансового бремени, вызываемого такими негативными последствиями. Именно из этого исходил законодатель, вводя компенсационный механизм возмещения за счет казны Российской Федерации (Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 4 июня 2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" в связи с жалобой граждан В. А. Князик и П. Н. Пузырина»).

Предложенный федеральным законодателем механизм позволяет обеспечить баланс частных и публичных интересов при изъятии жилого помещения у добросовестного приобретателя, не подвергает такого приобретателя чрезмерному обременению и не нарушает равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности.

5. Нарушение баланса конституционно защищаемых интересов, по мнению заявителя, может быть обусловлено двумя причинами: оспариваемая норма не учитывает особенности правосубъектности публичного собственника, а также роль государства в легитимации перехода прав на выморочное имущество. В обосновании этого тезиса можно привести аргументы о том, что органы местного самоуправления используют свое право не в своем интересе, а для осуществления полномочий в конституционно установленных целях – предоставление помещения нуждающимся гражданам; у публичного собственника отсутствует свобода в выборе способа защиты своих прав.

Подобная позиция не учитывает один из фундаментальных принципов гражданского права – равенство участников отношений. Согласно данному принципу, участники изначально не подчинены друг другу, не пользуются каким-либо преимуществом, осуществляют свои гражданские права по своей воле и в своих интересах, а также обладают равными возможностями как в осуществлении своего права и исполнении обязанностей, так и в применении мер защиты нарушенного права. Нельзя отдавать приоритет в возможностях

выбора защиты права кому-либо из субъектов, а воля лица в выборе способа защиты должна формироваться свободно, ограничение в применении правовых мер воздействия недопустимо.

Необходимо отличать гражданскую правосубъектность публично-правового образования от компетенции созданных государственных или муниципальных органов. В первом случае по отношению к третьим лицам публично-правовое образование выступает на равных, во втором случае – публично-правовое образование проявляет свои властные полномочия через публичные органы. Если такое образование действует в гражданском обороте в статусе равноправного участника правоотношений, имеющего одинаковый объем гражданских прав и обязанностей, это означает необходимость соблюдения публично-правовым образованием в частноправовых отношениях установленных им же правил. При этом публично-правовое образование может иметь лишь те гражданские права и обязанности, которые соответствуют целям их деятельности и публичным интересам. Это означает, что осуществление публично-правовым образованием гражданских прав происходить иначе, чем для целей публичного интереса, не может.

В отношениях, связанных с применением статьи 302 ГК РФ, публично-правовое образование должно руководствоваться той же мерой юридической свободы, которая может быть предоставлена любому субъекту гражданского права. При этом степень свободы выбора способа защиты своего нарушенного права у публично-правового образования аналогична степени свободы у добросовестного приобретателя. В частности, выбор способа защиты является не произвольным, а зависит от характера правонарушения. При неправомерном изъятии имущества у собственника при отсутствии договорных отношений не имеет значения, в чьей собственности находится имущество на момент изъятия, способ защиты один – требовать изъятия вещи из чужого незаконного владения. Право публично-правового образования на предъявление иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения с учетом изложенного ограничиваться не должно.

Из постановления Конституционного суда Российской Федерации усматривается оценка пассивного поведения публичного собственника при изначальном незаконном отчуждении недвижимости при противоправном содействии третьих лиц, знание властей о статусе квартиры и связь возложенного риска выбытия квартиры добросовестного приобретателя с дестабилизацией гражданского обо-

рота. Следует обратить внимание, что поведение собственника не будет пассивным, если на уровне федерального законодательства будет предусмотрен механизм принятия и оформления в муниципальную собственность выморочного имущества. Повлиять на разработку такого механизма органы местного самоуправления в силу компетенции не могут.

Список литературы

1. *Абраменков М. С., Фиошин А. В.* Выморочное имущество в наследственном праве России // *Наследственное право*. – 2014. – № 1. – С. 21–26.
2. *Беспалов Ю. Ф., Беспалова А. Ю.* Дела о наследовании: некоторые спорные вопросы правоприменения. – М. : Проспект, 2012.
3. *Казарян К. В.* Выморочное имущество: проблемы и перспективы развития законодательства // *Наследственное право*. – 2013. – № 2. – С. 21–24.
4. *Олейникова О.* Выморочное имущество: законодательное регулирование и правоприменительная практика // *Жилищное право*. – 2015. – № 10. – С. 83–91.

Третьейская реформа и обеспечительные меры в арбитраже**Д. И. Кобахидзе**

аспирант Аспирантской школы по праву

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»,

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

E-mail: david025@mail.ru

Arbitration Reform and Interim Measures in Arbitration**D. I. Kobakhidze**

Post-Graduate Doctoral School of Law of National Research University "Higher School of Economics"

Address: National Research University "Higher School of Economics", 20 Myasnitskaya Str.,

Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: david025@mail.ru

Аннотация

В данной статье анализируются произошедшие в России в результате третьейской реформы изменения в законодательстве, касающиеся регулирования порядка принятия государственными судами обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства, и соотношение таких изменений со сложившейся в данной области отечественной доктриной. В статье уделено внимание противоречиям, которые существовали в российском законодательстве до третьейской реформы по таким процессуальным вопросам, как критерии определения компетентного суда для принятия обеспечительных мер в поддержку арбитража, а также соотношение актов государственного суда и третейского суда об обеспечительных мерах. Также автор обращает внимание на новый процессуальный институт – выполнение судами функций содействия и контроля в отношении третейского суда, при закреплении которого законодатель не учел сформировавшееся в российской научной литературе представление об обеспечительных мерах государственного суда как о форме содействия третейскому разбирательству.

Ключевые слова: обеспечительные меры, арбитраж, компетентный суд, третейский суд, содействие третейскому суду, третьяская реформа, Закон об арбитраже.

Abstract

This article analyzes the changes in legislation that occurred in Russia as a result of the arbitration reform which concern the regulation of the procedure of adoption of interim measures by the state courts upon application of a party to the arbitration and the correlation of such changes with the prevailing domestic doctrine in this area. The article focuses on the contradictions that existed in the Russian legislation before the arbitration reform on such procedural issues as the criteria for determining a competent court for adoption of interim measures in support of arbitration, as well as the correlation of acts of the state court and the arbitration tribunal on interim measures. Also, the author draws attention to the new procedural institution - the courts' performance of the functions of assistance and control in relation to the arbitration tribunal. Establishing this institution, the legislator did not consider the view formed in the Russian scholarly literature about the interim measures of the state court as a form of assistance to arbitration.

Keywords: interim measures, arbitration, competent court, arbitral tribunal, assistance to arbitral tribunal, arbitration reform, Law on arbitration.

Принятие и вступление в силу с 1 сентября 2016 г. Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ¹ ознаменовало проведение

реформы третейского законодательства Рос-

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим

силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 2015. – 31 декабря. – № 297.

сийской Федерации. Третейская реформа выражается прежде всего в принятии Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об арбитраже) и утрате силы ранее действующего Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»² (далее – Закон о третейских судах). Реформа также затронула Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»³ (далее – Закон об МКА), Арбитражный процессуальный кодекс РФ⁴ (далее – АПК) и Гражданский процессуальный кодекс РФ⁵ (далее – ГПК).

Одним из важнейших результатов третейской реформы стало приведение к единообразию законов, регулирующих «внутренний» и международный коммерческий арбитраж. Так, можно заметить, что структура и расположение норм Закона об МКА и Закона об арбитраже в большей степени идентичны друг другу, понятийный аппарат также был переработан и более не содержит противоречий. Наиболее отчетливо единообразие действующих законов об арбитраже можно увидеть, в частности, в вопросе регулирования обеспечительных мер. Закон о третейских судах регламентировал данный институт в статье 25. Теперь, подобно Закону об МКА, Закон об арбитраже затрагивает вопросы обеспечительных мер в статьях 9 и 17, а нормы указанных статей в обоих законах идентичные и соответствуют по своему содержа-

нию Типовому закону ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже 1985 г.

В настоящей статье рассмотрены основные изменения в правовом регулировании института обеспечительных мер в арбитраже, связанные с третейской реформой, в призма сложившихся в данной области права доктринальных взглядов и научных дискуссий.

Определение компетентного суда для принятия обеспечительных мер по заявлению стороны арбитража

Необходимо отметить, что Закон об арбитраже в части обеспечительных мер не содержит норм судебно-процессуального характера, как это было в частях 4–6 статьи 25 Закона о третейских судах. В частности, указанные положения Закона о третейских судах закладывали правила определения компетентного суда для подачи заявления об обеспечении иска, закрепляли перечень документов, прилагаемых к такому заявлению, и устанавливали порядок отмены определения суда об обеспечении иска, рассматриваемого в третейском суде. Суды общей юрисдикции до третейской реформы по указанным вопросам обращались именно к Закону о третейских судах, поскольку ГПК не оговаривал, как сейчас в части 3 статьи 139, возможность обращения стороны третейского разбирательства с заявлением об обеспечительных мерах. Однако арбитражные суды сталкивались с тем, что положения части 4 статьи 25 Закона о третейских судах противоречили части 3 статьи 90 и части 5 статьи 92 АПК, регулирующих те же процессуальные вопросы.

В частности, в Законе о третейских судах указывалось, что заявление об обеспечении иска, рассматриваемого в третейском суде, подается в компетентный государственный суд «по месту осуществления третейского разбирательства или по месту нахождения имущества, в отношении которого могут быть приняты обеспечительные меры». В части 3 статьи 90 АПК закреплены иные критерии определения компетентного арбитражного суда: «по месту нахождения третейского суда, либо по месту нахождения или месту жительства должника, либо по месту нахождения имущества должника». В ГПК вопрос территориальной подсудности дел данной категории вовсе не регламентировался. Таким об-

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – 31 декабря. – № 297.

² См.: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (ред. от 21.11.2011) // Российская газета. – 2002. – 27 июля. – № 137.

³ См.: Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (ред. от 29.12.2015) // Российская газета. – 1993. – 14 августа. – № 156.

⁴ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Российская газета. – 2002. – 27 июля. – № 137.

⁵ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 2002. – 20 ноября. – № 220.

разом, не существовало «единого механизма определения компетентного государственного суда, в который следует обратиться стороне третейского разбирательства с заявлением о принятии обеспечительных мер» [1. – С. 482]. При этом, по мнению А. И. Зайцева, содержащаяся в части 4 статьи 25 Закона о третейских судах формулировка «по месту осуществления третейского разбирательства» является более приемлемой по сравнению с формулировкой «по месту нахождения третейского суда», предусмотренной АПК, поскольку последняя «не несет в себе никакой смысловой нагрузки, так как дело по соглашению сторон спорного правоотношения может рассматриваться и в другом месте – на территории другого субъекта Российской Федерации» [10. – С. 123].

Действительно, место третейского разбирательства, осуществляемого, по сути, третейскими судьями (арбитрами), могло не совпадать с местом нахождения постоянно действующего третейского суда¹. Учитывая, насколько неудачно в Законе о третейских судах было дано определение понятию «третейский суд» (абзац 2 статьи 2), рассматриваемая формулировка в части 3 статьи 90 АПК ранее могла приводить к неоднозначности в вопросе установления компетентного арбитражного суда. Теперь, когда законодатель придерживается более узкого и непротиворечивого подхода к понятию «третейский суд» (пункт 16 статьи 2 Закона об арбитраже, абзац 2 статьи 2 Закона об МКА)², понятие «третейское разбирательство» («арбитраж»), определение которого текстуально не было изменено законодателем, получило новое понимание³.

Как же теперь соотносятся место осуществления третейского разбирательства и место нахождения третейского суда? Часть 2 статьи 20 Закона об арбитраже и часть 2 ста-

ты 20 Закона об МКА предусматривают, что, если стороны не договорились об ином, третейский суд может собраться в ином месте, которое он посчитает надлежащим для проведения совещания между арбитрами, заслушивания свидетелей, экспертов или сторон в устном слушании либо для осмотра товаров, другого имущества или документов. Под иным местом явно понимается место, отличное от места арбитража, устанавливаемого в порядке части 1 статьи 20 обоих законов. Исходя из данного анализа можно сделать вывод, что, исключая совершение названных процессуальных действий, третейский суд всегда рассматривает спор и принимает арбитражное решение по месту осуществления арбитража. Таким образом, содержащаяся в части 3 статьи 90 АПК и в части 3 статьи 139 ГПК формулировка «по месту нахождения третейского суда» как один из критериев определения компетентного суда в настоящее время представляется вполне приемлемой.

Соотношение актов третейского суда и государственного суда об обеспечительных мерах

Учитывая тот факт, что статья 25 Закона о третейских судах содержала нормы, касающиеся обеспечительных мер как третейского суда, так и государственного, в литературе закономерно поднимался вопрос: изложено ли здесь два отдельных механизма принятия обеспечительных мер – третейским судом и компетентным государственным судом или же речь идет об одной процедуре принятия обеспечительных мер компетентным судом с участием сторон спора и третейского суда [17]. Одной из основных причин такой дискуссии являлось содержащееся в части 4 статьи 25 Закона о третейских судах требование прикладывать к заявлению об обеспечении иска при обращении в компетентный суд определение третейского суда о принятии обеспечительных мер. С одной стороны, такого предписания не содержит регулирующая аналогичный вопрос часть 5 статьи 92 АПК. С другой стороны, в отличие от Закона о третейских судах, Закон об МКА никогда не связывал возможность обращения в государственный суд с необходимостью принятия решения об обеспечительных мерах первоначально самим третейским судом, равно как

¹ Под третейским судом Закон о третейских судах понимал постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретного спора. Закон об арбитраже и Закон об МКА избегают такой тавтологии и используют другое понятие – постоянно действующее арбитражное учреждение.

² Под третейским судом понимается единоличный арбитр или коллегия арбитров.

³ Под арбитражем (третейским разбирательством) понимается процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом.

и не требовал уведомления третейского суда по факту обращения или принятия соответствующего решения государственным судом [18. – С. 101]. В связи с этим в теории возникли различные подходы к толкованию указанного предписания.

В. В. Ярков полагает, что части 1 и 2 статьи 25 Закона о третейских судах, наряду со статьей 17 Закона об МКА, имеют в виду добровольное обеспечение («диспозитивный способ»), которое производится без применения мер принуждения, в отличие от «императивного способа» – обеспечительных мер, применяемых государственными судами [12]. Аналогично высказывается и А. И. Зайцев, отмечая при этом, что «никаких негативных последствий несоблюдения подобного предписания третейского суда действующее законодательство не предусматривает» [7. – С. 86]. Данные авторы, таким образом, ограничивают третейский суд и государственный суд как два самостоятельных друг от друга юрисдикционных органа по принятию обеспечительных мер по заявлению стороны арбитража, причем первый выносит только добровольно исполняемые акты об обеспечительных мерах, а второй – принудительно исполняемые определения.

Анализируя статью 25 Закона о третейских судах, О. А. Макарова приходит к другому выводу, а именно что третейский суд может распорядиться о принятии двух видов обеспечительных мер: подлежащих добровольному исполнению сторонами и подлежащих принудительному исполнению. В первом случае третейскому суду достаточно того, что у него имеется полномочие на принятие таких мер и соответствующая просьба поступила от одной из сторон. Во втором случае третейский суд при решении вопроса о принятии обеспечительных мер должен учитывать основания, предусмотренные в пункте 2 статьи 90 АПК и пункте 2 статьи 139 ГПК, чтобы в дальнейшем при обращении стороны в государственный суд в порядке части 4 статьи 25 Закона о третейских судах обеспечительные меры были принудительно исполнены, что выражается, по сути, в принятии государственным судом определения о принятии обеспечительных мер, аналогичного постановлению (или иному процессуальному акту)

третейского суда о принятии обеспечительных мер [16. – С. 182].

М. А. Рожкова пишет, что вынесенный третейским судом, в соответствии с частью 1 статьи 25 Закона о третейских судах, акт о применении обеспечительных мер может быть принудительно исполнен государственным судом, однако «сторонам третейского разбирательства предоставлено право иным образом решить вопрос обеспечения их имущественных интересов – путем обращения с ходатайством о применении обеспечительных мер непосредственно в государственный суд, минуя суд третейский» [20]. Тем самым М. А. Рожкова также признает наличие двух отдельных механизмов применения обеспечительных мер. С первой частью ее тезиса не согласен В. А. Гуреев, который отмечает, что в случае вынесения третейским судом определения о принятии обеспечительных мер заявитель вправе обратиться в арбитражный суд не с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение указанного определения, а с заявлением о принятии обеспечительных мер в порядке части 3 статьи 90 АПК РФ [3].

По мнению С. Ю. Скворцова, в статье 25 Закона о третейских судах закреплена единая, двухэтапная процедура, когда заинтересованная сторона сначала подает заявление об обеспечении иска в третейский суд, и, если тот принимает положительное решение, сторона обращается с заявлением об обеспечительных мерах в компетентный суд [22. – С. 547–548]. Однако В. В. Ярков считает, что предварительное обращение заинтересованной стороны вначале с заявлением в третейский суд не является обязательным, поскольку это «усложняет и удлиняет процедуру разрешения ходатайства о применении обеспечительных мер, лишает его столь необходимого эффекта неожиданности для ответчика» [12].

Достаточно много критики накопилось в отношении закрепленного в части 4 статьи 25 Закона о третейских судах требования прилагать к заявлению об обеспечении иска определение третейского суда о принятии обеспечительных мер. А. И. Зайцев рассматривает такое требование нелегитимным и лишенным смысла, так как третейский суд, являясь негосударственным юрисдикционным органом, не

наделен правом принимать принудительные обеспечительные меры. «Третейский суд может лишь распорядиться о принятии какой-либо стороной обеспечительных мер, но это распоряжение, во-первых, носит диспозитивный характер, не подлежит принудительному исполнению и, во-вторых, не нуждается в каком-либо подтверждении в компетентном государственном суде. Таким образом, принимая определение об обеспечении иска и направляя его в качестве приложения к заявлению об обеспечении иска в компетентный государственный суд, третейский суд явно превышает свою компетенцию» [10. – С. 125].

А. С. Мямин также указывает, что определение третейского суда о принятии обеспечительных мер не является обязательным к исполнению для компетентных судов, поскольку арбитражный суд не связан с решением третейского суда по тому или иному вопросу и вправе принять по ним самостоятельное решение [17]. Другое мнение заключается в том, что определение третейского суда о принятии им обеспечительных мер является лишь выражением мнения третейского суда для разрешения государственным судом заявления об обеспечительных мерах, ведь по закону государственный суд не обязан давать оценку вынесенному третейским судом определению или установленным в нем обстоятельствам. Определение третейского суда и его позиция в этом вопросе будут излишними, поскольку правоприменитель сам способен дать оценку сложившейся ситуации и определить, насколько необходимо в ней введение обеспечительных мер [15]. А. Г. Лисицин-Светланов утверждает, что получение акта об обеспечительных мерах в ходе арбитражного разбирательства предполагает дальнейшее обращение в суд государственной юрисдикции и не достигает необходимой цели – оперативности. При отсутствии оперативности в получении исполнимого решения об обеспечительных мерах через третейский суд обращение к нему может тем не менее упростить доказывание необходимости их принятия в суде государственной юрисдикции [13. – С. 76].

С принятием Закона об арбитраже, который содержит идентичные Закону об МКА нормы в отношении обеспечительных мер, законодатель дал однозначный ответ о том,

что обеспечительные меры третейского суда подлежат лишь добровольному исполнению сторонами без возможности их принудительного исполнения в судебном порядке. Кроме того, исчезло «проблемное» требование прикладывать к заявлению об обеспечении иска, подаваемого в компетентный суд, вынесенное ранее определение третейского суда об обеспечительных мерах.

Тем не менее продолжает оставаться неразрешенной проблема практического характера о соотношении актов третейского суда и государственного суда об обеспечительных мерах, принятых в рамках одного дела. Должно ли иметь значение для государственного суда наличие постановления третейского суда об обеспечении иска либо об отказе в обеспечении? В судебной практике была сформирована некоторая позиция на этот счет. В пункте 24 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 7 июля 2004 г. № 78¹ прямо указано, что арбитражный суд с учетом конкретных обстоятельств дела может отказать в принятии предварительных обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства, если сочтет обеспечительные меры, ранее принятые третейским судом, достаточными и если заявителем не представлено доказательств, что они не исполняются добровольно². Позднее в пункте 29 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158³ был сделан вывод, что арбитражный суд учитывает при оценке оснований принятия обеспечительных мер, были ли приняты обеспечительные меры иностранным коммерческим арбитражем и исполняются ли они на добровольной основе. Представляется, что указан-

¹ См.: Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 7 июля 2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 8.

² Стоит заметить, что в деле, которое приводится в данном пункте Информационного письма, обеспечительные меры были приняты председателем постоянно действующего арбитражного учреждения до формирования состава третейского суда.

³ См.: Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149878/ (дата обращения: 11.05.2018).

ные выводы лишь негативно сказываются на судебной практике и способствуют росту «отказных» определений, поскольку, во-первых, выходят за рамки закрепленных в части 2 статьи 90 АПК оснований принятия обеспечительных мер и, во-вторых, налагают на сторону, ходатайствующую о принятии судом обеспечительных мер, обязанность доказывания еще большего количества обстоятельств, а именно неисполнения противной стороной обеспечительных мер третейского суда добровольно. Таким образом, следует заключить, что рассмотренная выше проблема нуждается в законодательном разрешении.

Обеспечительные меры как форма содействия арбитражу

Как уже упоминалось, в результате третейской реформы был закреплен новый институт – осуществление (выполнение) судами функций содействия и контроля в отношении третейского суда (статья 6 Закона об арбитраже, статья 6 Закона об МКА, статья 30.1 ГПК, статья 31 АПК). В него вошли ранее существовавшие в процессуальных кодексах производства по делам об оспаривании решений третейских судов и по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, которые, по сути, представляют собой функции контроля [6], а также новое производство по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия в отношении третейского суда (глава 47.1 ГПК, §3 главы 30 АПК). В порядке данного производства разрешается следующий перечень вопросов: 1) отвод третейского судьи; 2) назначение третейского судьи; 3) прекращение полномочий третейского судьи (часть 2 статьи 427.1 ГПК, часть 2 статьи 240.1 АПК). Возникает вопрос, являются ли перечисленные вопросы исчерпывающим перечнем функций содействия? Представляется, что законодатель не совсем удачно использовал формулировку «функции содействия в отношении третейского суда», ограничив их только указанными тремя вопросами.

Принятие компетентным судом обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства в российской доктрине традиционно признается одним из способов взаимодействия между государственным и третейским судами. В частности, С. А. Влади-

мирова называет применение обеспечительных мер формой взаимодействия государственных и третейских судов при разрешении конкретного спора в рамках третейского судопроизводства [8. – С. 221]. Н. В. Павлова выделяет три направления взаимодействия государственного суда и арбитража: 1) на стадии, предшествующей арбитражному разбирательству; 2) на стадии арбитражного разбирательства; 3) по окончании арбитражного разбирательства. При этом принятие судом обеспечительных мер в поддержку арбитража может быть реализовано на каждой из указанных стадий [19. – С. 143]. Р. Н. Гимазов относит принятие обеспечительных мер по делу, рассматриваемому третейским судом, к судопроизводственной группе форм взаимодействия арбитражных (государственных) и третейских судов, в рамках которой есть две подформы: принятие обеспечительных мер непосредственно по делу, рассматриваемому третейским судом, и принятие предварительных обеспечительных мер по делу, которое планируется передать на рассмотрение в третейский суд [9. – С. 26]. При этом «взаимодействие арбитражных и третейских судов» понимается им как все формы взаимно обусловленной деятельности по уведомлению, содействию и ограниченному контролю в процессе осуществления компетентным арбитражным и третейским судами их юрисдикционной деятельности [9. – С. 21].

Большинство исследователей склоняются к тому, что посредством принятия обеспечительных мер по делу, рассматриваемому в арбитраже, государственные суды осуществляют именно «содействие». Например, Е. А. Виноградова называет принятие обеспечительных мер функцией содействия государственных судов деятельности третейских судов [2. – С. 627]. В. В. Ярков использует формулировку «обеспечительные меры для содействия третейскому разбирательству» [12]. В. М. Мусин к функции государственных судов по оказанию третейским судам необходимого содействия относит в первую очередь принятие обеспечительных мер [13. – С. 37]. Г. В. Севастьянов считает, что обеспечение требований, заявленных в третейском суде, является мерой государственного содействия [21. – С. 70]. Б. Р. Карабельников, напротив,

рассматривает принятие обеспечительных мер, равно как и другие формы взаимодействия, как вмешательство государственного суда в процесс, связанный с рассмотрением спора в международном коммерческом арбитраже, при этом содействием в его понимании является только содействие в получении доказательств [11. – С. 56]. М. М. Богуславский рассматривает обеспечительные меры в качестве основного направления взаимодействия между третейскими и государственными судами, но в форме контроля со стороны государства [4. – С. 67–70].

С. А. Курочкин называет принятие обеспечительных мер в отношении иска, заявленного в третейском суде, в том числе предварительных обеспечительных мер основным направлением реализации содействия третейским судам. При этом целью оказания государственными судами содействия третейскому разбирательству является «обеспечение процессуальных прав участников арбитражного разбирательства на справедливое разрешение спора, обеспечение эффективности защиты нарушенных прав и законных интересов участников отношений гражданского оборота третейскими судами» [14. – С. 14]. К. Содерлунд пишет, что одной из форм государственной судебной поддержки, которые могут быть использованы в отношении коммерческого арбитража, являются различные временные меры обеспечительного характера. Более того, по его мнению, уже сама потенциальная возможность такой поддержки со стороны суда удерживает стороны от различного рода злонамеренных действий [23. – С. 31].

Стоит отметить, что принятие обеспечительных мер в качестве формы содействия признают и российские суды. В частности, Верховный суд РФ в одном из своих определений отметил, что заявитель (сторона третейского разбирательства) обладает возможностью обратиться в порядке части 3 статьи 90 АПК в арбитражный суд первой инстанции с ходатайством об обеспечительных мерах в рамках содействия международному коммерческому арбитражу¹.

Все вышеприведенные позиции позволяют говорить о том, что институт обеспечительных мер неразрывно связан с осуществлением государственными судами содействия третейскому суду. Однако законодатель по тем или иным причинам в этом вопросе занял иную точку зрения, отличную от доктринальной.

На самом деле, затронутую выше проблему можно было бы обойти, например, разграничив понятия «содействие в отношении третейского суда» и «содействие в отношении арбитража», т. е. отвод, назначение и прекращение полномочий арбитров законодательно включать в первое понятие, а принятие обеспечительных мер относить ко второму (причем в данное понятие можно было бы включать и принудительное исполнение решений третейских судов). Однако законодатель отождествил эти понятия, обозначив название статьи 6 Закона об арбитраже (и Закона об МКА) как «Органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража», где исчерпывающе перечислены те же функции содействия и контроля, которые в ГПК (статья 30.1) и АПК (статья 31) названы как выполняемые «в отношении третейского суда». Другой загвоздкой является то, что законодатель впервые предусмотрел в АПК (статья 74.1) и ГПК (статья 63.1) еще одну форму содействия третейскому суду – содействие в получении доказательств, но она также осталась за пределами «функций содействия в отношении третейского суда».

Возникшая в результате третейской реформы рассмотренная проблема не осталась незамеченной также другими авторами, которые в связи с ней предлагают внесение конкретных изменений в законодательство. Так, О. А. Макарова предлагает закрепить в пункте 2 статьи 31 АПК, определяющей подведомственность дел, связанных с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов, такое полномочие, как рассмотрение арбитражными судами дел о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение постановлений и иных процессуальных

¹ См.: Определение Верховного суда РФ от 5 марта 2015 г. № 306-ЭС15-801. – URL: <http://www.consultant.ru/>

cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=419757#0597066264556976 (дата обращения: 11.05.2018).

актов третейских судов о принятии обеспечительных мер [16. – С. 183]. По сути, такое изменение положит начало закреплению механизма принудительного исполнения обеспечительных мер третейского суда. В свою очередь В. Е. Бондаренко, признавая принятие обеспечительных мер функцией содействия, предлагает исключить часть 3 из статьи 139 ГПК и часть 3 из статьи 90 АПК (о принятии обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства) и дополнить статью 427.1 ГПК и статью 240.1 АПК положениями об обеспечительных мерах [5. – С. 76]. Такое предложение представляется довольно радикальным, однако логику автора вполне можно понять.

В результате третейской реформы институт обеспечительных мер, принимаемых в поддержку арбитража, несомненно, претерпел важные изменения. Российские государственные суды теперь руководствуются, как и должно быть, исключительно соответствующим процессуальным кодексом при принятии и рассмотрении заявления стороны третейского разбирательства об обеспечительных мерах. Противоречивая во многих отношениях статья 25 Закона о третейских судах перестала действовать, оставив, однако, после себя большой массив критики, противоположных взглядов и толкований отечественными

учеными сложившегося в российском третейском (арбитражном) законодательстве института обеспечительных мер.

В то же время третейская реформа, вводя понятие содействия третейскому суду, не учла сложившееся в доктрине представление об обеспечительных мерах государственного суда как одной из важнейших форм такого содействия, эффективность которых заключается в возможности принудительного исполнения обеспечительных мер, вынесенных против стороны третейского разбирательства. Представляется, что с точки зрения процессуальной формы нет какой-либо нужды отдельно регламентировать процедуру принятия обеспечительных мер по заявлению стороны третейского разбирательства, например, включив ее в новое производство по делам, связанным с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов, который теперь закреплён в АПК и ГПК, поскольку такая процедура не содержит каких-либо принципиальных отличий от общего порядка принятия судами обеспечительных мер. Считаем, что законодателю было бы достаточно лишь «признать» принятие обеспечительных мер судом одной из форм содействия третейскому суду.

Список литературы

1. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Челышев. – М. : Статут, 2010.
2. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. – М. : Инфотропик Медиа, 2010.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы I–II : постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. В. А. Гуреева; науч. ред. В. В. Гущин. – М. : Библиотечка «Российской газеты», 2013.
4. Богуславский М. М. Связь третейских судов с государственными судами // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения : сборник статей к 75-летию Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации / под ред. А. С. Комарова; МКАС при ТПП РФ. – М. : Статут, 2007.
5. Бондаренко В. Е. Компетенция государственных судов при реализации функций содействия арбитражу // Правовая культура. – 2017. – № 2 (29). – С. 72–77.
6. Борисов А. Н., Диденко В. В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный). – М. : Деловой двор, 2016.
7. Валеев Д. Х., Зайцев А. И., Фетюхин М. В. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (постатейный). – М. : Статут, 2015.

8. *Владимирова С. А.* Третейские и государственные суды: взаимодействие и сотрудничество в сфере разрешения споров и примирения сторон // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2007. – № 4 (32). – С. 218–228.
9. *Гимазов Р. Н.* Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
10. *Зайцев А. И.* Третейское судопроизводство России (Проблемные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
11. *Карабельников Б. Р.* Международный коммерческий арбитраж : учебник. – М. : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2013.
12. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфотропик Медиа, 2011.
13. Комментарий к Закону Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже»: постатейный, научно-практический / под ред. А. С. Комарова, С. Н. Лебедева, В. А. Мусина; сост. Г. В. Севастьянов. – СПб. : АНО Редакция журнала «Третейский суд», 2007.
14. *Курочкин С. А.* Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже. – М. : Волтерс Клувер, 2008.
15. *Курочкин С. А., Морозов М. Э., Скворцов О. Ю., Севастьянов Г. В.* Третейское разбирательство в Российской Федерации : учебное пособие / под ред. О. Ю. Скворцова. – М. : Волтерс Клувер, 2010.
16. *Макарова О. А.* Полномочия третейского суда распорядиться о принятии обеспечительных мер: до и после Закона об арбитраже // Третейский суд. – 2016. – № 2–3. – С. 176–183.
17. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» с обзором судебно-арбитражной практики (постатейный) / под ред. А. Н. Лысенко, А. А. Хорошева. – М. : Деловой двор, 2011.
18. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В. В. Хвалей; отв. ред. А. В. Грищенкова. – М. : РАА, 2017.
19. *Павлова Н. В.* Предварительные обеспечительные меры в международном гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
20. *Рожкова М. А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. – М. : Волтерс Клувер, 2006.
21. *Севастьянов Г. В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). – М. : Статут, 2015.
22. *Скворцов О. Ю.* Проблемы третейского разбирательства предпринимательских споров в России : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2006.
23. *Содерлунд К.* Государственные суды и международный коммерческий арбитраж // Международный коммерческий арбитраж. – 2008. – № 3. – С. 30–41.

**Виды предпринимательских правоотношений,
основанных на концепции интернета вещей (IoT)**

М. С. Пушкарёв

адвокат, соискатель Института государства и права РАН
сектора предпринимательского права.

Адрес: ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»,
119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: grapravo.kaf@mail.ru

**Types of Business Relations Based on the Concept
of Internet of Things (IoT)**

M. S. Pushkarev

Lawyer, Postgraduate of the Institute of State and Law of RAS, The Sector of Business Law.
Address: Institute of State and Law of RAS, 10 Znamenka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
E-mail: grapravo.kaf@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено содержание понятия «интернет вещей», проанализировано соотношение понятия «интернет вещей» с понятием «индустриальный интернет». На основе всестороннего анализа научной литературы выявлены наиболее распространенные бизнес-модели внедрения IoT-технологий в производственную деятельность хозяйствующих субъектов. Определены основные субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность на рынке интернета вещей. Исследован круг хозяйственных правоотношений, в которые они вынуждены вступать с целью производства либо получения конечного IoT-продукта. Обоснована и представлена авторская классификация системы хозяйственных правоотношений, складывающихся при внедрении и дальнейшем использовании IoT-технологий в производственной деятельности хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: интернет вещей, индустриальный интернет, предпринимательские правоотношения, внедрение интернета вещей, сценарии правоотношений по представлению услуг интернета вещей, конечный IoT-продукт, IoT-технологии.

Abstract

The article discusses the content of the concept of "Internet of things", analyzes the relationship of the concept of "Internet of things" with the concept of "Industrial Internet". On the basis of the comprehensive analysis of scientific literature, the most widespread business models of IOT technologies introduction into the production activity of economic entities are revealed. The basic subjects performing business activity in the market of the Internet of things are defined. The range of economic legal relations in which they are forced to enter for the purpose of production or production of the final IoT-product is investigated. The author's classification of the system of economic relations developing at introduction and further use of IoT technologies in production activity of the managing subject is proved and presented.

Keywords: Internet of things, industrial Internet, business relationships, the introduction of the Internet of things, scenarios relationships for the performance of services of the Internet of things, IoT-end-product, IoT-technology.

Под предпринимательской деятельностью национальный законодатель понимает (в соответствии с абзацем 3 статьи 2 ГК РФ) самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользова-

ния имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. По общему правилу лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке. В отношении отдель-

ных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (абзац 2 статьи 23 ГК РФ).

Рынок услуг интернета вещей (IoT) эксперты разделяют на два глобальных сегмента: потребительский сегмент и предпринимательский (бизнес) сегмент [12]. Определимся с понятиями. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» вводит следующую дефиницию: «*Интернет вещей – концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека*».

Наравне с этим понятие законодатель в том же нормативном акте вводит понятие «индустриальный интернет», которое определяется как концепция построения информационных и коммуникационных инфраструктур на основе подключения к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» промышленных устройств, оборудования, датчиков, сенсоров, систем управления технологическими процессами, а также интеграции данных программно-аппаратных средств между собой без участия человека. В результате чего вполне закономерно встает вопрос о соотношении данных понятий.

Анализ научной литературы [2; 3] показывает, что экспертное сообщество рассматривает индустриальный интернет вещей (IIoT) как глобальный сегмент интернета вещей (IoT) для корпоративного (отраслевого) применения. Следует заметить, что в настоящее время он занимает 97% от общей доли рынка интернета вещей¹.

Дальнейшее исследование предпринимательской деятельности осуществляемой с использованием такого инструмента, как интернет вещей, возможно только после определения и всестороннего анализа круга скла-

дывающихся по данному поводу хозяйственных отношений.

Представляется очевидным, что «в современных промышленно развитых странах не встречается ни чисто командных экономик, где все от производства до распределения управляется государством, ни чисто рыночных, где государство вообще не вмешивается в процессы производства и распределения. Современная рыночная экономика – это рыночная экономика, в которой производство развивается под воздействием собственных рыночных сил, направляющих предпринимательскую активность производителей, а государство регулирует этот процесс, устанавливая правовую структуру бизнеса и контролируя ее соблюдение, осуществляет различные социальные и экономические программы» [5. – С. 12].

Таким образом, круг хозяйственных отношений складывающихся на рынке IoT-услуг, должен включать как вертикальные связи, возникающие при регулировании (организации) предпринимательской деятельности, так и горизонтальные связи складывающихся между осуществляющими хозяйственную деятельность субъектами. Будучи урегулированными нормами предпринимательского права, эти общественные отношения становятся предпринимательскими (хозяйственными) правоотношениями.

Системообразующим стержнем вертикальных правоотношений являются конституционные нормы, гарантирующие право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (статья 34 Конституции РФ). Эти конституционные положения конкретизируются в различных нормах предпринимательского законодательства. В частности, статья 18, 23 ГК РФ регламентируют правила ведения предпринимательской деятельности гражданами, в главе 4 ГК РФ содержатся понятие, признаки и виды юридических лиц РФ и т. д.

Дальнейшее исследование требует определения места интернета вещей в производственной деятельности хозяйствующего субъекта.

Дан Джемисон [6], руководитель подразделения компании Particle, занимающегося

¹ См.: Прохоров А. Рынок IoT. Оценок много, нет консенсуса. – URL: <https://habrahabr.ru/company/huawei/blog/312888/>

разработкой управляющей платформы интернета вещей, выделил пять бизнес-моделей, которые в ближайшем будущем будут наиболее часто внедряться в производственную деятельность.

В частности, соблюдение установленных нормативными актами требований является необходимым условием к ведению отдельных видов предпринимательской деятельности.

Основанная на IoT-технологиях модель «нормативный контроль» позволит значительно снизить издержки и повысить эффективность проводимых проверок. Например, на территории России действует Постановление Правительства РФ от 11 августа 2016 г. № 787 «О реализации пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции "Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия из натурального меха"». Нормативный акт обязывает всех участников цепочки реализации меховых изделий (от производителей до продавцов) маркировать товары специальным чипом с RFID-меткой.

«Превентивное обслуживание и ремонт» – модель, где IoT-инструменты являются основой создания дистанционного мониторинга оборудования, позволяют своевременно выявлять неполадки и производить в реальном времени удаленную наладку.

Следующая модель – «Дистанционная диагностика» – использует возможности IoT-технологий для диагностики состояния вещей, на которые установлены контрольные датчики, что позволяет автоматически реагировать на изменения определенных параметров.

В основе автоматизации производственных процессов лежат две последние из выделенных экспертом бизнес-модели. Так, модель «контроль операций» позволяет с помощью оконечных устройств интернета вещей контролировать в реальном режиме времени последовательность технологических операций и движение материальных ресурсов. В свою очередь модель «автоматизация операций» построена на возможностях IoT-технологий автоматизировать часто повторяющиеся операции.

Неотъемлемым элементом любой бизнес-модели является цепочка ценностей. Исполь-

зование этого подхода позволяет разделить деятельность компании на ряд стратегически важных составляющих. Юридический подход к анализу их содержания позволит выявить основные группы горизонтальных хозяйственных правоотношений, складывающихся на рынке услуг интернета вещей.

По нашему мнению, упрощенный вариант цепочки добавленной стоимости должен состоять из следующих обязательных составляющих: сетевые оконечные устройства, сети связи, приложения и платформы интернета вещей, работы по системной интеграции оборудования, программное обеспечение и бизнес-процессы, а также потребители конечного продукта IoT.

Действительно, на настоящий момент не существует ни одного решения, основанного на IoT-технологии, реализованного без сетевых оконечных устройств (датчиков, сенсоров), считывающих данные с объекта (вещи) на которые они установлены. Оконечные устройства в реальном режиме времени осуществляют сбор и обработку данных, что открывает новые перспективы для их анализа и обеспечивает технологический фундамент для автоматизации в масштабах всей организации. Игроки рынка IoT, которые обеспечивают работу оконечных устройств, предоставляют необработанные данные провайдеру сети и провайдеру приложений в литературе [11] и получили название провайдеров услуг. Представляется закономерным, что субъекты предпринимательской деятельности, осуществляющие производство, поставку и последующее обслуживание данного оборудования, оказываются в центре формирования сложной системы обязательственных правоотношений, основанных на положениях договоров подряда, услуг, поставки или аренды. В последнее время в этом сегменте рынка наблюдается бурное развитие лизинговых правоотношений. Сложившаяся тенденция объясняется высокой активностью по внедрению в производство IoT-технологий малых и средних предприятий [1].

Экспоненциальный рост рынка оконечных устройств интернета вещей лежит в основе появления инновационных решений в этой области. По данным издания Business Insider [13] на 2016 г., компания Qualcomm имеет

724 IoT-патента. На втором месте Intel – 688 IoT-патентов. Китайский поставщик сетевого оборудования ZTE занял третье место – 351 IoT-патент. Такое положение вещей служит благодатной почвой для формирования правоотношений, связанных с распоряжением исключительными правами на изобретение, полезную модель и промышленный образец (статьи 1356–1369 ГК РФ) и т. д.

Функционирование датчиков IoT невозможно без подключения к сетям связи, обеспечивающим высокую скорость передачи данных. Подключение к ним, разработка и поддержание работоспособности инфраструктуры, обеспечивающей обработку все возрастающего объема трафика, и оказание услуг межмашинного взаимодействия (M2M-услуги) – вот базовая задача оператора (провайдера) связи на рынке услуг IoT. Именно это делает оператора (провайдера) связи следующей точкой притяжения для целого ряда зарождающихся здесь правоотношений. Основанием их возникновения преимущественно является договор об оказании услуг связи (статья 44 ФЗ «О связи» от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ).

В ряде случаев операторы (провайдеры) связи, работающие на рынке интернета вещей, вступают в правоотношения на основании договора аренды каналов связи. Стоит сразу заметить, что данный договор не отвечает признакам поименованного в ГК РФ договора аренды. В судебной практике [7–9] данный вид договора квалифицируют как договор возмездного оказания услуг¹.

Операторы связи и производители датчиков и устройств в совокупности делят между собой 20% рынка интернета вещей. Дифференцируя свой бизнес, они активно проникают в смежные сегменты рынка [4], вступая в цепочки правоотношений, складывающихся между субъектами предпринимательской деятельности по поводу разработки, производства, поставки и обслуживания специализированного оборудования, платформ, пользовательских приложений и иных программных решений IoT. Неоспоримыми же рекордсменами на рынке интернета вещей в насто-

ящее время являются производители платформ и программного обеспечения, а также системные интеграторы, суммарная доля рынка которых составляет 80% [3].

Платформа IoT является системообразующим элементом автоматизации производственных процессов. Она представляет собой промежуточное программное решение, задачей которого является соединение конечных устройств через сети передачи данных и приложений конечного пользователя, сочетающих функции анализа данных и управления техническими устройствами. В настоящее время платформа IoT, как правило, реализуется в виде совокупности взаимодействующих между собой облачных сервисов (облако управления), которая обеспечивает непосредственное, без участия человека управление подключаемыми объектами. Игрок IoT-рынка, предоставляющий возможности платформы по хранению и обработке данных, управлению устройствами через специализированные приложения, называется провайдером платформы.

Реализация столь сложных программных решений является катализатором формирования разветвленной системы правоотношений, складывающихся между провайдером и партнерами IoT-платформы, связанных с разработкой, предоставлением прав использования, обслуживанием приложений и платформ интернета вещей. В ее основе лежат договоры на выполнение работ по разработке программного обеспечения (глава 37 ГК РФ, статья 1296 ГК), отчуждения исключительного права (статья 1285 ГК), лицензионный договор (статьи 1235, 1236, 1286 ГК РФ), договор коммерческой концессии (статья 1027 ГК) и т. д.

Следующая группа правоотношений возникает между провайдером и потребителем (пользователем приложений) платформы IoT. Облако управления имеет три имеющих различную степень распространенности модели обслуживания.

Наиболее простой в использовании и распространенной представляется нам модель «программное обеспечение как услуга», которая реализуется путем предоставления потребителю возможности использования программных приложений, работающих в облачной инфраструктуре провайдера платформы.

¹ См.: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 9 июля 2012 г. по делу № А18-1054/2009.

Далее следует модель «платформа как услуга», представляющая пользователю возможность интегрирования в облачную инфраструктуру разработанных самостоятельно или приобретенных у третьего лица совместимых программных приложений. Наименее распространенной в результате сложности использования является универсальная модель «инфраструктура как услуга», предоставляющая возможность потребителю самостоятельно управлять фундаментальными ресурсами IoT-платформы.

Следует отметить, что в современной гражданско-правовой доктрине остается неразрешенным вопрос о юридической природе договоров, заключаемых между провайдером и потребителем (пользователем) платформы IoT на предоставление доступа к облаку управления. В практической деятельности встречаются следующие квалификации: лицензионный договор, договор аренды, договор возмездного оказания услуг и смешанный договор.

Объединение в единую, целостную систему технологических и бизнес-процессов, как правило, требует проведения работ в области системной интеграции технологического оборудования, программных средств и бизнес-процессов. Впервые понятие системной интеграции появилось в России в середине девяностых годов прошлого века. Первоначально оно включало в себя поставку корпоративным клиентам компьютерного оборудования и программного обеспечения, его установку и настройку, а также работы по построению локальных компьютерных сетей. Однако за прошедшие годы содержание понятия несколько изменилось.

В настоящее время под системной интеграцией понимается целая совокупность работ и услуг, нередко представляющая собой целое комплексное решение в области автоматизации предприятия. В нашем случае оно может включать в себя разработку основанной на IoT-технологиях IT-стратегии, ее реализацию путем создания и управления информационной системой предприятия, внедрения необходимых компьютерных систем, разработки и установки необходимого программного обеспечения, а также обучения сотрудников. В центре возникающих здесь

правоотношений находится один из основных игроков рынка IoT-услуг – системный интегратор. Осуществляя свою деятельность, он может вступать практически во всю совокупность рассмотренных выше обязательственных правоотношений с поставщиками, подрядчиками и другими игроками IoT-рынка.

Могут иметь место схемы, когда системный интегратор на основании агентского договора, заключенного с провайдером платформы IoT, вступает от своего имени с потребителем (пользователем приложений) IoT в правоотношения по поводу предоставления доступа к облаку управления, либо представляет возможности дополнительных сервисов.

Конечным продуктом IoT являются пригодные для последующего анализа данные либо услуги по управлению определенным процессом. Игрок IoT-рынка, представляющий услуги конечному пользователю, называется провайдером приложений.

Производство конечного IoT-продукта, как правило, требует согласованного участия целого ряда субъектов предпринимательской деятельности. Анализ научной литературы [10] позволил нам выделить несколько возможных сценариев построения складывающихся между ними правоотношений.

В первой модели потребитель IoT-услуги вступает в правоотношение с продавцом конечного IoT-продукта, которым является субъект предпринимательской деятельности, объединяющий в себе функции провайдера устройств, сетевого провайдера, провайдера платформы, провайдера приложений.

Следующие четыре модели характеризуются множественностью субъектов, с которыми потребитель IoT-услуги вынужден вступать в систему правоотношений, направленных на получение конечного продукта интернета вещей.

В частности, во второй модели потребитель IoT-услуг с целью получения конечного продукта вступает в правоотношения с субъектом предпринимательской деятельности, выполняющим функции провайдера приложений. Одновременно с тем он вынужден вступать в производственные правоотношения с субъектом предпринимательской деятельности, объединяющим в себе функции провай-

дера устройств, сетевого провайдера и провайдера платформы.

Третья модель также требует наличия трех субъектов предпринимательской деятельности. Потребитель IoT-услуг, по поводу представления конечного продукта вступает в систему правоотношений с субъектом предпринимательской деятельности, объединяющим в себе функции провайдера приложений и провайдера услуг. Одновременно с тем система производственных правоотношений возникает между потребителем IoT-продукта и субъектом предпринимательской деятельности, объединяющим в себе функции сетевого провайдера и провайдера платформы.

Системообразующим элементом четвертой модели также являются три субъекта предпринимательской деятельности. Потребитель IoT-продукта вступает в правоотношения с субъектом предпринимательской деятельности выполняющим функции сетевого провайдера. Одновременно с тем участвует в системе правоотношений по предоставлению конечного IoT-продукта с субъектом предпринимательской деятельности, объединяющим в себе функции провайдера платформы, провайдера приложений и провайдера устройств.

Последняя из наиболее распространенных, пятая модель в своей основе имеет четыре субъекта предпринимательской деятельности. Потребитель IoT-продукта вступает в самостоятельные производственные правоотношения сетевым провайдером и

провайдером платформы. Система правоотношений, возникающих по представлению конечного IoT-продукта, возникает с субъектом предпринимательской деятельности, объединяющим функции провайдера устройств и провайдера приложений.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием IoT-инструмента можно выделить систему вертикальных и горизонтальных правоотношений. Положив в основу критерий «целеполагания», горизонтальные правоотношения можно разделить на две группы: производственные правоотношения и правоотношения, складывающиеся по поводу оказания услуг IoT. В свою очередь в производственных правоотношениях можно выделить следующие группы правоотношений:

- правоотношения, возникающие при производстве, поставке и обслуживании сетевых конечных устройств;
- правоотношения, возникающие при получении доступа к сетям связи;
- правоотношения, возникающие при разработке, предоставлении прав использования и обслуживания приложений и платформ интернета вещей;
- правоотношения, возникающие при проведении работ в области системной интеграции технологического оборудования, программных средств и бизнес процессов.

Список литературы

1. Аналитика МТС: Российский рынок M2M/IoT эволюционирует от SIM-карты к технологиям big data. 21 сентября 2016. – URL: <http://www.company.mts>;
2. Индустриальный (промышленный) интернет вещей в мире и перспективы развития в России. – URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/mirovoy-opyt-vnedreniya-proektov-v-sfere-industrialnogo-promyshlennogo-interneta-veschey-i-perspektivy-ih-realizatsii-v-rossii--20160919061924
3. Интернет вещей, IoT, M2M-рынок России. – URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей%2C_IoT%2C_M2M_%28рынок_России%29
4. Коммуникационные технологии для интернета вещей в сельском хозяйстве (Agro IoT) и роль операторов связи. Аналитический отчет. J'son & Partners Consulting. – URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/kommunikatsionnye-tehnologii-dlya-interneta-veschey-v-selskom-hozyaystve-agro-iot-i-rol-operatorov-svyazi--20170705011636
5. Львов Ю. А. Основы экономики и организации бизнеса. – СПб, 1992.
6. Новиков И. Внедрение IoT: популярные бизнес-модели. ITWeek. – URL: <https://www.itweek.ru/iot/article/detail.php?ID=196532>

7. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2010 г. по делу № А06-4414/2009.
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2010 г. по делу № А21-7474/2009.
9. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 15 февраля 2013 г. по делу № А19-15019/2012.
10. Рекомендация МСЭ-Т У.2060 06/2012 Глобальная информационная инфраструктура, аспекты протокола, Интернет и сети последующих поколений. Обзор интернета вещей.
11. Росляков А. В. Роль и место операторов связи на рынке услуг интернета вещей // Вестник связи. – 2015. – № 12.
12. Тухвинский В. О., Минов А. В., Бочечка Г. С. Отраслевые модели применения промышленного интернета вещей // CONNECT. – 2017. – № 3. – С. 96–100.
13. Qualcomm Has the Most Valuable IoT Patent Portfolio // Business Insider. May 25, 2016. – URL: <http://www.businessinsider.com/qualcomm-has-the-most-valuable-iot-patent-portfolio-2016-5>

Вопросы развития и финансирования малых и средних предприятий¹**Д. Сувдаа**кандидат юридических наук, доцент кафедры финансов
Монгольского государственного университета.Адрес: Монгольский государственный университет, Монголия, Улан-Батор,
ул. Сеул, здание Чонон Борт Тов, оф. 307.
E-mail: suvdaa95@yahoo.com**Issues of Development and Financing of Small and Medium-Sized Enterprises****D. Suudaa**PhD in Law, Associate Professor of the Department of the Department
of Finance Mongolian State University.Address: Finance Mongolian State University, Seoul Street, building Chonon Bort Tov, of. 307,
Ulaanbaatar, Mongolia.
E-mail: suvdaa95@yahoo.com**Аннотация**

Трансформация неформального сектора среди зарегистрированных МСП может в значительной степени способствовать экономическому развитию этих стран, поскольку они имеют право на получение банковских кредитов, их занятость и результаты будут регистрироваться в национальной статистике. Для кредиторов необходима надежная правовая и судебная система для обеспечения исполнения контрактов и лишения залога по кредитам. Неэффективные судебные процессы и судебные разбирательства повышают риск для кредиторов и делают процессы выкупа трудоемкими и дорогостоящими. Аналогичным образом, неадекватные права кредиторов могут уменьшить стимулы для заемщиков для выполнения своих финансовых обязательств. В свою очередь эти факторы переходят на более высокую стоимость финансирования для заемщиков. Процедуры банкротства редко используются, и способность судов решать проблемы несостоятельности является еще одним узким местом. Продолжающаяся реформа режима несостоятельности должна быть завершена как можно скорее, приведя закон в соответствие с международными стандартами. Несмотря на их размер и вклад в занятость и ВВП, развитие МСП в большинстве стран является недостаточным. Существует ряд факторов, которые ограничивают развитие МСП, а именно отсутствие долгосрочного финансирования, неспособность получить доступ к банковским кредитам из-за большой доли неформального сектора и низкий человеческий и технический потенциал. Для целей данной статьи финансирование МСП обсуждается более подробно.

Ключевые слова: малые и средние предприятия (МСП), Мировой банк, микропредприятия, Европейский центральный банк, Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР), финансовые механизмы, фонд кредитных гарантий (ФКГ), страхование кредитов и единая система кредитной информации, фонд для развития малого и среднего предприятия (ФРМСП).

Abstract

Transformation of the informal sector among registered SMEs can significantly contribute to the economic development of these countries as they become eligible for bank loans, their employment and outcomes will be recorded in national statistics. A reliable legal system and judiciary are necessary for lenders to enforce contracts and foreclose collateral on loans. Inefficient legal processes and court proceedings increase the risk for lenders and make the foreclosure processes time-consuming and expensive. Similarly, inadequate creditor rights can diminish the incentives for borrowers to meet their financial obligations. In turn, these factors translate into a higher cost of financing for borrowers. Bankruptcy procedures are rarely used and the capacity of courts to handle insolvency issues is another

¹ В статье использованы материалы «Financial Sector Assessment Program. Development Module. Mongolia Access to Finance» («Монголия. Доступ к финансированию»), подготовленные Мировым банком (The World Bank. Financial and Private Sector Development. Vice Presidency. East Asia and Pacific Regional Vice Presidency, размещенные в сети Интернет. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/282261468275063059/text/731000WP0Mong0C0disclosed010050120.txt>

bottleneck. The ongoing reform of the insolvency regime should be completed as soon as possible, bringing the law in line with international standards. Despite their size and contribution to employment and GDP, development of SMEs in most countries is insufficient. There are number of factors that limit the development of SMEs, namely a lack of long-term financing, inability to access to bank loans due to big portion of informal sector, and poor human and technical capacity. For the purpose of this article, SME financing is discussed in more detail.

Keywords: Small and Medium Enterprises (SMEs), the World Bank, microenterprises, the European Central Bank, the Organization for Economic Development and Cooperation (OECD), financial mechanisms, the Credit Guarantee Fund (CGF), credit insurance and a unified credit information system, a fund for the development of small and medium enterprise (FRSM).

Международный опыт развития и финансирования МСП

Определение МСП отличается в разных странах в зависимости от их развития, численности населения и других факторов. Несмотря на отсутствие консенсуса в отношении определения МСП, наиболее распространенная классификация основывается на численности работников. Как правило, регистрацию субъектов хозяйствования с числом работни-

ков менее 250 считают МСП. Для большей ясности следует отметить, что микропредприятия, в которых занято менее 10 человек, отличаются от МСП, поскольку они стали объектами деятельности микрофинансовых учреждений по предоставлению микрокредитов, сбережений и страховых услуг. Согласно определению Мирового банка, микро-, малые и средние предприятия являются следующими (рис. 1):

Размер фирм	Работники	Активы, долларов	Годовой объем продаж, долларов
Микро	< 10	< 100,000	< 100,000
Малые	< 30	< 3 млн	< 3 млн
Средние	< 100	< 15 млн	< 15 млн

Рис. 1. Определение МСП Мирового банка [2]

Исходя из этого определения, почти 95% всех предприятий в мире подпадают под эту категорию. Этот процент выше в странах Европейского союза и развивающихся странах, поскольку на МСП (включая микропредприятия) приходится почти 99% всех зарегистрированных субъектов (Европейский центральный банк, 2012; IFC, 2009). Хотя МСП на протяжении десятилетий игнорировались в основных направлениях экономической политики и схемах развития во многих странах, их значение в области занятости и роль стабилизации экономики после экономических кризисов 1997 и 2008 гг. стали широко признаваться учеными, многосторонними организациями-донорами и директивными органами.

Несмотря на многие преимущества МСП, их вклад в развитие стран можно увидеть на примере занятости МСП и их вклада, который они вносят в ВВП. Создание рабочих мест в секторе МСП составляет от 30 до 65% в зависимости от структуры национальной экономи-

ки, состоящей из формального и неформального секторов. В 30 странах с высоким уровнем дохода Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) МСП обеспечивают почти две трети официальной занятости, в то время как в странах с низким уровнем дохода статистические данные ниже. Из-за доминирующего неформального сектора в странах с низким уровнем дохода официальная занятость, создаваемая МСП, является относительно низкой и составляет в среднем около 30%. На рис. 2 показано создание рабочих мест МСП с использованием медианного вклада в выборку стран с низким, средним и высоким уровнем дохода. Поскольку неформальный сектор в основном состоит из микро- и малых предприятий и частных лиц, очевидно, что вклад МСП в создание рабочих мест в этих странах является значительным, если суммировать занятость как в формальном, так и в неформальном секторах.

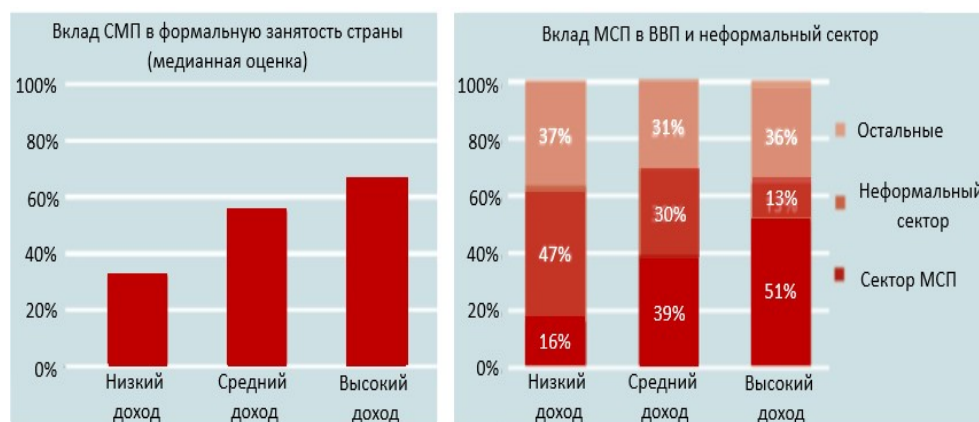

Рис. 2. Вклад МСП в формальную занятость страны и вклад МСП в ВВП [2]

Что касается вклада в ВВП, то сектор МСП генерирует почти половину ВВП в странах с высоким уровнем дохода и в некоторых странах со средним уровнем дохода. Однако МСП создают около 20% ВВП в странах с низким уровнем дохода из-за существования неформального сектора. На рис. 2 показано, что медианный вклад МСП в ВВП в странах с низким, средним и высоким уровнем дохода различен. Эта цифра также показывает обратную корреляцию вклада МСП и неформальных секторов в ВВП. Большая доля вклада МСП в ВВП свидетельствует о более низком уровне неформальных секторов, поскольку в странах с высоким уровнем дохода половина ВВП формируется МСП, и лишь 13% – неформальным сектором. Вместе с тем в странах с низким уровнем дохода половину экономики составляет неформальный сектор, а менее 20% ВВП создается зарегистрированными МСП. Таким образом, преобразование неформального сектора в зарегистрированные МСП может внести значительный вклад в экономическое развитие этих стран, поскольку они получают право на получение банковских кредитов, их занятость и результаты будут регистрироваться в национальной статистике.

Несмотря на их размеры и вклад в занятость и ВВП, развитие МСП в большинстве стран является недостаточным. Существует ряд факторов, ограничивающих развитие МСП, а именно: отсутствие долгосрочного финансирования, невозможность получить

доступ к банковским кредитам из-за значительной доли неформального сектора и низкий уровень занятости и технического потенциала. В зависимости от стадии развития МСП используют различные источники финансирования. Большинство МСП удовлетворяют свои основные потребности в финансировании либо за счет собственных источников финансирования, либо за счет краткосрочных банковских кредитов. В отсутствие долгосрочного финансирования, однако, торговые кредиты и краткосрочные кредиты, предоставляемые банками, могут удовлетворить только потребности в оборотном капитале, но не капиталовложениях, которые им необходимы для роста их бизнеса.

По сравнению с крупными и микропредприятиями, имеющими хороший доступ к банкам, рынкам капитала и поставщикам микрофинансовых займов, МСП не имеют доступа к финансированию [2].

МСП часто слишком велики для микрофинансирования и слишком малы и рискованны для коммерческих банков и финансовых учреждений [10]. Таким образом, МСП часто называют «недостающей серединой» в финансировании, и этот разрыв начал привлекать больше внимания [1; 6; 7; 9].

Существует разрыв между спросом и предложением со стороны финансирования МСП. Основными ограничениями финансирования МСП со стороны предложения являются жесткие условия и правила центральных банков, препятствующие коммерческим бан-

кам предоставлять соответствующие кредиты для МСП и принимать как залог в качестве обеспечения кредитов только основные средства; высокие удельные затраты за небольшие ссуды; отсутствие долгосрочного финансирования и неразвитость рынка капитала [10; 14; 15]. С точки зрения спроса, проблемами являются слабая финансовая отчетность, плохая кредитная история, неспособность удовлетворить требования банка и рынка капиталов, отсутствие правильного бизнес-плана развития, слабого потенциала и непонимание со стороны МСП в управлениях своими денежными потоками, слабое финансовое управление для привлечения долгосрочных ресурсов от денежных потоков и капитальных рынков [5; 7; 11].

Для решения проблем финансирования МСП некоторые страны, в частности развитые, разработали ряд финансовых механизмов, таких как фонд кредитных гарантий (ФКГ), страхование кредитов и единая система кредитной информации. Среди них ФКГ получила широкое распространение во многих странах. Управление малого бизнеса США (SBA), созданное в 1953 г., предлагает широкий спектр услуг: гарантирование кредитов по различным программам, микрокредиты, консультации и обучение. Немецкие институты кредитных гарантий были созданы в 1948–1955 гг. Институциями кредитных гарантий являются банки с точки зрения Закона о кредитных учреждениях (Credit Institutions Act). В порядке исключения они действуют в рамках организационно-правовой формы общества с ограниченной ответственностью (ООО).

Гарантийные банки берут на себя гарантии кредитов для МСП. Вместе с тем они могут осуществлять дополнительную деятельность в поддержку МСП. Гарантийные банки имеют тесные деловые отношения с кредитными организациями. Как правило, банковская гарантия не может превышать 80% предоставляемого кредита. В восточноевропейских странах за последние 10 лет был создан ряд учреждений кредитных гарантий (например, Венгрия, Румыния, Литва и Эстония). Схемы кредитных гарантий в этих странах демонстрируют более активное участие правительств, но включают и частный сектор.

В Японии система кредитных гарантий рассматривается в качестве одного из основных столпов развития МСП. Японская система кредитных гарантий (JCGS) была создана в 1937 г. В его состав входят 52 корпорации кредитных гарантий (CGC), каждая из которых гарантирует банковские кредиты МСП. Публичный статус LGC в его поддержке центральным правительством был подтвержден в 1953 г. законом о корпорации кредитных гарантий. В сделках по гарантированию кредитов в Японии участвуют три стороны: заемщик малого бизнеса, финансовое учреждение и корпорация по гарантированию кредитов, которая финансируется правительством.

К 2005 г. почти половина всех МСП имели гарантированные кредиты. Доля гарантированных кредитов была очень большой: около 40% банковских кредитов, выданных МСП, были покрыты JCGS. Кредитные гарантии являются важным инструментом развития МСП и стартапов (startup) в экономике. Кроме того, во всех случаях она нуждается в деятельности частного сектора и поддержке со стороны правительства. Японская система кредитных гарантий обеспечивает одинаковый коэффициент гарантийного покрытия (80%) для всех банков при кредитовании МСП независимо от кредитоспособности банков. Однако оптимальным вариантом было бы дифференцировать банки на основе их кредитоспособности, а те банки, которые демонстрируют более здоровый статус, получают более высокий гарантийный коэффициент, более рискованные банки, которые накопили несоответствующие кредиты, получают более низкую гарантию, так что это является стимулом для них улучшить свою кредитоспособность. Есино и Тагизаде-Хесары [13] разработали модель расчета оптимального коэффициента кредитной гарантии. Они пришли к выводу, что оптимальное соотношение кредитных гарантий должно применяться к каждому банку или к каждой группе банков на основе их финансовой устойчивости. Финансово устойчивые банки должны получать более высокий гарантийный коэффициент от правительства, а менее финансово устойчивые банки должны получать более низкую гарантию, чтобы избежать проблемы морального риска. Более того, эта ставка должна варьироваться в зависимости от экономиче-

ских условий. Правительствам следует снизить коэффициент гарантирования в хороших экономических условиях, когда снижается риск дефолта кредитов МСП, и повысить его в плохих экономических условиях для защиты финансирования МСП и экономического роста (Институт азиатского банка развития (ИАБР)) [13. – С. 8].

Развитие МСП Монголии

С 1992 г. в Монголии начался переход к рыночной экономике, и за эти три десятиле-

тия вклад частного сектора в национальную экономику достиг 75%. Почти 100% сельского хозяйства, оптовой и розничной торговли, связи, недвижимости, строительства находятся в ведении частного сектора. МСП вносят 25% ВВП и нанимают половину рабочей силы в Монголии. Аналогично мировому определению закон об МСП, принятый в 2007 г., определяет МСП на основе числа их работников и годового дохода от продаж (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Категория МСП*

Категория	Сектор	Количество сотрудников	Выручка от реализации, млрд тугр
Средние	Производство	≤ 199	< 1,5
	Оптовая торговля	≤ 149	< 1,5
	Розничная торговля	≤ 199	< 1,5
	Общественные услуги	≤ 49	< 1,0
Малые	Производство	≤ 19	< 0,250
	Торговля	≤ 9	< 0,250
	Общественные услуги	≤ 9	< 0,250

* Источник: Закон об МСП Монголии (2007).

На 2016 г. зарегистрировано 104,4 тыс. бизнес-единиц, из них 46 тыс. действующие.

В период с 2013 по 2016 г. количество предприятий увеличилось на 8,9% за 3 года, но число экономически активных предприятий сократилось на 16%. Среди всех бизнес-единиц 84% составляют до десяти сотрудников. Что касается географического распределения, то большинство (65%) действующих хозяйствующих субъектов действуют в Улан-Баторе, что свидетельствует о высокой кон-

центрации хозяйствующих субъектов только в одном городе.

По структуре предприятий по отраслям экономики в оптово-розничном секторе насчитывается 21 тыс. (41%) единиц бизнеса, за которыми в 2016 г. следует недвижимость и аренда (13%). По сравнению с 2013 г. сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и охота сократились на 66,7%, обрабатывающий сектор сократился на 12,5% в 2016 г. (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Структура учреждений по подразделениям хозяйственной деятельности [16]

	Секторы	2013				2016			
		Зарегистриро- ванный	%	Действу- ющее	%	Зарегистриро- ванный	%	Действу- ющее	%
1	Оптовой-розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, хозяйственных товаров	43,747	44	20,902	38	47,853	46	9,115	41
2	Оптовой-розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, хозяйственных товаров	5,828	6	3,769	7	9,419	9	4,247	9
3	Недвижимость, аренда и другие виды деятельности	9,908	10	6,228	11	12,867	12	6,065	13
4	Промышленное производство	8,253	8	4,295	8	6,970	7	3,124	7
5	Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство, охота	5,328	5	3,148	6	2,580	3	827	2
6	Строительство	6,545	7	3,560	7	9,844	10	5,095	11
7	Количество общего учреждения:	99,603	100	54,922	100	104,477	100	46,153	100
7.1	Который, %				55				44

МСП вместе с микропредприятиями составляют 97% от общего числа хозяйствующих субъектов, и они генерируют 36,3% выручки от продаж и 22,2% экспорта с более чем 50% общей занятости. Хотя на долю МСП приходится четверть ВВП и половина от общего числа работников в Монголии, они не имеют благоприятных условий финансирования, которые позволили бы им расширять свою деятельность и способствовать дальнейшему росту. Кредитование МСП характеризуется относительно высокими процентными ставками, короткими сроками погашения,

относительно небольшими размерами кредитов и преимущественно неизменными требованиями к кредитованию под залог. Что касается предложения, то банки ограничены структурой депозитов с коротким сроком погашения и нехваткой других источников финансирования с более длительным сроком погашения.

Финансирование МСП в Монголии

МСП нуждаются в финансировании на каждом этапе своего развития от начального до развивающегося этапа и в конечном счете, когда они становятся открытыми. При-

зная роль МСП в экономике, правительства как развитых, так и развивающихся стран могут создавать различные программы и учреждения финансирования или содействовать их осуществлению, с тем чтобы предоставить МСП легкий доступ к финансированию на каждом этапе их развития. Согласно исследованиям банка Монголии по МСП, отсутствие финансирования считается самым трудным препятствием для развития МСП. Более половины МСП полагаются на внутреннее финансирование, и около 25% финансовых источников приходится на банковские кредиты [4].

В условиях высокой зависимости от внутреннего финансирования МСП не в состоянии удовлетворить свои потребности в расширении своего бизнеса. Эта ситуация аналогична ситуации в странах с низким уровнем дохода и хуже, чем в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Доля банковского кредитования составляет 19,6%, что соответствует среднему региону Восточной Азии и Тихого океана и выше, чем в странах с низким уровнем доходов. Как торговый кредит, так и акционерное финансирование практически отсутствуют в Монголии. Кроме того, другие формы финансирования не существовали в Монголии, в то время как на их долю приходится 19% в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона и 5% в странах с низким уровнем дохода [3]. Такая ситуация свидетельствует о том, что монгольскому финансовому сектору необходимо диверсифицировать источники финансирования МСП, предлагая инновационные инструменты финансирования и развивая рынок капитала для обеспечения долгосрочного финансирования.

Банковское кредитование является ключевым источником финансирования после внутреннего финансирования МСП. Среди 13 коммерческих банков «ХААН» и «ХАС» являются ключевыми поставщиками кредитов МСП, поскольку 46% кредитного портфеля выделяется МСП. Банки «Голомт» и «Капитал» недавно открыли свои сельские филиалы, чтобы ориентироваться на рынок МСП. Почти половина общего объема кредитования (53,8%) выделяется частному сектору, из которых 7,3% – со сроком погашения от менее одного года до одного года. 29% кредитов имели срок погашения 1–5 лет, а 4,2% – бо-

лее 5 лет. Из-за короткого срока погашения депозитов и отсутствия стартового фонда банки имеют плохие возможности для предоставления долгосрочных кредитов. Несмотря на то, что кредиты со сроком погашения 1–5 лет составляют наибольшую часть, большинство из них имеют срок погашения до 2 лет и предназначены только для финансирования оборотного капитала. Этот срок погашения является недостаточным для удовлетворения потребностей МСП в капитальных инвестициях. В зависимости от банков 30–40% непогашенных кредитов имеют срок погашения менее одного года, а 30–50% непогашенных кредитов – 1–3 года.

Банки в основном полагаются на депозиты (составляют 80% долга без учета собственного капитала), и большинство из них имеют короткие сроки погашения (более 50% – депозиты до востребования). Финансирование долгосрочных кредитов краткосрочными депозитами создает пробелы, и это действие ограничено в соответствии с основными требованиями Центрального банка. Таким образом, депозиты используются только для финансирования краткосрочных кредитов. В связи с дефицитом внутренних источников и ограниченностью возможностей привлечения долгосрочного финансирования на международном рынке банки ищут возможности у международных финансовых институтов, донорского капитала и в последнее время специальных проектов, финансируемых из государственного бюджета. Географически 76,2% кредитов выданы в Улан-Баторе, 14,1% – в секторе недвижимости, 13,8% – в торговле, 10,2% – в обрабатывающей промышленности, 9,3% – в строительстве и 7,6% – в горнодобывающей промышленности [4].

В 2016 г. объем выданных кредитов МСП достиг 2,5 трлн чого. Это составляет 18,3% от общего объема кредитов. Исследование Центрального банка Монголии по МСП показывает, что 81% от общего объема кредита были от банков, 6% – концессионный кредит, 4% от друзей, 7% от небанковских финансовых организации и 3% от поставщиков. 64% кредита были использованы на пополнение оборотных средств, 8,7% – на расширение бизнеса, 11,5% – на оборудование, 8,4% кредита были потрачены на расширение здания или покупку нового здания. Исследования МСП показали,

что высокие процентные ставки, короткие сроки погашения, недооцененное обеспечение являются основными препятствиями для развития МСП. Льготные кредиты правительства и международных организаций ограничены и труднодоступны. Это свидетельствует о том, что пакета банковских коммерческих кредитов достаточно, а других льготных кредитов недостаточно. Банки не могут удовлетворить все потребности МСП в капитале, поскольку капитала банков недостаточно, и в то же время МСП не имеют достаточного обеспечения, практикуют плохое управление

и учет. Особенно это касается местных небольших фирм.

Кроме того, правительство Монголии является одним из крупных инвесторов для МСП. По табл. 3 видно, что правительство Монголии выделило за последние 4 года в среднем 50—80 млрд тугров. В соответствии с политикой развития МСП, Фонд для развития малого и среднего бизнеса предоставил кредит для поддержки со сроком до 5 лет, процентная ставка составляет 9% в год, льготный период составляет 2 года, сумма кредита составляет до 2 млрд.

Таблица 3

Сумма кредита, выданная из Фонда развития малого и среднего бизнеса [4]

Сумма кредита для МСП из ФРМСП			
2006	1 млрд тугров	2011	276 млрд тугров
2007	1 млрд тугров	2012	50 млрд тугров
2008	1 млрд тугров	2013	60 млрд тугров
2009	30 млрд тугров	2014	80 млрд тугров
2010	30 млрд тугров	2015	70 млрд тугров

В Монголии был учрежден фонд для развития малого и среднего предприятия (ФРМСП) для поддержки финансирования МСП. Его роль включает предоставление долгосрочных льготных кредитов для деятельности МСП, оказание помощи МСП в получении доступа к производственному оборудованию посредством финансового лизинга, содействие деятельности субсидируемых МСП, организации семинаров и профессиональной подготовки и предоставление двойных гарантий кредитования. Однако после каждых выборов новое правительство меняет статус, местонахождение и обязанности ФРМСП, что приводит к нестабильности его функций и структуры. До 2012 г. ФРМСП был в составе Министерства сельского хозяйства и легкой промышленности, а с 2014 г. – в составе Министерства промышленности. Сегодня она работает в составе Министерства продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности.

**Цель развития монгольских МСП:
диверсификация и развитие экономики
путем расширения доступа МСП
к финансированию**

Для создания более благоприятных условий для предпринимательской деятельности МСП странам следует сосредоточить внима-

ние главным образом на расширении доступа к финансированию за счет повышения роли банковской системы. Система, предлагающая лучшие условия кредитования и гарантии, поможет укрепить доверие между заинтересованными сторонами: МСП, финансовыми учреждениями, частными лицами и государственными учреждениями, такими как монгольский Фонд кредитных гарантий и Фонд развития МСП. Облегчение кредитования позволит МСП осуществлять инвестиции и расширять свою деятельность как на внутреннем, так и на внешнем рынках, что положительно скажется на росте и занятости.

Последнее исследование бизнес-среды и эффективности деятельности предприятий (ИБСЭДП) показало, что 56% монгольских МСП не обращаются за кредитами, поскольку они не соответствуют условиям кредитования (Европейский банк развития и реконструкций (ЕБРР) и Мировой банк). МСП сталкиваются с широким спектром трудностей при доступе к финансированию, включая высокие процентные ставки (23%), требования к обеспечению (13%), размер и срок погашения кредитов (8%) и сложные процедуры применения (7%).

Большинство финансовых отчетностей МСП не отвечают потребностям для получе-

ния кредита, предлагаемый банками и небанковскими финансовыми организациями, не отвечают их потребностям с точки зрения процентных ставок и продолжительности. Процентные ставки считаются слишком высокими (в среднем 19,6% в 2016 г.), их сроки погашения слишком коротки (в среднем менее года), и, хотя кредиты достаточно велики, чтобы обеспечить оборотный капитал, их обычно недостаточно для финансирования инвестиций. Опрос по обследованию деловой среды и эффективности предприятий подтверждает, что доля МСП, которые не могут получить кредиты, является самой высокой в регионах¹.

Несомненно, макроэкономические условия влияют на высокие ставки и прибыльность кредиторов. При базовой ставке, установленной Банком Монголии в размере 12% (вновь увеличенной до 15% в августе 2016 г.), процентная ставка по банковским кредитам в Монголии составила 6,6% в 2015 г. Это соответствует показателю России (6,5%), но ниже среднего по странам с низким и средним уровнем дохода (6,9%). Кроме того, банки финансируют себя краткосрочными, волатильными и дорогостоящими депозитами (в среднем около 12% в 2015 г.). Таким образом, их управление ликвидностью является сложной задачей и объясняет их ограниченные возможности для предоставления МСП долгосрочных кредитов, необходимых для инвестирования и расширения.

В 99,7% случаев в Монголии банки требуют залог для гарантии займа. Это самый высокий процент в Центральной Азии и намного выше медианы стран ОЭСР (где только 40% кредитов МСП банков требуют залога). Кроме того, Монголия имеет самую высокую медианную залоговую стоимость, требуемую в регионе, на уровне 200% от стоимости кредита. В странах – членах ОЭСР медианное значение составляет 148%.

Монгольский Фонд кредитных гарантий (МФКГ) был создан в 2013 г. Это основной институт, отвечающий за предоставление гарантий МСП в Монголии. С 2013 по 2015 г. он выдал гарантии на сумму 31,2 млрд тугров (16 млн долларов США), разблокировав в общей сложности 76,2 млрд тугров. Однако ограниченность ресурсов и ненадежность опера-

ций ограничили его возможности по поддержке кредитного рынка, а операции прекратились с середины 2015 г. из-за ограниченности имеющихся гарантийных фондов и уменьшения количества заявок, направляемых банками. Банки потеряли доверие, так как некоторые гарантии не были повторно оплачены МФКГ; они подчеркнули, что в 2016 г. МФКГ не выплачивал никаких гарантий.

Улучшение правовой среды

В последние несколько лет правительство прилагает особые усилия для принятия основополагающих законов в поддержку развития МСП. Однако применение этих законов не всегда было удовлетворительным. Четкие правила и механизмы осуществления либо отсутствуют, либо плохо определены. Для решения проблем, связанных с правоприменением, рекомендуется провести обзор ключевых законодательных актов.

Необходимо упорядочить налоговый режим для МСП, с тем чтобы уменьшить налоговое бремя для МСП. Хотя с 2009 г. правительство предоставляет МСП щедрые налоговые льготы, необходимо пересмотреть некоторые налоговые законодательства. Например, необходимо увеличить нынешний порог НДС (10 млн тугров). В настоящее время средняя стоимость продаж МСП значительно превышает 10 млн тугров. Согласно закону, налогоплательщики НДС обязаны ежемесячно отчитываться о своей декларации по НДС. Это создает чрезмерное бремя для МСП, особенно для тех МСП, которые не имеют квалифицированного персонала.

Наращивание потенциала МСП

Сообщается, что МСП не обладают необходимыми навыками и потенциалом для подготовки бизнес-планов с анализом их рынков, финансовой и технической осуществимости и оценкой рисков. В некоторых случаях доступ к необходимой информации и данным ограничивает возможности МСП по разработке соответствующего бизнес-предложения. Подготовка кадров или оказание помощи МСП в области финансового учета и ведения отчетности компаний также поможет МСП лучше представить себя банкам в качестве надежных заемщиков.

Хотя существует много учебных программ для МСП, предлагаемых различными учреждениями, качество, содержание и практиче-

¹ См.: URL: <http://ebrd-beeps.com/countries/mongolia/>

ская применимость учебных программ сомнительны. Рекомендуется организовывать семинары и тренинги совместно с международными организациями, имеющими большой опыт работы в данной сфере, в том числе по проектному финансированию. Предлагаемый МСП банк может также проводить обучение и исследование МСП.

Создание кредитного рейтинга МСП

Создание кредитного рейтинга МСП имеет решающее значение для финансирования МСП. Он будет экономить время для SME в получении кредита. Это позволит исключить дорогостоящий административный процесс. Основной целью развития КР является создание инфраструктуры для улучшения кредитного рейтинга МСП, который может стать среднесрочной целью для азиатских стран для решения информационной проблемы МСП. [13. – С. 14, 15].

Для МСП в финансово здоровой группе банки могут кредитовать им больше денег, взимая низкие процентные ставки без необходимого обеспечения, в то время как корпорации кредитных гарантий могут взимать с них более низкие премии при гарантировании выделенного кредита. С другой стороны, для МСП, входящих в группу высокого риска, банки могут взимать более высокие процентные ставки с более высокими требованиями к обеспечению. Если деятельность МСП улучшается и они переходят в группу более низкого риска, банки могут соответственно изменить свои процентные ставки с высоких на низкие.

Заключение

Бурное развитие горнодобывающей промышленности приносит как выгоды, так и проблемы монгольской экономике. Хотя в стране наблюдается быстрый экономический рост, обусловленный главным образом горнодобывающим сектором, растет спрос на развитие инфраструктуры, диверсификацию экономики, особенно на экономическую деятельность с добавленной стоимостью, в целях предотвращения так называемой голландской болезни и устойчивого развития.

МСП, на которые приходится 97% от общего числа предприятий, вносят 25% ВВП и нанимают половину рабочей силы в Монголии. Несмотря на свой вклад в экономику, развитие сектора МСП все еще находится в зачаточном состоянии. В обрабатывающем секторе на-

блюдается тенденция к увеличению числа МСП, что свидетельствует о переходе к производству продукции с более высокой добавленной стоимостью. Вместе с тем в МСП по-прежнему отсутствуют высококвалифицированные специалисты, обладающие управленческими навыками и финансовой грамотностью.

Хотя финансовое посредничество в Монголии быстро растет, доступ к финансированию остается главным препятствием для предприятий, особенно для МСП. У них нет благоприятных финансовых условий, которые позволили бы им расширять свою деятельность и способствовать дальнейшему росту.

Что касается предложения, то банки, правительство и международные организации являются ключевыми поставщиками кредитов МСП. Кредиты МСП характеризуются относительно высокими процентными ставками, короткими сроками погашения, небольшими размерами кредитов и преимущественно неизменяемыми требованиями к кредитованию под залог. Хотя банки предоставляют большую часть финансирования МСП, они не имеют достаточного долгосрочного финансирования для удовлетворения растущих потребностей МСП. Банки ограничены краткосрочной структурой депозитов, высокой инфляцией и депозитными ставками, а также нехваткой других источников финансирования с более длительным сроком погашения.

Банковское кредитование в сельских районах весьма ограничено, этому свидетельствует то, что 80% от общей задолженности по кредиту предоставлено в Улан-Баторе. Банковское кредитование в сельских районах ограничено по ряду причин, включая: (а) низкую плотность населения, что делает невыгодным обслуживание изолированных районов с использованием традиционных банковских методов; (б) рискованность сельскохозяйственных кредитов; (в) отсутствие финансовой информации о микропредприятиях/скотоводах; (г) отсутствие залога недвижимости в сельских районах.

Признавая важность сектора МСП, правительство приняло целый ряд мер по поддержке МСП. Эти меры варьируются от (а) реформирования существующей нормативно-правовой базы, (б) создания учреждений, предоставляющих финансирование МСП, таких как фонд МСП и фонды развития сомонов

(первичная административная единица), и (в) поддержки через отраслевые целевые программы (сектор шерсти и кашемира), финансируемые из средств государственных облигаций.

Однако финансирование МСП правительством является неустойчивым, поскольку оно зависит только от бюджетных поступлений, которые в значительной степени зависят от колебаний мировых цен на сырьевые товары. В период с 2013 по 2016 год правительство выделило фонду 210 млрд тугров. Что касается фондов развития сомона (первичная административная ед), то 24 млрд. тугров было распределено управляющими сомона, но не через коммерческие банки. Правительство планирует создать фонд национального благосостояния (ФНБ), получаемый от будущих доходов от крупных горнодобывающих проектов, а именно от добычи меди в Оюу Толгой и угля в Таван Толгой. Однако возможность внезапного колебания рынка полезных ископаемых ставит ФНБ под угрозу, так как доходы от добычи очень волатильны и непредсказуемы. Кроме того, неясно, как эффективно управлять доходами от добычи, чтобы избежать голландской болезни. Короче говоря, механизм государственного финансирования неэффективен, а ресурсы фонда неустойчивы.

Международные организации, такие как Мировой банк, АБР (азиатский банк развития), GIZ и Японское агентство международного сотрудничества (JICA), имеют некоторые проекты по содействию развитию частного сектора. По сравнению с другими проектами, проект JICA в области TSL в большей степени ориентирован на МСП и охватывает более 400 МСП с 2007 года. Этап II ТСП готов к реализации.

Возможности привлечения финансирования с рынка капитала и использования финансовых ресурсов, таких как лизинг и факторинг, в Монголии практически отсутствуют. НБФИ (Небанковские финансовые институты) играют минимальную роль в финансировании МСП и все еще находятся на ранних стадиях развития. Сумма кредита, предоставляемого этими учреждениями, невелика и имеет краткосрочный срок погашения и высокую процентную ставку.

Монголии необходимо разработать регулярную долгосрочную стратегию развития МСП. К их числу относятся совершенствование

базы фактических данных; расширение доступа МСП к банковскому финансированию; поощрение финансовой интеграции; повышение прозрачности рынков финансирования МСП; включение принципов распределения рисков в Поддерживаемые государством инструменты финансирования МСП; и наилучший способ мониторинга государственных программ.

В частности, в целях расширения возможностей МСП по получению займов для своих оборотных средств и инвестиционных проектов правительству Монголии рекомендуется разработать и осуществить последовательный план, направленный на рационализацию предложения займов и повышение их доступности. В то же время правительство также призвано сыграть основополагающую роль в обеспечении предпринимателей и МСП более прочной основой для финансового планирования, с тем чтобы кредиты могли быть погашены благодаря эффективному финансовому управлению компаний. Условия кредитования и доступности (особенно в сельских районах) должны решаться на основе всеобъемлющей национальной стратегии, которая должна быть включена в следующую национальную стратегию в области МСП.

Со стороны спроса спрос МСП на финансирование постоянно растет. Существует множество ограничений, ограничивающих получение финансирования МСП. МСП часто не могут выполнить требования банковского кредитования из-за отсутствия залоговых активов, слабых управленческих навыков и плохой финансовой отчетности.

Неблагоприятные условия банковского кредитования мешают МСП обращаться к банкам за финансированием. Размер кредита считается недостаточным для нужд роста МСП, краткосрочные кредиты заставляют МСП использовать средства только для финансирования оборотного капитала, а не для долгосрочных капиталовложений. Высокая процентная ставка приводит МСП к падению бремени процентных ставок. Текущие залоговые требования банков слишком жестки, так как только недвижимые активы квалифицированы для обеспечения. Не многие МСП владеют недвижимым имуществом, и если они им владеют, то стоимость активов зачастую ниже их реальной рыночной стоимости.

Наличие институциональных и правовых препятствий затрудняет финансирование МСП. В настоящее время четверть из 30 государственных специальных фондов направлена на поддержку деятельности МСП. Однако операции этих фондов недостаточно скоординированы. Кроме того, правительство выпустило облигации для поддержки конкретных отраслей. Разрозненное выделение средств на поддержку МСБ, слабая внутренняя координация государственных программ, отсутствие профессиональных навыков у государственных чиновников по управлению средствами, отбору потенциально жизнеспособных проектов и мониторингу результатов приводит к неэффективному распределению и использованию государственных средств.

Принятие парламентом в 2007 г. закона об МСП стало замечательным шагом в направлении развития МСП. Впервые закон содержит определение МСП и обеспечивает четкие рамки для государственной политики и стратегий, а также рамки для деятельности правительства по поощрению МСП. Тем не менее в законодательной базе имеются существенные недостатки. Определение МСП должно быть пересмотрено путем повышения порога выручки от реализации для МСП. Определение также должно быть оптимизировано среди финансовых учреждений, поскольку ряд банков используют собственные определения при предоставлении кредитов МСП. Дублирующие друг друга и противоречащие друг другу правовые положения препятствуют осуществлению закона об МСП. Что касается финансирования МСП, то не ясно, как закон об МСП соотносится с действующим законом о фонде кредитных гарантий. Правоприменение законов является слабым, поскольку нормативные положения и механизмы осуществления являются неразвитыми.

Кредиторам необходима надежная правовая и судебная система для обеспечения ис-

полнения контрактов и взыскания залогового обеспечения по кредитам. Неэффективные юридические процессы и судебные разбирательства увеличивают риск для кредиторов и делают процессы обращения взыскания трудоемкими и дорогостоящими. Аналогичным образом неадекватные права кредиторов могут ослабить стимулы, побуждающие заемщиков выполнять свои финансовые обязательства. В свою очередь эти факторы приводят к удорожанию финансирования заемщиков. Процедуры банкротства используются редко, и еще одним узким местом является способность судов решать вопросы несостоятельности. Следует как можно скорее завершить проводимую реформу режима несостоятельности, приведя законодательство в соответствие с международными стандартами.

В целом некоторые конкретные рекомендации являются следующими:

- разработать условия для лучшего и менее затратного предложения кредитов МСП путем диверсификации продуктов, предлагаемых Фондом развития МСП (SMEDF);
- преодоление проблемы обеспечения путем совершенствования методов оценки рисков монгольского Фонда кредитных гарантий и укрепления доверия банков;
- упрощение для МСП процедуры запроса займов путем оптимизации административных процессов банков и СМЭДФ с помощью единого окна, подкрепленного поддержкой и обучением, а также расширения сотрудничества между СМЭДФ и банками-партнерами;
- повышение финансовой грамотности путем координации между государственным и частным секторами, включая деятельность для МСП в рамках национальной стратегии финансового образования, и создание специальных инструментов для удовлетворения потребностей МСП.

Список литературы

1. Angelkort A., Stuwe A. Basel III and SME Financing: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011.
2. Ayyagari M., Beck T., Demirgüç-Kunt A. Small and Medium Enterprises across the Globe: A New Database: The World Bank, 2003.
3. Bank of Mongolia. Development and Financing of Small and Medium Enterprises. – Ulaanbaatar, 2012.
4. Bank of Mongolia. Small and Medium Sized Enterprises Development and Financing Issues. – Ulaanbaatar, 2016.
5. Beck T., Demirgüç-Kunt A. Small and Medium-Sized Enterprises: Access to Finance as a Growth Constraint // Journal of Banking and Finance. – 2006. – N 30. – P. 2931–2943.
6. Dalberg Global Development Advisors. The Growing Role of the Development Finance Institutions in International Development Policy. – Copenhagen, 2011.
7. European Central Bank. Survey on the Access to Finance of Small and Medium-Sized Enterprises in the Euro Area. – European Central Bank, 2012.
8. Financial Regulatory Commission. Annual Report. – Ulaanbaatar, 2016.
9. Hassan M. T. SME Lending: A Long Term Commitment towards the Development of Industry. International Journal of Learning & Development. – 2012. – N 2 (2). – P. 71–82.
10. IFC. The SME Banking Knowledge Guide. – Washington, D.C., 2009.
11. Kyaw A. Financing Small and Medium Enterprises in Myanmar. Institute of Developing Economies, 2008.
12. Loan Guarantee Fund of Mongolia (2015) Annual Report Ulaanbaatar Mongolia
13. Yoshino N., Taghizadeh-Hesary F. Solutions for Small and Medium-Sized Enterprises' Difficulties in Accessing Finance: Asian Experiences ADBI, 2017.
14. OECD. Promoting Pro-poor Growth Private Sector Development, 2006.
15. Rabbani K. A. (2011). Constraints of Long Term Financing for SME Sector in Pakistan, 2011.
16. Statistical Yearbooks of Mongolia, 2008–2013.
17. Tsukahara. O. Recent Development in SME Finance in Japan. – Tokyo, 2005.

**Обычное право как регулятор семейно-брачных отношений
татар-мишарей Республики Мордовии**

Л. Н. Щанкина

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: schanckina@yandex.ru

**Customary Law as a Regulator of Marital Relations
of Tatars-Mishars of the Republic of Mordovia**

L. N. Shchankina

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: schanckina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению обычного права как регулятора семейно-брачных отношений татар-мишарей, проживающих на территории Республики Мордовии. В ней на основе действовавших у татар-мишарей норм обычного права рассматриваются особенности семейных отношений, а именно: условия вступления в брак и разнообразные способы его заключения, обычно-правовое положение членов семейного коллектива, их правовой статус, особенности обеспечения порядка в семье; исследуются некоторые аспекты личных и имущественных взаимоотношений супругов; выявляются особенности отношений между родителями и детьми, семейные разделы у татар-мишарей. Рассмотрение данного вопроса определено автором хронологически и охватывает вторую половину XIX – первую половину XX вв. т. е. с момента начала изучения юридических обычаев народов, проживающих на территории России и их систематического научного обобщения. Хотя большинство жителей страны издавна применяли в своем быту обычаи, в том числе юридические, но это часто игнорировали официальные круги, которые как бы не замечали и не признавали их источником права.

Ключевые слова: татары-мишари, обычай, право, община, имущество, брачно-семейные отношения, условия вступления в брак, брачный возраст, способы заключения брака.

Abstract

The article is devoted to the study of customary law as a regulator of marital relations of Tatars-Mishars living in the territory of the Republic of Mordovia. It examines the peculiarities of family relations on the basis of the rules of customary law of the Mishars, namely: conditions of marriage and various ways of its conclusion, the customary legal status of family members, their legal status, peculiarities of order in the family, explores some aspects of personal and property relations of spouses, reveals the peculiarities of relations between parents and children, family sections of Tatars-Mishars. Consideration of this issue is determined by the author chronologically and covers the second half of XIX – first half XX centuries, i.e., since the beginning of the study of the legal customs of the peoples living on the territory of Russia and their systematic scientific generalization. Although the majority of the inhabitants of the country have long used customs in their everyday life, including legal ones, but it was often ignored by the official circles, which, as it were, did not notice and did not recognize them as a source of law.

Keywords: Tatars-Mishars, custom, law, community, property, marital and family relations, conditions of marriage, age of marriage, ways of marriage.

Изучение вопросов общины и обычного права, системы этнического правосудия татар-мишарей и других народов началось с

основанием Русского географического общества в 1845 г. С этого момента различные отделы РГО, краеведы, земства, специаль-

ные научные общества стали изучать культуру и быт многих народов, проживавших на территории России (П. И. Мельников, В. Н. Майнов, А. А. Шахматов, С. К. Кузнецов). Большая роль в изучении истории, этнографии, юриспруденции и других наук этносов Поволжья принадлежит созданному при Казанском университете в 1878 г. Обществу археологии, истории и этнографии (ОАИЭ).

Наиболее значительным и обстоятельным исследованием по обычному праву считается «Очерк юридического быта мордвы» В. Н. Майнова [3]. В монографии автором затронуты такие проблемы обычного права, как: семейное, наследственное, имущественное право, а также родственные союзы мордвы, семейные разделы, вопросы, связанные с опекой и попечительством и другие аспекты этнического правосудия.

Несколько работ по данной тематике изданы в 1880–1890-х гг. XIX в. Н. Н. Харузиным [12; 13; 14]. В своих трудах «Очерки первобытного права, семья и род», «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», «Юридические обычаи якутов» автор достаточно обстоятельно описывает юридический быт чеченцев, ингушей, якутов, а также большое внимание уделяет проблемам общины.

Этноправоведческий интерес представляет исследование А. А. Риттиха «Крестьянский правопорядок» [7], в котором содержатся материалы 49 российских губерний, собранные местными комитетами, касающиеся вопросов обычного права и устройства общины. В данной работе, проанализировав представленные сведения, А. А. Риттих сделал вывод о том, что «обычное право не всегда соответствует официальному законодательству».

Крупный вклад в изучение традиционной культуры татар-мишарей, а также традиций этнического правосудия был внесен Р. Г. Мухамедовой, впервые издавшей монографическую работу «Татары-мишари» [5]. В своем исследовании автор рассматривала особенности общественного и семейного быта татар-мишарей, обычно-правовое положение членов татарского коллектива, особенности обеспечения порядка в семье, вопросы, связанные с наследственным правом, разделом семейного имущества и др.

В советской историографии проблемы общины и обычного права народов Мордовии

долгое время исследовались слабо. Лишь в 1990–2000 гг. отмечается новый всплеск интереса к данной проблематике. В эти годы община, семья и брачно-семейные отношения, этноправосудие стали темой кандидатских и докторских диссертаций. В качестве примера можно назвать таких авторов, как В. П. Тумайкин «Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период» [11]; С. Д. Николаев «Мордовская крестьянская семья в первой половине XIX века» [6]; Т. В. Еферица «Крестьянская община на территории Мордовии (60-е г. XIX – 30-е г. XX в.)» [2]; В. Н. Семина «Семья татар-мишарей в Мордовии в первой половине XIX века» [8]; Ю. Н. Сушкова (Мокшина) «Брачно-семейные отношения в обычном праве конца XIX – начала XX в.», «Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в.» [4; 10]; Л. Н. Щанкина «Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовии в системе их жизнеобеспечения» [15]; О. В. Спицина «Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект» [9], и ряд других исследователей.

В настоящее время, несмотря на то, что историками, в том числе и правоведами, опубликовано множество работ по обычному праву этносов, населяющих территорию Мордовии, имеется существенный пробел в изучении обычаев и обычного права татарского народа, населяющего Республику Мордовию.

На протяжении многих веков институтом, регламентировавшим жизнедеятельность татарского народа Мордовии в соответствии с нормами обычного права, являлась сельская община. Ее основу составляла сначала большая, а затем малая семья, которая, как правило, состояла из супружеской пары с детьми или без них. В осуществлении своей хозяйственно-бытовой деятельности, семейном укладе татарский народ многочисленными нитями был связан с общиной и обычным правом. Кроме обычно-правовых норм община при выполнении своих функций опиралась также и на нормативные акты, исходящие от вышестоящих органов. В повседневной жизни изучаемый народ в большинстве ситуаций чаще всего действовал, основываясь на традициях и обычаях, характерных для изучаемой территории. Взаимодействуя с общиной, семья в течение многих столетий осуществ-

ляла передачу правовых традиций, обычаев от поколения к поколению.

На семейно-брачные отношения община влияла существенным образом, используя для этого различные способы воздействия: прямые и косвенные. Прямой контроль реализовывался сельской администрацией, соседями, родственниками и т. д.; косвенный – через обычно-правовые нормы, выработанные в общине и руководившие поступками общинников [1. – С. 246].

Следует отметить, что община немалое внимание уделяла нравственному воспитанию детей. В мировоззрении татар-мишарей родителям отводилась основополагающая роль. Уважение, почитание отца и матери – это базовые категории в культуре нравственных ценностей, норм, а также нравственного воспитания. За непочтительное отношение к старшим в соответствии с действовавшими нормами обычного права сход мог наказать виновных, поэтому в обязанности детей входило полное повиновение своим родителям. По свидетельству В. Н. Майнова, «дети обязаны были поить их и кормить, когда они окажутся в невозможности добывать себе насущный хлеб своими собственными трудами» [3. – С. 135]. Особенно открыто осуждались обществом такие дети, которые отказали в помощи своим пожилым родителям.

У татар-мишарей существовало несколько способов заключения брачных отношений: путем сватовства (баш кодалап) или сделки (купля-продажа); путем похищения девушки (кыз урлау); путем добровольного ухода к жениху без согласия родителей (ире артыннан чыгу). К похищению прибегали в том случае, когда не было со стороны родителей девушки согласия на брак. Обычно родители похищенной девушки в суд не обращались и на похитителей не жаловались, так как она считалась опозоренной и тогда бы это стало известно большому числу людей. Сама явка девушки в суд считалась большим позором. Умыкание девушки посредством семьи жениха было зафиксировано и у мордовского населения, проживающего на территории Мордовии.

Наиболее распространенным способом заключения брака у татар-мишарей была сделка (купля-продажа). Она происходила по предварительному согласию родителей,

так как именно они играли значительную роль в создании будущей семьи своих детей. У многих народов, в том числе и у татар-мишарей, без родительского согласия или их благословения вступление в брак считалось недопустимым. Считалось, что только родители могли определить, насколько дети готовы вступить в брак, а также выбрать подходящую кандидатуру для своего сына или дочери. При этом исходили из того, насколько этот брак отвечал интересам семьи. В брачных вопросах придерживались очередности по старшинству. Калым выделяли из общего имущества семьи [5. – С. 144]. Жених мог вступить в свои супружеские права только после того, как полностью выплатит калым родителям невесты.

Специально в честь выплаты калыма мишари устраивали праздник – яраш, а после него в честь бракосочетания – никах туй. В качестве калыма использовали деньги, постельные принадлежности, одежду и обувь для будущей супруги, а также продукты питания (мясо, муку, мед и т. д.). Эта традиция фиксируется с конца XIX в. Объем выкупа зависел от многих обстоятельств. Основными факторами являлись: социально-экономическое положение обеих сторон, достоинства невесты, причем за разведенную женщину или вдову, как правило, давали небольшой выкуп. Об этом говорит поговорка татар-мишарей, проживающих в Темниковском районе Мордовии: «Кызнын хагы утыз, кире кайтыптугыз» (цена девушки тридцать, а разведенной девять) [3. – С. 157–158].

Средним брачным возрастом для девушек в татарских селах Мордовии считали 16–18 лет. Были случаи, когда девушек выдавали замуж и в более раннем возрасте, но это скорее всего являлось исключением. По мнению татарского народа, девушка старше двадцати лет считалась засидевшей (карт кыз). Для брачного возраста юношей строгих ограничений не существовало. Но в связи с тем, что бедные семьи были заинтересованы в приобретении лишних рабочих рук в лице снохи, то их также пытались женить к двадцати годам. В зажиточных семьях иногда прибегали к обычаю женитьбы малолетнего сына (13–14 лет) на взрослой девушке (18–20 лет) из бедной семьи, так как они также были заинтересованы в дополнительной рабочей

силе. Примером может послужить такой брак, зарегистрированный в начале XX в. в с. Горенка Zubovo-Полянского района, когда 20-летнюю девушку выдали замуж за 13-летнего парня.

Женитьба несовершеннолетних мальчиков на взрослых девушках характерна для многих народов Среднего Поволжья (русских, мордвы, чувашей). У мордвы, например, бытовал обычай ранних браков, когда 5–6-летние дети «бывали уже обручены или засватаны». По мнению В. Н. Майнова, «ранние браки совершались преимущественно между зажиточными семьями и рассматривались в качестве удачной сделки между родителями» [3. – С. 29].

Для всех форм брака татар-мишарей характерно проживание новобрачных в доме супруга. Имели место случаи перехода и проживания жениха в доме родителей невесты (йортка керу). Подобные браки были выгодны прежде всего родственникам невесты, так как необходимы были рабочие руки. Среди татар бытует мнение, что данное явление для мужчины было позором, и в народе его сравнивали с сусликом, пробравшимся в дом (йортка кергэн йомран). На данное условие согласие давал лишь тот, кто не имел родственников и возможности выплаты калыма за невесту [5. – С. 156].

У многих народов запрещалось вступать в брак с близкими родственниками, в частности с родными братьями и сестрами, племянниками. У татар-мишарей, например, по мужской линии из семьи родственника разрешалось брать жену только лишь из седьмого колена (жиде ят), в то время как браки между сыном сестры и дочерью брата или сыном брата и дочерью сестры считались возможными. Такие браки по мнению мишарей не являлись родственными [5. – С. 154]. К примеру, среди мордвы существовало мнение о возможности заключения брака между усыновленными и усыновителями, «так как между ними нет крови» [3. – С. 25].

При заключении браков мишари иногда придерживались обычая левирата или сорората. Зафиксированы случаи, когда неженатый родственник умершего, по наставлению близких, женился на вдове старшего брата, или же когда муж умершей женщины брал в жены ее младшую сестру (балдыз). Следует

отметить, что подобные браки заключались редко и, как правило, были ориентированы на сохранение имущества и рабочей силы в пределах своей семьи. Примером может послужить семья Касима Фейсханова, проживавшего в селе Аксеново Лямбирского района, который был женат на двух родных сестрах Райсима и Маджиде. В настоящее время сводные братья и сестры проживают на одном участке, но в разных домах. Подобные факты зафиксированы автором и в других татарских населенных пунктах (д. Тювеево и с. Митрялы Темниковского района Республики Мордовии).

У татар-мишарей Мордовии, согласно сведениям информантов, бытовало многоженство. По утверждению мишарей, проживающих в Темниковском районе, «некоторые зажиточные односельчане содержали по 3 жены». В с. Латышовка Кадошкинского района зафиксирован случай женитьбы муллы (родом из Казани). Он в качестве свахи (башкода) направил свою первую жену сватать вторую. Этот факт двоеженства был выявлен в 1920 г.

Начиная со второй половины XIX в. в татарских поселениях при заключении брака возникли социальные ограничения. Браки стали заключаться между людьми в основном равными в имущественном отношении. У мишарей подобные браки регистрировались при большой возрастной разнице брачующихся. Что касается смешанных браков (с русскими, мордвой), то они были строго запрещены [5. – С. 154]. В. Н. Майнов по данному поводу писал: «Конечно, браки между мордвой и татарами запрещаются и тщательно избегаются народом, так как тут влияет разница в религиозных верованиях; но нам всюду приходилось лишь слышать похвальные о татарах отзывы за их рачительность, хозяйственность, трезвенность и трудолюбие» [3. – С. 25]. Полевые записи и опубликованные материалы свидетельствуют о том, что в 1920–1940 гг. межнациональные браки между мишарями и другими народами края в единичных случаях зафиксированы только лишь в городской местности. В послевоенное время такие браки имели место быть уже не только в городе, но и в селах. Если татарские юноши могли жениться на девушках другой национальности, то замужество татарок осужда-

лось, а иногда даже и проклиналось родителями. В татарском с. Лямбирь Лямбирского района к смешанным бракам относились недоброжелательно. В указанном селе Ю. Н. Мокшиной зафиксировано: «Помнится, в нашем селе одна мордовка была замужем за татариним, веру свою она не меняла, хранила в доме образа, но вместе с тем строго соблюдала священный мусульманский пост Рамадан и почитала обычаи» [4. – С. 83]. Аналогичная ситуация практически была и у мордовского народа. Что же касается мордовско-русских браков, то особых непреодолимых препятствий здесь не существовало.

В татарских населенных пунктах также жестко стоял вопрос о выборе невест. В основном старались жениться на девушках из своего села. Об этом свидетельствует поговорка татар: «Хорошую девушку со своего села не отдадут». Информанты из с. Латышовка Кадошкинского района говорили: «Пусть лучше будет бедная невеста, но со своего села».

Патриархальные порядки в семье требовали беспрекословного подчинения всех ее членов главе. Большим уважением в семьях мишарей пользовались старшие мужчины, так как их слова были «законом» для всех членов семьи. В их функции входили: управление и организация хозяйства внутри семьи, разбор конфликтов между членами семьи, представление интересов семьи во внешних отношениях с общиной, законом, властью и мечетью. Глава семьи вправе был распоряжаться семейным имуществом, но в свою очередь он должен был считаться с интересами всей семьи. Он также производил распределение полевых работ среди членов семьи. При этом он исходил из способностей и опыта работника. Кстати, авторитет члена семьи определялся значением его в хозяйственной жизни. Например, наиболее ответственную работу, такую как сев, производил сам дед. Положение женщины в больших семьях было также зависимым (авторитетом и даже властью пользовалась лишь старшая женщина семьи). Неполноправными были также младшие члены семьи независимо от пола. Такая семейная иерархия диктовалась нормами взаимоотношений, складывавшихся в течение веков и впитавших в себя законы патриархального уклада, и догмами шариата.

Все доходы от продажи сельскохозяйственных продуктов поступали в общесемейную кассу, которая находилась в распоряжении главы семьи. Заработки членов семьи также шли в эту кассу. Лишь подаренное являлось личной собственностью того, кого одарили [5. – С. 142–143].

К наиболее древним нормам взаимоотношений членов семьи, отражавшим патриархальное и шариатское неравенство внутри семьи, следует отнести обычай избегания, игравший значительную роль в семейном быту татар-мишарей. Так, женщина не имела права называть своего супруга по имени не только при обращении к нему, но и в его отсутствие. Женщине запрещалось разговаривать с мужчинами, сидеть за одним столом и даже находиться в одном помещении. Так, прежде чем войти в дом, свекор обычно кашлял, чтобы предупредить невесток и дать им возможность скрыться или хотя бы привести себя в надлежащий вид. По воспоминаниям информанта А. С. Поздняковой из д. Большое Татарское Караево Темниковского района, «молодой жене запрещалось разговаривать со своим свекром, так как это считалось грехом. После замужества в доме мужа питалась отдельно, в чулане и ела стоя. Как правило, первыми ели мужчины и дети, а после них женщины. В настоящее время все члены семьи питаются вместе». Подобное явление зафиксировано и у мордвы. Так, например, молодая невестка (эвэнэ, урьва), пришедшая по обычаям мордвы в семью мужа, играла роль прислуги. О чем свидетельствует и имя, которое давал молодой снохе брат ее супруга, – уряшь (от «урень» – раба). Это, бесспорно, указывало на фактическое положение, которое занимала молодая женщина в доме своего мужа. Только после рождения в семье первого ребенка или появления в доме другой молодой снохи статус молодой невестки менялся. Но и даже после этого невестки не имели никаких прав участвовать в семейном совете.

Избегание у мишарей распространялось и на более старших родственников мужа, прежде всего его дядей. Таким образом, женщина долгое время (иногда в течение всей жизни) должна была соблюдать по отношению к родственникам мужа многочисленные запреты (кан тоту). В источниках имеются сведения,

что обычаи избегания касались не только женщин, но и мужчин. Примером может послужить лишь один случай, имевший место в семейном быту лямбирской группы мишарей, который отражал избегание мужчины по отношению к старшим родственникам (мужчинам и женщинам) жены. Этот обычай состоял в том, что зять в течение одного года, точнее до появления первого ребенка, не имел свободного общения со старшими родственниками жены. Приходя к ним, он обычно садился не на тур (широкие нары, устраиваемые рядом с печью), а ближе к входу так, чтобы не перейти линии матицы [5. – С. 143].

Внутри большой семьи существовали бытовые конфликты, связанные с семейными разделами имущества. Данная проблема существовала у многих народов с давнего времени и не утратила свою актуальность и сегодня. Хозяйственные конфликты возникали чаще из-за отсутствия у молодой супружеской пары собственного имущества. Это объясняется устойчивостью патриархальных традиций, направленных на сохранение и преумножение общесемейной собственности, которая являлась основой существования крестьянского двора.

У татар-мишарей существовало два вида раздела: частный и общий. Частный раздел имущества представлял собой выход из нее лишь одной семьи и не приводил к распаду большой семьи. Подобные разделы происходили еще при жизни главы семьи – отца. Отделявшейся семье выделялась определенная доля семейного имущества. Глава семьи распределял ее так, чтобы раздел не ухудшил экономическую жизнь семьи. В связи с этим отделявшейся семье всегда выделяли наиболее плохую часть имущества. Но, как правило, частные разделы не разрешали возникающие конфликты, противоречия в семьях и в конечном счете приводили к общесемейному разделу. Так, например, в 1915 г. произошел общесемейный раздел в семье Гарифуллы Маренова из села Черемешево Лямбирской волости. Обособление началось со строительства отдельных изб для сыновей на усадьбе отца. Значительную часть усадьбы занимал большой двор, на котором могли свободно разместиться 5 запряженных подвод. Из хозяйственных построек в нем располагались клеть, два арана,

пает, лапасы, а в задней части усадьбы – баня и ток с мякинником. С увеличением семьи все больше уменьшалась свободная площадь. Так, когда семья выросла до 20 человек, на отцовской усадьбе выстроили фасадом на переулок отдельный четырехстенный дом для старшего сына. А еще через год выстроили еще один, также фасадом на переулок, для второго сына с семьей. Третий сын остался в одной из половин отцовской избы. Каждая семья питалась отдельно, в своем доме. Однако выделившиеся семьи все еще продолжали сохранять единство, так как они не произвели общего раздела; земля, луга и огород обрабатывали сообща, а урожай делили на равные части между семьями, независимо от их величины. Окончательное обособление малых семей произошло после раздела основных средств: земли, луга, огорода, домашнего скота, инвентаря и надворных построек [5. – С. 144–145].

Прямыми наследниками отца являлись сыновья. Поэтому отцовское хозяйство делилось на равные доли между сыновьями. Если общий раздел происходил при жизни отца, то, как правило, младший сын оставался жить с ним. После смерти отца его доля имущества переходила в собственность этого сына. Имущественные права женщин были ограниченными. При наличии в семье сыновей дочери не участвовали в наследовании земли. Бездетная вдова, состоявшая в браке недолго, уходила обычно к отцу, не получая кроме своего приданого ничего из имущества семьи. Если же бездетная вдова жила долго с мужем, то и после его смерти она оставалась жить в его семье. При общесемейном разделе она должна была переехать в дом одного из братьев своего мужа. Вдова же, имеющая сыновей, при разделе хозяйства семьи получала ту часть недвижимого имущества, которая полагалась ее мужу. Вдова же, имеющая лишь дочерей, при общесемейном разделе земли не получала. Она переходила жить к одному из братьев мужа, который получал большую долю имущества и обязан был дать приданое ее дочери [5. – С. 145].

Развод (талак) у татар-мишарей происходил после произношения супругом арабского слова «талак». Муж обязан был ее содержать в период идда (это название срока, который женщина выжидает, не выходя замуж, после

прекращения брака по причине развода, смерти мужа и т. д.). Срок определения отсутствия беременности (идда) длится до 3 месяцев. При этом женщина не должна иметь ни с кем половую близость. После того, как убеждались, что женщина не беременна, она могла снова выйти замуж. Если талак был сказан только один раз, бывшие супруги могли возобновить свои отношения в периоде идда, и развод считался недействительным. Если же талак был произнесен трижды, то мужчина имел право жениться на своей бывшей жене только после того, как она выйдет замуж за кого-либо и снова разведется либо станет вдовой. Если талак произнесен 9 раз, бывшие супруги не могли снова вступить в брак ни при каких обстоятельствах.

Личной собственностью женщин считались различные вещи, предметы, приданое, полученные в качестве подарка. Приданое в татарской свадьбе включало различные предметы домашнего обихода, утварь, постельные принадлежности, а также личные вещи невесты (одежда, украшения и др.), подарки для родственников жениха (3–4 сундука), домашние животные. Как вещи, так и домашний скот с приплодом считались собственностью невесты в доме ее супруга, и без ее согласия никто не имел права ими распоряжаться.

К примеру, у мордовских женщин личную собственность также составляли личные вещи (праздничная одежда, украшения и др.), которые хранились в специальном коробе (парь – долбленая деревянная емкость наподобие кадучки) и ни при каких обстоятельствах не могли быть отторгнуты, никогда не продавались и переходили из поколения в поколение. В. Н. Майнов писал, что «бывали случаи, когда муж заимствовал у жены из ее "бабьего добра" кое-что для удовлетворения неотложных домашних потребностей, но в этом случае все бы соседи смеялись от души, если бы он дал или жена от него потребовала какой-нибудь документ на занятое имущество». Если каким-то образом парь отчуждалась, то ее владелица имела право вернуть обратно или же возместить убытки. Так, при рассмотрении дела о продаже мужем Арины Трифоновой 5 золотых монет с национального головного украшения против ее воли Атяшевский волостной суд принял ее сторону.

В суде «Арина Трефолева доказала, что ее пробабка Анна по линии матери, а те деньги ею коплены и пришиты». Приговор суда был такой: «Пусть обвиняемый уплатит своей жене 75 рублей или же достанет... в Пензе три золотых катерининских да 10 крестовых рублевиков серебряных, а чтобы впредь с чужим добром умел обращаться (обращаться), дать ему 18 розог и арестовать при правлении на два дня, если наказания принять не захочет» [3. – С. 127–128].

Процесс разложения больших семей среди различных социальных групп крестьянства проходил по-разному. Так, в среде бедных крестьян, где не было прочной материальной базы, необходимой для сохранения больших семей, процесс распада совершался интенсивнее. Малоземельные крестьяне, по сравнению с зажиточными, вели более подвижный образ жизни, так как для обеспечения средств существования они вынуждены были прибегать к отходничеству. Все заработки отходников большей частью поступали в общесемейный фонд, а самому отходнику отводилась небольшая сумма на личные расходы. Как писал В. Н. Майнов, «ясное дело, тут не всякому члену дозволит личную наживу, но если такой член семьи обременен своею собственной семьею, то отец дозволяет ему разные поделки не на прокорм, а на одежду, например, своих детей» [3. – С. 138]. Из вышесказанного следует, что в основе имущественных отношений лежал принцип: все приобретенное или заработанное на стороне принадлежит всей семье, и пока человек живет в ней, его доход был общим достоянием. Отходничество повышало экономическую самостоятельность и самосознание младших членов семьи и способствовало созданию самостоятельного хозяйства. Это приводило к большим противоречиям, обострению взаимоотношений, ссорам между членами семьи и в конце концов к разделу.

Таким образом, нормы обычного права у татар-мишарей формировались на протяжении продолжительного времени и были тесно связаны с сельской общиной. Обычное право являлось традиционным регулятором различных сторон общественных отношений: брачно-семейных, имущественных, наследственных, земельных, договорных и др. Традиционно-правовые нормы и в настоящее время

признаны, особенно в сельской местности, большинством татарского населения в качестве регулятора общественных отношений. Система обычного права аккумулирует и передает из поколения в поколение духовные ценности и социальный опыт, накопленные

народом на протяжении многих веков, посредством отдельных норм оказывает влияние на конкретного индивида, выступая в качестве механизма социального контроля.

Список литературы

1. Букин С. М. Национальная государственность мордовского народа: история становления и развития (X–XX вв.). – Саранск : Мордовский ун-т, 2006.
2. Еферица Т. В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е г. XIX – 30-е г. XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995.
3. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. – СПб. : МВД, 1885.
4. Мокшина Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве конца XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2003.
5. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. – М. : Наука, 1972.
6. Николаев С. Д. Мордовская крестьянская семья в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1993.
7. Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – 650 с.
8. Семина В. Н. Семья татар-мишарей в Мордовии в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1999.
9. Спицина О. В. Обычное право русского населения Мордовии: историко-этнографический аспект : дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2009.
10. Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. : дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2009.
11. Тумайкин В. П. Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период : дис. ... канд. ист. наук. – М., 1974.
12. Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей : сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – М. : Дашковский этнографический музей, 1888. – Вып. 3. – С. 115–142.
13. Харузин Н. Н. Очерки первобытного права. – Ч. 1. Семья и род. – М. : Гросман и Кнебель, 1898.
14. Харузин Н. Н. Юридические обычаи якутов (по материалам Н. П. Припузова) // Этнографическое обозрение. – 1898. – Вып. 2. – С. 37–64.
15. Щанкина Л. Н. Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовии в системе их жизнеобеспечения : дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2004.

**Обеспечение защиты интеллектуальных прав в России в сети Интернет.
Анализ судебной практики и зарубежного опыта**

А. А. Дюкарева

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: dyukareva.anneta@mail.ru

В. С. Позднякова

студентка 2-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: pozdnyakovavlada98@gmail.com

**Ensuring the Protection of Intellectual Property Rights in Russia on the Internet.
Analysis of Judicial Practice and Foreign Experience**

A. A. Dyukareva

Fourth-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: dyukareva.anneta@mail.ru

V. S. Pozdnyakova

Second-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: pozdnyakovavlada98@gmail.com

Аннотация

В связи с резким подъемом в творческой среде, когда даже малоизвестные авторы, изобретатели и люди творческих профессий могут делиться своими работами и получать заслуженное признание со стороны окружающих в сети Интернет, механизм законодательного закрепления интеллектуальных прав, а также их защита стали актуальными во всех развитых странах мира. В данной статье определяются основные формы и способы защиты интеллектуальных прав в сети Интернет, предусмотренные российским законодательством. Автором дается информационная справка о специализированных органах и подразделениях, которые занимаются непосредственно вопросами защиты интеллектуальных прав путем рассмотрения жалоб и заявлений, подаваемых авторами, изобретателями, разработчиками и т. д. Кроме того, проводится анализ существующего в законодательстве определения интернет-сайта, отмечаются его минусы и недочеты с точки зрения защиты прав на весь интернет-сайт и на его отдельные части. С целью выявления недочетов в существующем российском законодательстве, а также определения эффективных способов защиты интеллектуальных прав в сети Интернет рассматриваются российская судебная практика и зарубежный опыт в отношении защиты прав на интернет-ресурс.

Ключевые слова: Интернет, распространение информации, веб-сайт, административный порядок защиты интеллектуальных прав, стенография, водяной знак, регистрации прав на интернет-сайт, Суд по интеллектуальным правам.

Abstract

In connection with the sharp rise in the creative environment, when even little-known authors, inventors and people of creative professions can share their work and receive well-deserved recognition from others around the Internet, the mechanism of legislative consolidation of intellectual rights, as well as their protection became relevant in all developed countries of the world. In this article, the main forms and methods for protecting intellectual property rights in the Internet, as provided by Russian law, are defined. The author gives information about specialized bodies and subdivisions that deal directly with issues of the protection of the intellectual property rights, by the review of complaints and applications submitted by

authors, inventors, developers, etc. In addition, the analysis of the current definition of the Internet site according to legislation is carried out. The minuses and shortcomings of this legislation are noted from the point of view of protecting the rights to the entire Internet site and to its separate parts. In order to identify shortcomings in the existing Russian legislation, as well as to determine effective ways to protect intellectual property rights in the Internet, the Russian court practice and foreign experience regarding the protection of rights to the Internet resource are considered.

Keywords: Internet, dissemination of information, web-site, administrative procedure for the protection of intellectual property rights, shorthand, watermark, registration of rights to the Internet site, Intellectual Property Court.

Защита интеллектуальных прав является актуальной темой не только для России, но и для всех развитых стран. Наше общество переживает период определенного подъема в творческой среде, когда даже малоизвестные авторы, изобретатели и люди других творческих профессий могут делиться своими работами и получать заслуженное признание со стороны окружающих. Это стало возможно благодаря сети Интернет.

Большая свобода, которую обеспечивает пользователям доступ в Интернет, вызывает необходимость регулирования отношений, складывающихся в данной среде. Вопросы, касающиеся защиты авторских и смежных прав, нарушенных размещением произведений на интернет-сайтах, уже неоднократно обсуждались, и, соответственно, принимались меры для защиты этих прав. Однако такому объекту, как интернет-сайт, и защите прав на него законодателями и цивилистами было уделено недостаточно внимания, в то время как это практически основной элемент сети Интернет. Поэтому в данной статье не только рассматриваются и анализируются механизмы защиты интеллектуальных прав во всей сети Интернет, но и исследуются пути решения такой проблемы, как защита главного элемента сети Интернет – интернет-сайта.

Наряду с преимуществами Интернета у него есть ряд существенных недостатков. Практически полная свобода в распространении информации ведет к повсеместному нарушению авторских и иных интеллектуальных прав. Сеть настолько огромна, что отследить, каким образом и кем было нарушено право, представляется весьма сложным, а порой и вовсе невозможным. В сети Интернет любой человек может оказаться правонарушителем, настолько легко распространяются объекты интеллектуальных прав в онлайн-мире.

В Российской Федерации существует большое количество способов для защиты интеллектуальных прав. Среди них есть как способы, созданные и обеспечиваемые государством, так и способы, разработанные самими авторами и иными лицами.

Форм защиты прав существует две: юрисдикционная и неюрисдикционная [3].

Первая форма – юрисдикционная – предполагает участие в защите прав органов государственной власти. Юрисдикционная форма может быть выражена в судебном и административном порядке [3].

При административном порядке интеллектуальные права защищаются путем подачи заявления в уполномоченный орган государственной власти. Данный способ очень удобен, так как позволяет решить спор без обращения в судебные органы, дела в которых порой рассматриваются годами: более того, решение по данному заявлению будет обязательно для лица, нарушающего чужое право [4].

Порядок административной защиты заключается в подаче заявления или жалобы потерпевшего в Федеральную антимонопольную службу либо в Палату по патентным спорам. При этом следует учесть, что Палата по патентным спорам проводит только предварительные работы для осуществления Роспатентом юридически значимых действий, связанных с правовой охраной и защитой результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Решения таких органов могут быть обжалованы в суде, поэтому даже в том случае, если автор решил прибегнуть к данной форме защиты своих прав, не исключено, что спор все равно будет рассматриваться судебными органами.

Второй же порядок – судебный – является более распространенным [3].

Суды ежегодно рассматривают большое количество дел, связанных с нарушением интеллектуальных прав. В 2013 г. начал свою деятельность специализированный арбитражный суд – Суд по интеллектуальным правам, который рассматривает споры, связанные с патентными правами и правами на средства индивидуализации.

В отношении интеллектуальной собственности российские суды возможно еще и не достигли европейских стандартов, но связано это лишь с тем, что институт интеллектуальной собственности является для Российской Федерации относительно новым. Однако уже сейчас наблюдается большой прогресс в рассмотрении подобных дел и создается своя судебная практика, которая позволяет с уверенностью говорить о демократичности существующего законодательства.

Проанализируем и другую форму защиты интеллектуальных прав – неюрисдикционную. Она предполагает самостоятельную защиту автором своих прав, без обращения в уполномоченный орган. При этом автор или другое лицо, имеющее интеллектуальные права, может как предпринять меры, позволяющие предотвратить возможное нарушение, так и осуществлять защиту своих прав уже после их нарушения [1]. Данная форма, как правило, предшествует юрисдикционной форме.

Самозащита служит ярким примером неюрисдикционной формы. Она представляет собой совершение лицом фактических действий для защиты своих прав. Например, авторы графических изображений, размещаемых в сети Интернет, прибегают к таким способам, как стенография и нанесение водяного знака. Их технология заключается во встраивании в изначальное изображение зашифрованной фразы или знака, которые позволяют авторам определить: действительно ли была использована их работа [6]. При стенографии расшифровать фразу может лишь то лицо, которое ее нанесло на изображение, что позволяет защитить изображение даже в случае его искажения или изменения, а также не дает правонарушителям шанса как-либо стереть данную стенографическую надпись без влияния на качество изображения [5]. Водяной знак является более заметным способом определения авторства, так как зачастую представляет собой подпись

либо иной идентифицирующий символ, нанесенный на изображение специальной программой. Все это помогает лицам представить неопровержимые доказательства их авторства. Более того, на сегодняшний день существует большое количество программ, позволяющих отслеживать размещение изображений с такими знаками [5].

Таким образом, при защите своих интеллектуальных прав лицо может не только полагаться на государство, но и самостоятельно применять меры для сохранения своих прав.

Особое внимание сегодня привлекает проблема регистрации прав на Интернет-сайт как целостный объект интеллектуального права, а также на его элементы. В настоящий момент существует ряд способов регистрации, которые позволяют авторам официально закрепить принадлежащие им права на веб-сайт. Рассмотрим основные из них.

1. Одним из самых простых является осмотр Интернет-сайта нотариусом. Такой осмотр позволяет зафиксировать наличие определенной информации на интернет-сайте, которая размещена на нем в определенный момент времени. При этом производится осмотр каждой страницы интернет-сайта, которую необходимо засвидетельствовать, а также требуется их распечатанная версия. По окончании осмотра составляется протокол, в котором нотариус описывает всю информацию, находящуюся на интернет-странице [7]. Данный способ является достаточно простым по сравнению с другими и не способен полностью защитить интернет-сайт, а также доказать права на него. В случае если информация на интернет-ресурсе постоянно обновляется, заверенные нотариусом распечатки интернет-страниц будут действовать лишь на ту информацию, которая была отображена на них в соответствующий момент. К тому же данный способ весьма сложен еще и тем, что интернет-ресурс может состоять не из одной, а из нескольких страниц, и в том случае, если их количество велико, распечатка и заверение их становятся делом крайне затруднительным.

2. Еще одним способом оформления прав на интернет-сайт является его государственная регистрация в качестве программы для ЭВМ или базы данных [9]. Данный способ весьма удобен, так как позволяет зарегистри-

ровать права на интернет-ресурс в целом. Однако далеко не каждый сайт может отвечать условиям программы для ЭВМ или базы данных. Многие интернет-страницы, существующие в сети, носят исключительно информативный характер. В связи с чем можно сделать вывод о том, что данный способ возможен лишь для небольшого количества интернет-сайтов.

3. Следующим способом регистрации прав на интернет-сайт является регистрация его в качестве средства массовой информации. В первую очередь в таком вопросе стоит выяснить: можно ли отнести любой интернет-сайт к средствам массовой информации. Сделать это на законодательном уровне невозможно, поскольку гражданское законодательство не содержит точного определения интернет-сайта. Каких-либо обязательных условий, которым должен отвечать интернет-сайт, для того чтобы быть зарегистрированным в качестве средства массовой информации, законодательством не предусмотрено. Заявление о регистрации интернет-сайта в качестве СМИ подается в Роскомнадзор. Результатом рассмотрения заявления может являться регистрация интернет-сайта в качестве СМИ либо отказ в регистрации.

Стоит отметить, что данные способы являются альтернативными и не предусмотрены законодательством напрямую, что затрудняет их применение ко всем существующим интернет-сайтам. В связи с этим владельцам приходится регистрировать права на каждый входящий в сайт элемент, что является очень трудоемким процессом, занимающим большое количество времени. Именно поэтому стоит законодательно определить, нормы какого права можно применять в отношении интернет-сайта как цельного объекта, а также возможные способы регистрации такого объекта, что позволит владельцам иметь доказательства наличия у них прав. Это позволит как авторам отдельных элементов сайта, так и владельцам всего интернет-ресурса чувствовать себя увереннее в интернет-среде, что, в свою очередь, будет являться поводом к развитию такого способа доведения информации в частности и технического прогресса в целом.

Обратимся к судебной практике, которая поможет лучше раскрыть тенденции по защи-

те интеллектуальных прав в сети Интернет, а также интернет-сайта в целом и его элементов. На данный момент о нарушении подобных прав в суд обращаются крайне редко. Причина этого может крыться в неопределенности гражданского законодательства по поводу защиты интеллектуальных прав на интернет-ресурс и его элементы.

В первую очередь стоит отметить необходимость доказывания принадлежности прав лицу, заявляющему о нарушении авторских прав. Об этом нам говорит Постановление ФАС Московского округа от 19 февраля 2013 г. по делу № А40-25628/12-27-232 [8].

В данном деле Общество с ограниченной ответственностью «Техпро» обратилось в Арбитражный суд Москвы с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Юнити» о взыскании компенсации за незаконное использование 84 фотографических произведений. Решением Арбитражного суда Москвы в удовлетворении иска отказано.

В своих требованиях истцы указывали, что на интернет-сайте neotou.ru, доменное имя которого зарегистрировано на А. В. Львова и использование которого осуществляет ООО «Юнити», были размещены 84 фотографии, права на использование которых принадлежат ООО «Техпро» на основании лицензионного договора от 31 июля 2011 г., заключенного между А. В. Колтышевым (правообладателем) и ООО «Техпро» (пользователем). В результате чего, по мнению истца, ответчики ООО «Юнити» и А. В. Львов нарушили право на использование фотографических произведений, переданное ему по лицензионному договору. Однако доказательств принадлежности данных прав истцу в суд так представлено и не было.

Суд указал на то, что лицензионного договора, представленного истцом, недостаточно, для того, чтобы истца можно было считать надлежащим правообладателем. Необходимы доказательства того, что третье лицо, которое по данному договору передает права, является автором произведения или владельцем исключительного права. То есть в лицензионном договоре должно быть указано, на каком основании у лицензиата возникли права. В том случае, если нет возможности предоставления договора, то подтверждением авторства может являться информация об

авторе, размещенная на экземпляре произведения, в том числе электронном. При наличии таких сведений обязанность по доказыванию того, что объект права принадлежит другому лицу, возлагается уже на противоположную сторону. Суд установил, что на спорных фотографиях отсутствует какая-либо информация об авторском праве.

Данный пример из судебной практики является показателем необходимости в предоставлении доказательств того, кто является владельцем исключительного права, а также оснований возникновения этого права. В противном случае суд может не признать требования, так как не будет иметь фактических доказательств того, что заявителем является правообладатель. Это подчеркивает необходимость официального закрепления прав на объекты интеллектуальной собственности.

Еще одним интересным моментом в практике рассмотрения подобных споров является участие в подобных правоотношениях информационных посредников.

Информационный посредник – это лицо, осуществляющее передачу материала в Интернет или предоставляющее возможность размещения материала (либо информации, необходимой для его получения) или доступа к нему в сети (пункт 1 статьи 1253.1 ГК РФ).

При размещении незаконной информации на открытом интернет-сайте найти правонарушителя практически невозможно, в связи с чем исковые заявления о нарушении интеллектуальных прав подобным размещением предъявляются владельцам сайта или провайдером хостинга. Однако при этом суды не допускают переложения на них ответственности с пользователя сайта, разместившего данную информацию.

По мнению Суда по интеллектуальным правам, владелец сайта не может нести ответственность за наполнение иными лицами находящегося в открытом доступе сайта, поскольку в данном случае при соблюдении всех предъявляемых к нему требований признается только информационным посредником.

Подтверждением этому служит Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2015 г. № С01-524/2015 по делу № А40-66554/2014.

Согласно данному делу, общество с ограниченной ответственностью «ВИДЕО КОНТЕНТ» обратилось в Арбитражный суд Москвы с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью «Элло Нетворкс», компании Symbolic Entertainment Group LLC о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на аудиовизуальные произведения и обязанности удалить видеофайлы, а также к компании You Tube LLC об обязанности прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение в разделе сайта информационно-телекоммуникационной сети Интернет (<http://www.youtube.com/>) на интернет-канале ELLO (<https://www.youtube.com/user/ELLO>) аудиовизуальных произведений.

Решением Арбитражного суда Москвы от 18 ноября 2014 г. производство по делу в части требований к компании Symbolic Entertainment Group LLC прекращено, в удовлетворении иска к обществу «Элло Нетворкс» и компании You Tube отказано.

Суд в части требований, относящихся к компании You Tube, пришел к выводу, что к действиям данной компании должны быть применены положения подпункта 3 пункта 2 статьи 1253.1 ГК РФ, согласно которым информационный посредник, осуществляющий передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, если он знал или должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Компания You Tube не несет ответственность за то, какими файлами иные лица наполняют видеохостинг, так как он находится в открытом доступе. К тому же компания заблокировала спорный контент по заявлению истца о нарушении исключительных прав. Таким образом, суд пришел к выводу, что требования истца к компании являются попыткой переложить обязанность по мониторингу деятельности третьих лиц и выявлению нарушений на информационного посредника, коим и является You Tube.

Это еще раз доказывает, как сложно найти истинного правонарушителя в сети Интернет и с какими проблемами могут столкнуться правообладатели в случае защиты нарушенных в сети Интернет прав.

Для полной картины реализации механизмов защиты интеллектуальных прав в сети Интернет нам будет интересен зарубежный опыт.

Например, во Франции с 2009 г. действует закон АДОПИ, за выполнением норм которого следит Высший орган по распространению произведений и защите авторских прав в Интернете [2].

Данный закон предусматривает систему штрафных санкций. При этом в ней существует три уровня. В случае первого нарушения владельцу интернет-соединения на e-mail приходит предупреждение. В случае повторного нарушения, которое совершено меньше чем через 6 месяцев, высылается повторное предупреждение, а также заказное письмо, для того чтобы подтвердить дату получения абонентом извещения. Если же первых двух предупреждений оказалось недостаточно, то доступ в сеть Интернет с IP-адреса, с которого было совершено нарушение, может быть заблокирован на срок до одного года. За данное время владелец IP-адреса обязан продолжать платить абонентскую плату интернет-провайдеру, а также не имеет права на заключение договора с другим поставщиком услуг. В том случае, если данный запрет будет нарушен, владельцу придется заплатить штраф до 3 750 евро. В случае дальнейшего нарушения авторских прав действия владельца IP-адреса подпадают под действие законодательства о борьбе с контрафактной продукцией, что влечет за собой куда более серьезные последствия: три года тюремного заключения и штраф до 300 тыс. евро.

Одним из самых лояльных по отношению к пользователям Интернета является Антипиратский закон в Нидерландах. Например, скачивание музыки, фильмов или книг для некоммерческих целей признается домашним копированием и наказанию не подлежит. Вместе с этим загрузка программного обеспечения является правонарушением, и за это предусмотрено наказание. Более того, по закону не запрещено загружать материалы, признанные пиратскими, а вот распростра-

нять их запрещается [2]. Таким образом, нарушителями авторского права признаются торрент-трекеры, а не пользователи данных незаконно размещенных материалов.

Одним из самых суровых в отношении пиратского контента является японское законодательство. Так, за загрузку и распространение незаконных материалов пользователям может грозить до двух лет тюремного заключения и (или) штраф в размере 1 млн йен. Закон начинает работать в том случае, если пользователь знал, что контент является пиратским и загрузил его преднамеренно [2].

В США до сих пор действует Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху, принятый в 1998 г. В соответствии с этим законом охране подлежат все объекты авторского права, которые находятся в сети Интернет. При этом лицо освобождается от ответственности за их нарушение в том случае, если не знало о нарушении. Уведомление о нарушении может быть сделано с помощью письма, телеграммы или электронной почты. В том случае, если после уведомления нарушитель в разумный срок не удалит объект авторского права, то в таком случае он уже будет нести ответственность, а удаление объекта производится в данном случае провайдером [7].

Что касается определения объекта авторского права, то под него подпадают лишь уникальные произведения, которые охраняются авторским правом. Охрана предоставляется лишь оригинальному произведению, тогда как картинка или содержание интернет-сайта являются, как правило, лишь копией или частью произведения. В отношении такого нарушения законом предусматривается уголовная ответственность за нарушение авторского права в сети Интернет. Закон о защите авторского права в области частного воспроизведения предусматривает уголовное наказание за распространение пиратских копий фильмов, сделанных до официальной премьеры. А за распространение копий защищенной авторским правом информации предусматривается лишь взыскание недополученной выгоды.

В настоящий момент большая часть принимаемых законов как в России, так и за рубежом нацелена на защиту авторских прав, которые могут быть нарушены размещением на страницах интернет-сайтов, но не защиту

самого интернет-сайта, права на который защищаются по аналогии с другими объектами авторского права.

На сегодняшний день интернет-сайт стал одним из главных способов доведения информации до людей как государственными органами, так и юридическими и физическими лицами. Сайты стали представлять собой своего рода визитные карточки, которые позволяют организациям и индивидуальным предпринимателям привлекать клиентов, рекламировать свои работы, товары, услуги, производить продажу и покупку товаров.

В сети Интернет существует огромное количество сайтов, многие из которых практически полностью состоят из творческих и индивидуальных элементов. Именно поэтому

так важно, чтобы лица, разрабатывающие и размещающие такие элементы в сети, могли быть уверены в том, что их права будут охраняться, и они смогут их защитить в случае плагиата. Сам интернет-сайт в том числе стал объектом имущественных отношений, так как многие сайты разрабатываются специалистами на заказ либо самостоятельно на продажу. Все это позволяет сделать вывод о том, что права на интернет-сайт и его элементы нуждаются в четком законодательном закреплении. Это позволит не только защищать такие права в случае их нарушения, но и во многом предотвратить возможные посяательства на такие права, так как правонарушитель будет знать о существующих в законе последствиях такого нарушения.

Список литературы

1. Близнец И. А., Гаврилов Э. П., Добрынин О. В. и др. Право интеллектуальной собственности : учебник / под ред. И. А. Близнеца. – М. : Проспект, 2014.
2. Двадцать мировых тенденций в сфере защиты авторских прав. – URL: http://www.copyright.ru/news/main/2012/02/20/zashita_prav/
3. Добровольский В. С. Интеллектуальная собственность : учебное пособие. – М. : МИСиС, 2012.
4. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности : учебник для академического бакалавриата. – 9-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015.
5. Как борются с интернет-пиратством в России и мире. – URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/193955-piracy>
6. Комиссаров А. П. Защита интеллектуальной собственности : учебник. – Екатеринбург : УГГУ, 2010.
7. Мазур Е. А. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта : монография. – М. : АПКИППРО, 2012.
8. Обзор судебной практики по интеллектуальным правам. – URL: <http://lexdigital.ru/2013/087/>
9. Черячукин В. В. Право интеллектуальной собственности на программы для ЭВМ и базы данных в Российской Федерации и зарубежных странах : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Юнити-Дана, 2012.

Совершенствование правоприменительной практики в сфере международных частноправовых договорных отношений

Цогт У.

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: undraltsogt8@gmail.com

Improvement of Legal Enforcement Practice in the Sphere of International Private Law Contractual Relations

Tsogt U.

Fourth-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: undraltsogt8@gmail.com

Аннотация

В статье приведены результаты научного исследования проблемных вопросов договорных отношений в международном частном праве прежде всего с точки зрения новационных отечественных и зарубежных исследований по сходной проблематике, в том числе рассмотрены понятие и сущность международного договора (международного контракта) в международном частном праве; проанализированы особенности правоприменительной практики и условия контракта и договора в международном частном праве, а также определены возможности совершенствования правоприменительной практики в сфере международных частноправовых договорных отношений.

Ключевые слова: юриспруденция, международное частное право, глобализация, контракт, договор, источник, правоприменительная практика, Российская Федерация, Монголия.

Abstract

In the article the results of problematic research issues of contractual relations in international private law primarily from the perspective of innovative domestic and foreign researches on a similar problematics, in particular, considered the concept and essence of international agreement (international contract) in private international law; analyzes the features of legal practices and the terms of the contract and of the contract in private international law and also identifies opportunities for improving law enforcement practice in the sphere of international private law contractual relations.

Keywords: jurisprudence, international private law, globalization, contract, source, law enforcement practice, Russian Federation, Mongolia.

Современные процессы глобализации, происходящие во всех сферах, в том числе в сфере международного экономического и культурного сотрудничества, постоянно возрастающие темпы роста международной торговли, создание международных и транснациональных юридических лиц в сфере экономической (торговой) деятельности, а также капитал совместной торгово-экономической деятельности субъектов-резидентов разных государств мира, миграция и трудовая мобильность населения обусловили новационные тенденции в развитии международных публично-правовых и частноправовых отно-

шений между различными государствами, одна из которых непосредственно связана с развитием процесса унификации (в том числе гармонизации) правил их регулирования. Такие нормы создаются в виде и форме международных (публично-правовых и частноправовых) договоров.

Международный договор в современном мире являет собой общий источник права (как такового) и в том числе для международного частного права (МЧП), а также для международного гражданского (арбитражного) процесса. В указанной связи отметим, что при наличии общей цели объединения, представляю-

щей собой достижение оптимального правового режима (равных и одновременно учитывающих специфику каждого из государств-участников правовых условий) для участников международных отношений (международного общения), мотивы такого рода объединения тем не менее являются различными.

В процессе проведения исследования работ таких известных правоведов, как А. В. Асосков [1. – С. 66], Г. М. Вельяминов [2. – С. 99], М. И. Гарагуля [4. – С. 217], В. А. Канашевский [6. – С. 34], Р. А. Курбанов [7. – С. 9], В. В. Старженецкий [9. – С. 94] и др., нами было выявлено, что в последние годы в современной доктрине МЧП стало преобладать мнение относительно того, что международные договоры уже не могут надлежащим образом обеспечить удовлетворительного регулирования международных торгово-экономических отношений, прежде всего из-за целого ряда присущих им неточностей и других недостатков. Другими словами, международные договоры носят отрывочный, фрагментарный характер, как правило, отражая интересы одной, прежде всего англосаксонской, правовой системы, т. е. государств только одной, изначально определенной интересами Великобритании и США группы. Следовательно, в существующих международных договорах некоторые вопросы не могут быть урегулированы должным образом, отражая интересы большей части стран мира, но тем не менее достаточно корректно, но настойчиво требуют осуществления глобального правового урегулирования и не менее глобальной унификации. Действительно, международные договоры на практике не вступают в силу для всех государств мира или действуют в отношении только небольшого числа государств, они разрабатываются и согласовываются настолько долго, что к моменту подписания государствами-участниками вступления в юридическую силу они не вполне адекватны реальному социально-экономическим отношениям.

Последовательное участие России в создающих нормы МЧП двух- и многосторонних международных договорах закономерно привело к целенаправленной гармонизации национального законодательства с международно признанными нормами и требованиями, предусмотренными в этих договорах, в

том числе к совершенствованию нормативных правовых актов, прежде всего ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, актов в сфере разрешения экономических споров и т. д.

Проблемы частноправовых отношений в современном мире, характеризующихся прежде всего присутствием иностранцев, лиц без гражданства, иностранных и трансконтинентальных юридических лиц, называемых иностранным элементом, как правило, обусловлены структурой МЧП, его системными подходами. В указанной связи отметим, что при изучении международных договоров Российской Федерации, являющихся источниками МЧП, целесообразно учитывать специфику указанных договоров.

По нашему мнению, законодательный акт, регулирующий вопросы МЧП, в обязательном порядке должен отражать специфические особенности прежде всего тех гражданско-правовых договоров (в том числе международных контрактов и соглашений), которые как раз применяются при перемещении интеллектуальных прав, а также материальных активов из одной юрисдикции в другую – так называемые инвестиции за рубеж. Это договоры, которые регулируются ГК РФ, а также договоры, классифицированные как договоры, для регулирования которых приняты специальные законы.

Глобализационные процессы, происходящие в сфере международного социально-экономического и культурного сотрудничества, постоянный и неуклонный рост международной, в том числе электронной, торговли, создание международных и транснациональных (трансконтинентальных) компаний, внедрение форматов экономики в свободном доступе и цифровой экономики, не только фиатных, но и цифровых валют, называемых криптовалютами, осуществление совместной экономической деятельности субъектами, являющимися резидентами разных государств, в том числе обладающими виртуальным гражданством (e-residency), миграция трудовых ресурсов (в формате реализации профессиональной мобильности) и больших групп населения разных стран (беженцев, вынужденных переселенцев и т. п.) объективно предопределили обусловленные впоследствии и на нормативном уровне закрепленные (определенные) тенденции в развитии международ-

ных частноправовых отношений. При этом одна из таких тенденций непосредственно связана с дальнейшим и неуклонным развитием процесса и процедур унификации правил (регламентов) их регулирования (международно-правового обеспечения). Такого рода международно-правовые нормы создаются преимущественно в форме международных договоров.

Международный договор относится к первостепенным, базовым (основополагающим) источникам международного права, а также считается наиболее важным инструментом, предназначенным для осуществления (практической реализации) внешней (внешнеполитической, внешнеэкономической и т. д.) функции государств. В соответствии и на основании международных договоров не только создаются (учреждаются), но и функционируют межгосударственные (прежде всего правительственные) организации. На практике, любого рода изменения, происходящие в праве международных договоров, неизбежно в той или иной степени затрагивают остальные отрасли международного права и влияют на них.

Международные договоры представляют собой самостоятельный тип источников МЧП и играют важную роль в создании единых коллизионных и материальных норм. Приведенное легальное определение международного договора нашло свое отражение в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. В пункте 1 статьи 2 данного документа содержится определение международного договора: «Договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких взаимосвязанных документах, а также независимо от его конкретного наименования» [3. – С. 772].

Международное частное право, решая вопрос о форме соглашений, которые в свою очередь выходят за рамки юрисдикции одного государства, исторически прибегали к привязке к праву государства, на территории которого данная сделка заключена. Это правило является характерным для многих международных и национальных правовых актов.

В венгерском указе Президиума Венгерской Народной Республики № 13 «Об МЧП» базовый подход к разрешению вопроса о форме международного договора, регулируемого МЧП, характеризуется крайне широким диапазоном формул приложения, которые присутствуют в альтернативных коллизионных нормах права. Если договор будет недействительным по формальным основаниям по мнению права, применимого к договору, суд признает договор действительным, если он действует согласно с правом государства суда, который рассматривает дело, либо согласно с правом места договора либо государства, в котором обязаны наступить предусмотренные правовые последствия.

Согласно статье 1210 ГК РФ [5. – С. 3301] во время заключения договора либо в последующем могут (вправе) выбрать по соглашению между собой (то) право, которое подлежит исполнению (использованию) к их обязанностям и правам по этому международному договору. Таким образом, сторонам международного договора предоставляется возможность выбрать (практически любое) право либо (своего) собственного, либо какого угодно (какого-либо иного, третьего) иностранного государства (третьей страны), а кроме того, указать на применение существующих международных соглашений [5. – С. 3301].

Конфликтная проблема формы сделок, которые подпадают под сферу действия МЧП, а кроме того, отдельных видов договоров, также получила разрешение в международных документах. Конвенция 1993 г. о правовой помощи и правоотношениях по гражданским, уголовным и семейным делам стран СНГ содержит единую коллизионную связь с правом места совершения (любой) сделки, заключения (международного) договора либо выдачи доверенности, несомненно, с учетом изъятия для сделок с недвижимостью, требования к которой применяются к праву государства, на территории которого находится имущество.

Обратимся к особенностям обеспечения международных частноправовых отношений Монголии и России (на примере работы торгового представительства Монголии в Российской Федерации).

Российско-монгольские отношения, общеизвестно, опираются на многолетнюю исто-

рию двустороннего дружественного, бесконфликтного взаимодействия, всеобъемлющи, ориентированы на дальнейшее долгосрочное развитие, содержат дух стратегического партнерства. По результатам рассмотрения договоров между Россией и Монголией полагаем важным отметить, что договор является именно тем средством (прежде всего политическим и юридическим инструментом), с помощью которого государства и другие (иные) субъекты международного права осуществляют (реализуют) поставленные перед собой цели и задачи.

На самом деле все государства в целом вольны устанавливать порядок и выбирать пути реализации международных договорных обязательств. Так, по мнению А. А. Шулакова, «естественно, эти принятые способы и меры не обязаны выходить за пределы установленных границ (за рамки) международного права и наносить вред (ущерб) третьим, иными словами не принимающим участие в договоре государствам» [12. – С. 209].

В связи с этим Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ [10. – С. 2757] не является исключением, так как, определяя прежде всего порядок заключения международных договоров, закон, к сожалению, не уделяет требуемого (должного) внимания их практической реализации.

В данном контексте полагаем важным отметить: в соответствии с тем, что международное право, в том числе МЧП, не предписывает и, как правило, не всегда разрешает на практике всех вопросов, связанных с совершением (практической реализацией) международных договоров, они обязаны (преимущественно должны) быть урегулированы во внутреннем (национальном) праве либо в соответствующей практике госорганов. В указанной связи дополнительно полагаем необходимым отметить, что законы (иные нормативные правовые акты) о международных договорах приняты во всех государствах – членах ЕАЭС, СНГ, СГ и других международных организациях, в которых участвует Россия. Тем не менее в подавляющем большинстве эти законы регулируют процедуры заключения, прекращения и действия международных договоров, и совершение международных договоров в этих законах почти не отражено.

В связи с этим полагаем важным сделать следующие основные выводы.

Если международный договор, вступивший в силу, не совершается по какой-либо причине, в том числе не совершается должным образом, то такой договор, оставшийся на уровне проекта, не приносит социально (и экономически) полезного результата, либо его действие значительно меньше, чем это могло бы быть, если бы условия договора были надлежащим образом выполнены.

В целях реализации международного договора государство уже в рамках межгосударственных отношений заключает гражданско-правовые договоры, имеющие очень большое значение (представляют высокую степень значимости) для выполнения собственных международных обязательств. Таким образом, субъекты межгосударственных отношений сегодня более активно принимают участие в договорном процессе, и их интересы учитываются во время разработки международных договоров.

О необходимости принятия закона «О реализации международных обязательств» начали говорить еще в 1998 г. На наш взгляд, сферы, которые связаны с исполнением международных обязательств, в частности обязательств, которые вытекают из международных договоров, должна быть четко регламентирована.

Механизмы реализации, которые установлены, круг (перечень) госорганов (органов госвласти и управления), обеспечивающих и осуществляющих практическое выполнение международных договоров, ответственности должностных лиц таких органов, взаимодействие и координация деятельности региональных и федеральных органов, информационная помощь, отчеты ведомств и министерств перед Президентом РФ и Правительством РФ на совершение международных договоров, осуществление сотрудничества госорганов с организациями и учреждениями, доведение до сведения граждан (граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства) информации, касающейся действующих международных договоров, в особенности тех, которые касаются прав и свобод гражданина и человека, более последовательная официальная публикация международных договоров и т. д. должны быть четко проработаны.

Предложенный нами закон смог бы касаться выполнения межправительственных и межгосударственных международных договоров, а с учетом специфики международных соглашений межведомственного характера вопросы, которые связаны с реализацией подобного рода соглашений, могли бы быть отражены в Постановлении Правительства РФ [8. – С. 1].

Механизмом реализации на практике международного договора является совокупность органов госвласти (федеральных и субъектов Федерации), муниципальных органов (органов местного самоуправления – ОМС), когда необходимо, организаций и учреждений, которые непосредственно участвуют в реализации международного договора, а кроме того, нормативных правовых актов, издаваемых властными органами в рамках определенной им компетенции, которые в свою очередь направлены на реализацию международных договоров.

Во время рассмотрения вопроса о совершении международных договоров зачастую выделяются правовые и организационно-исполнительные (либо организационно-административные) механизмы.

Необходимо отметить, что не представляется возможным четко разграничить организационные и правовые и исполнительные механизмы реализации, а этого и не нужно. Эти механизмы обязаны быть согласованы, и лишь таким образом можно предоставить эффективное совершение международных обязательств. Не представляется возможным рассматривать правовые меры, не затрагивая исполнительные и организационные меры, а кроме того, исполнительные и организационные меры неосуществимы в отсутствие некоторых правовых решений.

Результаты проведенного анализа нормативных положений, регламентирующих деятельность федеральных органов исполнительной власти (федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства), позволили сформулировать следующий вывод: в положениях, регламентирующих деятельность перечисленных органов, практически не установлены функции по реализации международных договоров РФ. Выявленные недостатки, по нашему мнению, не могут не сказаться на эффективном выполне-

нии международных обязательств РФ, которые в свою очередь на сегодняшний день носят недостаточно систематизированный характер.

В указанной связи полагаем целесообразным внести в соответствующие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов исполнительной власти, соответствующие правила и порядок реализации международных договоров РФ в рамках определенной каждому из таких органов компетенции.

В совершении международных обязательств государства принимают участие разные государственные органы, а кроме того, учреждения и организации. Спектр государственных органов, которые в свою очередь могут участвовать (как правило, на практике участвуют) в выполнении международных обязательств РФ, довольно широк (не имеет закрытого перечня). Прежде всего это органы исполнительной, законодательной, судебной власти и органы власти субъектов РФ и ОМС.

Подобный порядок вещей обуславливается тем, что все из вышеозначенных органов наделены собственной компетенцией, решают поставленные перед ним задачи и выполняют определенные функции.

При совершении международного договора государство прежде всего исходит из его содержания (содержательной части) и определяет органы (перечень органов), которые будут совершать (осуществлять практическую реализацию) такой договор. Так, для реализации определенных международных договоров нужно принять новое законодательство либо обновить старое, которое подразумевает участие законодательных органов в их совершении, так как реализация определенных международных договоров невозможна в отсутствие принятия определенных законов.

В определенных случаях, к примеру во время присоединения к разностороннему международному договору, который уже вступил в силу, РФ имеет возможность (может) привести свое законодательство в (непосредственное) соответствие с заключенным международным договором даже до ратификации, т. е., другими словами, до прямого выражения согласия на его обязательность. В этом случае, когда подобный договор вступит в силу в отношении РФ, Россия получит воз-

можность (сможет) его эффективно выполнять, в силу того что необходимая нормативная правовая база будет, во-первых, уже подготовлена и, во-вторых, будет соответствовать международному договору, поэтому РФ сможет и будет избегать задержек, которые связаны с созданием необходимой нормативно-правовой базы, и добросовестно выполнять собственные обязательства.

Полагаем очевидным тот факт, в соответствии с которым принятие необходимых законодательных и подзаконных актов, а также иных положений нормативного характера для реализации международных договоров не должно (и не имеет права) задерживаться. В иных случаях международный договор не будет выполняться должным образом, и тогда будет нарушен принцип Римского права (и международного права), в соответствии с которым контракты обязаны соблюдаться. На наш взгляд, необходимо рассмотреть необходимость согласования положений законодательства с договорными обязательствами в то же время либо практически в то же время с вступлением в силу определенного договора.

Органы исполнительной власти играют главную роль в реализации международных договоров РФ. Приведем следующий пример: Президент РФ и Правительство РФ в соответствии с возложенными на них обязанностями, а также выполняемыми ими функциями и задачами принимают меры, направленные на обеспечение (надлежащего) выполнения международных договоров РФ. Помимо этого, по статье 21 Федерального закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ о Правительстве РФ [11. – С. 5712], российское правительство обеспечивает, во-первых, выполнение обязательств РФ по международным договорам и, во-вторых, следит (осуществляет контроль) за выполнением другими участниками таких договоров их непосредственных обязанностей (обязательств).

Следовательно, российское правительство наделено необходимыми (функциональными) полномочиями, которые связаны с исполнением международных договоров РФ. Тем не менее совершение этих полномочий осложняется тем, что РФ является участником приблизительно 20 000 международных договоров, которые заключены на разных уровнях. Предоставление подобного комплек-

са международных правовых актов одному госоргану представляется весьма проблематичным и нерациональным.

В данной связи представляется целесообразным, чтобы Президент РФ и Правительство РФ занимались предоставлением межправительственных и межгосударственных международных договоров, а ведомства и министерства предоставляли реализацию международных договоров межведомственного характера.

Вопрос участия организаций и учреждений в совершении международных договоров РФ является, во-первых, весьма трудным, во-вторых, до сих пор не урегулированным должным образом в российском законодательстве и, в-третьих, не исследованным в достаточной степени в юридической науке. Тем не менее участие различных организаций (национальных, международных) в совершении (исполнении и реализации) международно-правовых норм предусмотрено достаточно большим числом международных договоров.

В необходимых случаях государство может привлекать учреждения и организации к совершению международных договоров. Подобные отношения строятся на базе гражданско-правовых договоров и регулируются гражданским законодательством. В частности, статьи 763–768 ГК РФ предусматривают заключение договоров на выполнение подрядных работ для государственных либо муниципальных нужд. Подобные договоры предназначены для удовлетворения интересов РФ либо субъекта Федерации. В нашем случае подобные гражданско-правовые договоры будут заключаться в целях выполнения международных договоров РФ и, соответственно, удовлетворения интересов РФ, которые связаны с действиями на международной арене (в международном формате) и проведением (практической реализацией) ее государственной внешней политики.

На практике для достижения целей реализации международного договора каждое государство, изначально находясь в рамках межгосударственных отношений, заключает гражданско-правовые договоры, которые, как отмечено выше, весьма значимы для выполнения собственных международных обязательств. В указанной связи полагаем возможным определить, что в современном мире

субъекты международных и межгосударственных отношений, как правило, более активно принимают участие в договорном процессе; в свою очередь интересы таких субъектов учитываются во время разработки международных договоров.

Завершая исследование, полагаем значимым отметить, что на сегодняшний день имплементация международных договоров РФ до сих пор законодательно не регламентирована на должном уровне, при этом подавляющее большинство вопросов решается на основе сложившейся практики, формируемой государственными органами и несколько

реже международными организациями; в свою очередь население (общество) недостаточным образом осведомлено о наличии и сути международных договоров, особенно тех, которые затрагивают их интересы и в первую очередь права и свободы. В сложившихся условиях возникает объективная необходимость выработки продуманных подходов и механизмов выполнения (практической реализации) международных договоров, их законодательного отражения в целях защиты прав и интересов личности, общества, государства и мирового сообщества в целом.

Список литературы

1. Асосков А. В. Право, применимое к договорному обязательству: комментарий к статье 1211 ГК РФ // Закон. – 2016. – № 4. – С. 66–69.
2. Вельяминов Г. М. К вопросу о соотношении международного права и национальных правовых систем // Государство и право. – 2015. – № 5. – С. 99–102.
3. Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.
4. Гарагуля М. И. Понятие применимого права во внешнеэкономических договорных отношениях // Пространство экономики. – 2010. – № 2–3. – С. 217–221.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
6. Канаевский В. А. Международные сделки: правовое регулирование. – М. : Международные отношения, 2016.
7. Международное частное право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова, А. С. Лалетиной. – М. : Проспект, 2015.
8. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. – 1998. – № 3.
9. Старженецкий В. В. Временное применение международного договора, противоречащего национальному праву: невозможное возможно? // Международное правосудие. – 2015. – № 3. – С. 94–100.
10. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
11. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
12. Шулаков А. А. Взаимодействие институтов международного частного права // Журнал международного частного права. – 2014. – № 4. – С. 207–211.

**К вопросу нарушения прав миноритарных акционеров
и способов защиты этих прав**

В. А. Викторова

магистрантка 2 курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: www.natashka17@rambler.ru

**To the Issue of Violation of the Rights of Minority Shareholders
and Ways to Protect these Rights**

V. A. Viktorova

Master of the Second Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: www.natashka17@rambler.ru

Аннотация

В России в акционерных обществах выделяется особая категория акционеров, чьи права зачастую нарушаются или каким-либо образом ограничиваются. Таковой являются миноритарные акционеры, по-другому – миноритарии. Данная статья посвящена исследованию их правового положения. Во многих странах мира, в том числе в Российской Федерации, законодательство содержит ряд норм, направленных на защиту миноритариев. Автор выражает мнение, что необходимо учитывать баланс интересов миноритарных и мажоритарных акционеров. Он замечает, что несоблюдение такого баланса способно привести к негативным последствиям не только для самих миноритариев, но и для акционерного общества в целом, для отношений между акционерным обществом и учредителями. Целью статьи является выявление основных возможных нарушений прав миноритарных акционеров и анализ основных способов защиты этих прав. С учетом сложившейся практики отмечается, что на сегодняшний день существует достаточное количество способов защиты прав миноритарных акционеров, которые закреплены в действующих нормативно-правовых актах. В статье рассматриваются как юрисдикционные, так и не юрисдикционные способы защиты. Тем не менее автор приходит к выводу о том, что законодательство в данной области не является совершенным, содержит пробелы, что приводит к неоднозначному правовому регулированию в данной сфере. Предлагается внести изменения в законодательство и расширить круг возможных способов защиты путем разрешения третейского разбирательства.

Ключевые слова: акция, акционер, миноритарный акционер, мажоритарный акционер, собрание акционеров, нарушение прав, защита прав, иск.

Abstract

In Russian Federation in joint-stock companies there is a special category of shareholders whose rights are often violated or restricted in any way. These are minority shareholders. This Article is devoted to the research of their legal status. In many countries, including Russia, the legislation contains a number of the norms aimed at protecting minority shareholders. The author expresses opinion that it is necessary to consider the balance of interests between minority and majority shareholders. The author notices that non-compliance with such balance is capable to lead to negative consequences not only for minority shareholders, but also for joint-stock company in general, for the relations between joint-stock company and its founders. The purpose of this article is to identify the main possible violations of the rights of minority shareholders and to analyze the main ways to protect these rights. Taking into account the established practice, the author notes that today there is enough ways to protect the rights of minority shareholders which are affirmed in the existing normative legal acts. In article, both jurisdictional, and not jurisdictional ways of protection are considered. Nevertheless, the author comes to the conclusion that the legislation in this field is not perfect, contains gaps that leads to ambiguous legal regulation in this sphere. It is offered to make changes to the legislation and to expand a circle of possible ways of protection by resolving the arbitration proceedings.

Keywords: share, shareholder, minority shareholder, majority shareholder, shareholders meeting, violation of rights, protection of rights, lawsuit.

Акция возникает в предпринимательском обороте для формирования уставного капитала и организационного оформления нового акционерного общества, а также для пополнения уже существующего капитала. Акционер, вкладывая свои средства в коммерческое дело, официально не становится собственником станков, оборудования, зданий, денег, иного имущества. Соглашаясь с данной юридической фикцией, в подтверждение своих вложений и пропорционально им он получает акции [2].

В настоящее время акция является самой распространенной эмиссионной ценной бумагой, которая выпускается только юридическим лицом определенной организационно-правовой формы – акционерным обществом (АО). Это означает, что хозяйственные товарищества, кооперативы и юридические лица иных организационно-правовых форм не могут быть эмитентами акций.

В соответствии с Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 29.12.2012) (далее – ФЗ № 208-ФЗ), эмитентом акций выступает акционерное общество – коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу. Правовое регулирование выпуска и обращения акций помимо указанного закона осуществляется Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 29.12.2012) [10].

Как и любая другая именная эмиссионная ценная бумага, акция характеризуется рядом определенных признаков:

- закрепляет совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных законом формы и порядка;
- размещается выпусками;
- имеет равный объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска вне зависимости от времени приобретения акции.

Согласно ФЗ № 208-ФЗ, основными правами акционеров являются:

1. Право участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции (за исключением владельцев привилегированных акций).
2. Право на получение дивидендов.
3. Право на получение части имущества.

Акционерами могут быть граждане и юридические лица. По закону объем прав всех акционеров предполагается как равный, однако на практике это не совсем так. В зависимости от величины пакета акций существует практическое разделение акционеров на миноритарных и мажоритарных. К сожалению, на сегодняшний день легального определения данных дефиниций в законодательстве не предусматривается, что зачастую приводит к неверному судебному толкованию данного понятия. На наш взгляд, для устранения данного пробела было бы целесообразно закрепить легальное определение в Федеральном законе «Об акционерных обществах».

Для уяснения понятия миноритарного акционера можно обратиться к теории, которая под мажоритарными акционерами понимает крупных акционеров, владельцев такого пакета акций, который позволяет существенно влиять на управление АО. Под миноритарными же понимаются акционеры того или иного АО, которые в силу малозначительности принадлежащего им пакета акций не обладают правом на участие в управлении компанией. Такой пакет обычно называют «неконтролирующим».

Как видно из определений, миноритарные акционеры являются более слабой стороной, что зачастую приводит к нарушению принадлежащих им прав. На практике крупные акционеры стараются «избавиться» от таких мелких акционеров, завладеть большим пакетом акций. Такую возможность им дает введенная глава XI.1 «Приобретение более 30 процентов акций открытого общества». В развитие этой главы ФСФР России был издан Приказ от 13 июля 2006 г. № 06-76/пз-н «Об утверждении положения о требованиях к порядку

совершения отдельных действий в связи с приобретением более 30 процентов акций открытых акционерных обществ», который ввел такие возможные действия, как добровольное обязательное предложение о приобретении акций и принудительный выкуп акций у акционеров. В этой связи нормы о выкупе из диспозитивных преобразовались в принудительные. Установленная законом обязанность акционера, который приобретает 30 и более процентов акций, направить предложение о покупке акций у остальных акционеров нацелена в первую очередь на защиту интересов владельцев минимального количества акций, коими являются миноритарии. На практике цена выкупа приводит к нарушению прав миноритариев. Владельцы миноритарных пакетов акций, не участвующие в торгах, как правило, не знают реальной рыночной стоимости акций. Ни для кого не секрет, что миноритарные акционеры заинтересованы в продаже своего пакета акций по как можно более высокой цене, а мажоритарные в свою очередь заинтересованы в приобретении того же пакета по как можно более низкой цене. В связи с этим мажоритарии нередко используют наличие небольшого объема корпоративных прав миноритариев в целях корректировки рыночной цены выкупаемых у них акций путем ее уменьшения, что, бесспорно, нарушает права и законные интересы последних, имеющих право на справедливую компенсацию своих вложений.

Наряду с занижением цены выкупаемых акций возможны и другие нарушения прав миноритарных акционеров. Например, возможны нарушения при созыве и подготовке проведения общего собрания акционеров при решении вопроса о реорганизации данного акционерного общества в форме присоединения. Как правило, порядок принятия данного решения регламентируется ФЗ № 208-ФЗ. Отсюда можно сделать вывод о том, что нарушены могут быть все те права, которые обычно допускаются при созыве и подготовке любого общего собрания, а именно:

а) невключение миноритариев в список имеющих право на участие в общем собрании лиц для принятия решения о присоединении;

б) неуведомление или ненадлежащее уведомление о проведении общего собрания акционеров;

в) неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств акционерного общества по предоставлению миноритарным акционерам информации, связанной с проведением общего собрания. Обычно на практике это выражается в предоставлении неполной информации или же неправомерном отказе в ее предоставлении;

г) принятие решения о реорганизации при отсутствии кворума для проведения ОСА (согласно пункту 1 статьи 58 Закона об АО, ОСА для принятия решения о присоединении имеет кворум, если в нем приняли участие акционеры – владельцы обыкновенных и привилегированных акций, обладающие в совокупности более чем 50% голосов, размещенных обыкновенных и привилегированных акций АО). В случае если миноритарный акционер узнал о каких-либо нарушениях своих прав, допущенных при созыве и подготовке ОСА для принятия решения о присоединении, и он не принимал участия в нем или голосовал против такого решения, а также если указанным решением нарушены его права и законные интересы, он вправе обратиться в суд с требованием о признании решения о присоединении недействительным (пункт 7 статьи 49 Закона об АО). Срок исковой давности по таким требованиям составляет шесть месяцев со дня, когда акционер узнал или должен был узнать о принятом решении. Однако суд вправе с учетом всех обстоятельств дела оставить в силе обжалуемое решение о присоединении, если присутствует совокупность следующих условий: 1) голосование данного акционера не могло повлиять на результаты голосования; 2) допущенное нарушение не является существенным и 3) принятое решение не повлекло причинения убытков этому акционеру [9].

Права миноритариев могут быть нарушены и в случае определения коэффициента конвертации акций в связи с прекращением акционерного общества и его присоединением к другому. По общему правилу акционеры присоединяемого общества должны автоматически стать акционерами общества, к которому происходит присоединение. Принадлежащие им при этом акции конвертируются на основании определенного коэффициента. Данный коэффициент является крайне важным условием присоединения, так как опре-

деляет соотношение прав акционеров в обществе, к которому произошло присоединение. Проблема здесь состоит в том, что в законодательстве требования к расчету коэффициента конвертации отсутствуют, т. е. расчет производится только по договоренности сторон и указывается в договоре присоединения, согласованном менеджментом. Сами же акционеры не могут повлиять на содержание договора. В том случае если миноритарии будут не согласны и проголосуют против присоединения, а решение о присоединении все же будет одобрено общим собранием акционеров, то присоединение осуществится на предусмотренных договором условиях. Если несогласный акционер не продал свои акции обществу по процедуре обязательного выкупа, они подлежат конвертации на условиях, предусмотренных договором о присоединении. В этой связи у акционера отсутствуют гарантии получения в результате конвертации акций той же экономической ценности [5].

Несмотря на то, что современное законодательство, регулирующее права миноритарных акционеров и их защиту, не является совершенным и содержит множество пробелов, существует ряд нормативно-правовых актов, предоставляющих им эти права и их защиту, в частности ФЗ № 208-ФЗ, а также Гражданский кодекс РФ. Данные акты закрепляют следующие положения:

1. При наступлении определенных случаев миноритарный акционер в силу статьи 75 ФЗ № 208-ФЗ имеет право требовать от акционерного общества выкупа всех или части принадлежащих ему акций. В случае если такое общество отказывается от выкупа, миноритарий вправе обратиться в суд с требованием обязать общество выкупить принадлежащие ему акции.

2. В силу пункта 4 статьи 49 ФЗ № 208-ФЗ миноритарные акционеры имеют право вето в результате установления требований квалифицированного большинства голосов при принятии решений по наиболее важным вопросам, касающимся деятельности общества.

3. В статье 58 ФЗ № 208-ФЗ закреплено правило пределов минимального присутствия акционеров на собрании.

4. Существует законодательно установленная возможность ограничения уставом АО максимального количества голосов, которые предоставляются одному акционеру. Данное установление содержится как в ФЗ № 208-ФЗ (пункт 3 статьи 11), так и в ГК РФ (пункт 5 статьи 99).

5. Выбор совета директоров является обязательным для любого АО. Выбор осуществляется путем кумулятивного голосования, что позволяет миноритарным акционерам иметь возможность избрания выдвинутых ими кандидатов в совет директоров. Кумулятивное голосование заключается в том, что голосование идет по всем кандидатам одновременно. Данная норма является императивной, что дает миноритариям право получить хотя бы представительство в этом органе.

Защита прав миноритарных акционеров

Сегодня мировой практике известно две формы защиты прав миноритарных акционеров: законодательное регулирование и правоприменение. При этом правоприменение может осуществляться в судебном порядке, органами власти или же самостоятельно участниками рынка, их объединениями и инвесторами. Очевидно, что с точки зрения минимизации затрат наиболее эффективны последние два способа защиты прав миноритарных акционеров – органами государственной власти и участниками рынка [7].

В настоящий момент в российской науке и законодательстве много внимания уделяется защите прав миноритарных акционеров. Однако законодательство и правоприменение находятся еще в стадии формирования. Более того, до недавнего времени среди некоторых ученых было распространено мнение о том, что права миноритариев являются надуманной проблемой [4].

В российском законодательстве существует несколько способов защиты прав миноритарных акционеров: юрисдикционный (административный и судебный) и неюрисдикционный (внутрикорпоративный порядок защиты, согласительный порядок, медиация).

Наиболее распространенным способом является *судебная защита*.

Согласно российской практике, для защиты своего нарушенного права миноритарии

вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении причиненных им убытков, связанных с ненадлежащим определением цены. Срок на подачу такого иска составляет 6 месяцев. Для определения цены, как правило, прибегают к помощи независимых оценщиков. Но для того чтобы избежать нарушения балансов интересов, миноритарии, не согласные с определяемой ценой, вправе предоставлять доказательства о ее занижении, в частности заключение другого эксперта и т. д. Также для защиты своего права они могут требовать от мажоритарных акционеров предоставления документов, на основании которых была произведена экспертная оценка, а в случае отказа – ходатайствовать в суде об истребовании таких документов.

Также в случае заключения АО крупной сделки с нарушением порядка ее одобрения миноритарный акционер имеет право обратиться в суд с иском о признании ее недействительной, при этом, согласно статье 5 ФЗ «Об акционерных обществах», срок исковой давности восстановлению не подлежит.

Еще одной разновидностью судебных исков является иск о возмещении причиненных убытков как самому обществу, так и непосредственно миноритарному акционеру. Такого рода иски можно подать в случае нарушения прав в результате действий члена совета директоров. Так как круг подлежащих оспариванию вопросов достаточно узок, то, согласно Постановлению Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18 ноября 2003 г. № 19 № «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об акционерных обществах», любые решения совета директоров и исполнительного органа в случае несоответствия требованиям законодательства и нарушающих права акционеров могут быть оспорены в суде.

Ограничением права на подачу иска в суд является установленная законом императивная норма, согласно которой не все из вышеперечисленных исков может подать любой акционер. Некоторые иски могут подать только акционеры, обладающие достаточным размером доли. Например, иск о возмещении убытков акционерному обществу членом совета директоров может быть подан в случае обладания не менее 1% размещенных акций.

Административные способы защиты

Административная защита предполагает защиту со стороны государственных органов. При этом орган может быть инициатором защиты прав по собственной инициативе. Таким образом, миноритарным акционерам в случае нарушения их прав не всегда обязательно лично обращаться за защитой в уполномоченные органы.

Особенность данного способа защиты заключается в том, что акционерное общество не возмещает убытки противоположной стороне, а непосредственно подвергается санкции со стороны государства.

Примером административной защиты может послужить установленная возможность миноритарных акционеров обратиться в Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) в случае незаконного лишения права подписи дополнительных акций и эмиссионных ценных бумаг. В таком случае ЦБ РФ вправе отказать в государственной регистрации выпуска акций, а также признать такой выпуск несостоявшимся или приостановить эмиссию [11]. Необходимо отметить, что данный случай не требует судебного разбирательства, а разрешается непосредственно ЦБ РФ самостоятельно.

Таким образом, административный способ рассмотрения споров в определенных случаях является крайне эффективным и оперативным способом защиты прав миноритарных акционеров.

Данный способ защиты права зачастую является крайне эффективным, однако на практике применяется реже, чем судебный.

Внутрикорпоративные способы защиты

Внутрикорпоративные способы защиты применяются непосредственно внутри акционерного общества. Они могут выражаться в проведении переговоров или создании согласительной комиссии. Возникшие споры разрешаются на основании акционерного соглашения, которое содержит положения, регулирующие права как миноритариев, так и мажоритариев, а также порядок проведения различных согласительных процедур.

Также к корпоративным способам защиты можно отнести наличие в акционерном обществе такого органа, как корпоративный секретарь. Данная должность была закреплена

еще 21 августа 1998 г. в Квалификационном справочнике, утвержденном Постановлением Минтруда. Данное лицо как раз и занимается защитой нарушенных прав.

В теории права выделяют различные внутрикорпоративные способы защиты прав миноритариев. Например, В. В. Долинская выделяет следующие:

1. Защита прав самостоятельными действиями уполномоченного лица.

2. Согласительный (согласовательный) порядок защиты.

Согласительный порядок урегулирования споров

Ярким примером согласительного порядка урегулирования споров является медиация. В соответствии с пунктом 2 статьи 2 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиацией является способ урегулирования споров при содействии посредника (медиатора). Данный порядок применяется в целях достижения сторонами взаимоприемлемого решения по их взаимному согласию.

Следует сказать, что к процедуре медиации прибегают не так часто, но тем не менее в российском праве в последнее время появляется тенденция, в соответствии с которой участники правоотношений обращаются именно к этому способу урегулирования различных споров и конфликтов.

На мой взгляд, данный способ защиты права довольно эффективный, так как полностью является диспозитивным и предоставляет сторонам право самостоятельного выбора гарантий и прав, обеспечивающих интересы как миноритарных, так и мажоритарных акционеров.

Разрешение споров в третейских судах

До недавнего времени третейское разбирательство широко применялось акционера-

ми для разрешения возникших между ними споров. Однако сегодня миноритарные акционеры таким правом защиты для разрешения возникших конфликтов не обладают. Определением Арбитражного суда Москвы от 21 июня 2011 г. по делу № А40-35844/2011-69-311, поддержанным арбитражным судом Московского округа, также Высшим арбитражным судом было установлено, что корпоративные споры являются неарбитрабельными, т. е. не подлежат рассмотрению в третейских судах и подлежат рассмотрению только в государственных судах. Поэтому на данный момент невозможно утверждать, что рассмотрение спора в третейском суде может применяться в качестве способа разрешения спора между акционерами [4]. Однако, на наш взгляд, было бы эффективно наделить акционеров данным правом, в связи с тем что третейское разбирательство обладает рядом положительных черт, а именно: конфиденциальностью, компетентностью, оперативностью разбирательства.

В заключение отметим, что миноритарные акционеры являются более слабой стороной в акционерном обществе, что зачастую приводит к различным нарушениям принадлежащих им прав. Несмотря на то, что в законах не содержится конкретных положений, касающихся прав миноритарных акционеров и их защиты, в настоящий момент законодательство не стоит на месте и находится на стадии формирования. Более того, существует достаточное количество механизмов для защиты этих прав, как юрисдикционных, так и неюрисдикционных. Но тем не менее законодательство не совершенно, существует множество пробелов и проблем в правовом регулировании вышеуказанных вопросов, которые еще необходимо устранить для улучшения правового положения миноритарных акционеров в российских акционерных обществах.

Список литературы

1. Бычков А. О миноритарном акционере замолвите слово // *Эж-Юрист*. – 2014. – № 27.
2. Гончаров А. И. Серия 5: Юриспруденция // *Вестник Волгоградского государственного университета*. – 2014. – № 2. – С. 80–85.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (действующая редакция, период действия с 02.10.2016) // *ГАРАНТ* – Ст. 1551.
4. Гриб В. В. Защита прав миноритарных акционеров в Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. – 2014. – № 5. – С. 810–815.
5. Гришин К. Ю. Миноритарии и мажоритарии: когда, кого и от чего защищать. – URL: <http://ppt.ru/news/92627>
6. Долинская В. В., Фалеев В. В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление. – М., 2010.
7. Ефремов А. П. Проблема защиты прав миноритарных акционеров на российском фондовом рынке // *Теория и практика общественного развития*. – 2014. – № 5. – С. 220–222.
8. Определением Арбитражного суда г. Москвы от 21 июня 2011 г. по делу № А40-35844/2011-69-311. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2016).
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 18 ноября 2003 г. № 19. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2016).
10. Симеева Е. П., Дементьева Т. В. Принципы правового регулирования эмиссии и размещения акций // *Вестник Волгоградского государственного университета // ВАК РФ*. – 2013. – № 6. – С. 58–60.
11. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп., вступ. в силу 09.02.2016). – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2016).
12. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об акционерных обществах». – Ст. 94. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=16294#047507895213389784>
13. Шиткина И. С. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // *Хозяйство и право*. – 2011. – № 2. – С. 36–47.

**Динамика цен на жилую и коммерческую недвижимость, расположенную
вблизи больших спортивных арен****В. В. Круглов**

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: vladimirkrugloff@yandex.ru

**Dynamics of Prices for Residential and Commercial Property
Located near the Big Sports Arenas****V. V. Kruglov**

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,

Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: vladimirkrugloff@yandex.ru

Аннотация

Фактор спортивной инфраструктуры является важным для рынка недвижимости, и во многом данный фактор влияет на стоимость предлагаемой как коммерческой, так и жилой недвижимости. В данной статье автор описывает влияние цен на недвижимость вблизи различного рода спортивных арен. Поэтому можно предположить, что наличие большой спортивной арены, например футбольного стадиона, будет существенно влиять на цену недвижимости, что происходит во многих западных странах. Изучение данного влияния способно положительно влиять на развитие экономики в спорте и оказывать влияние на рост финансовой прибыли различных спортивных объектов. Активное развитие спорта, а также повышение интереса к различного рода спортивным объектам и спортивным командам ведет к тому, что расположение спортивной арены может влиять на цену недвижимости вблизи данного объекта. В России в 2018 г. состоится Чемпионат мира по футболу, проведение которого во многом способно вывести экономику спорта на новый уровень и увеличить востребованность спортивных сооружений, а значит, и цены на недвижимость рядом с ними.

Ключевые слова: экономика спорта, инвестиции, тенденциозность, анализ рынка, спортивная инфраструктура, жилая недвижимость.

Abstract

The factor of sports infrastructure is important for the real estate market and in many respects this factor affects the cost of the offered, both commercial and residential real estate. In this article, the author describes the impact of property prices near a variety of sports arenas. Therefore, it can be assumed that the presence of a large sports arena, for example, a football stadium will significantly affect the price of real estate, which occurs in many Western countries. The study of this influence can positively influence the development of the economy in sports and influence the growth of financial profit of various sports facilities. Active development of sports, as well as increasing interest in various sports facilities and sports teams leads to the fact that the location of the sports arena can affect the price of real estate near this object. In Russia, in 2018, the World Football Championship will be held, which, in many ways, can bring the sports economy to a new level and increase the demand for sports facilities, and hence the prices for real estate next to them.

Keywords: sports economy, investment, tendentiousness, market analysis, sports infrastructure, residential real

Текущее десятилетие называют «золотым десятилетием» спорта в России, так как впервые в столь короткий промежуток времени наша страна организует крупнейшие

мировые спортивные соревнования, включая Универсиаду, Олимпийские игры, чемпионат мира по водным видам спорта и чемпионат мира по футболу. Проведение подобных со-

бытий предоставляет широкие возможности для анализа их влияния на социально-экономические показатели на региональном и национальном уровне.

Организация крупных спортивных соревнований относится в первую очередь к области спорта высших достижений, цель которого – достижение спортсменами высоких спортивных результатов. В то же время созданная для крупных спортивных соревнований инфраструктура напрямую используется в дальнейшем для профессионального и массового спорта. Также крупные спортивные соревнования оказывают косвенное стимулирующее влияние на профессиональный, массовый спорт и его составляющие – школьный и студенческий спорт, являясь вершиной в спортивной пирамиде.

Экономика сферы спорта на данном этапе развития представляет собой сформированную систему с четкой логико-структурной организацией и определяющим аппаратом. Но трансформационные процессы в обществе оказывают значительное влияние. Глобализационные процессы в значительной мере видоизменили отношение к экономике сферы спорта.

В XXI столетии происходит интернационализация экономики сферы спорта, которая связана в первую очередь с интернационализацией как отдельных видов спорта, так и выдающихся спортсменов, которые становятся известными по всему миру [1].

Аспекты интернационализации экономики сферы спорта можно представить следующим образом:

1) концептуальный аспект – экономика сферы спорта динамично развивается и является объектом фундаментального исследования многих ученых всего мира;

2) качественный аспект – интернационализация капитала (постоянный рост количества компаний, которые не имеют прямого отношения к сфере спорта, но выступают в качестве спонсоров разнообразных спортивных мероприятий), интернационализация рынка спортивных товаров (расширение и создание мультинациональных корпораций);

3) количественный аспект – характеризуется долей валового внутреннего продукта, которая наглядно показывает объем экономи-

ки сферы спорта, национальной и международной экономики.

Одним из главных принципов развития экономики сферы спорта является привлечение инвесторов, а привлечение спонсоров невозможно без четко спланированного и заранее разработанного спонсорского пакета. Привлечение спонсоров при проведении массовых спортивных мероприятий генерирует дополнительные средства, необходимые спортивной организации, и дает возможность сделать мероприятие более массовым (низкая стоимость билетов, анонсирование в СМИ) и более зрелищным (привлечение знаменитых отечественных и иностранных спортсменов).

Последние десятилетия ученые считают эрой развития непроизводственной сферы. С этим связано не только всевозрастающее количество занятых в данной отрасли, но и общее количество денежных средств, которые обращаются, и быстро возрастающая доля в валовом внутреннем продукте страны. Спорт как одна из перспективных отраслей непроизводственной сферы динамически развивается. Экономика сферы спорта как молодое, но перспективное направление требует дальнейшего развития, учитывая реалии сегодняшнего дня. Для развития экономики сферы спорта предприятиям необходимо привлекать дополнительные средства в виде спонсорских поступлений. Учитывая влияние мирового экономического кризиса, инвестиционная привлекательность сферы спорта претерпела небольшие потери. И инвестиционные поступления будут довольно постоянным потоком вливаться в отрасль. Но инвесторам следует уделять внимание не только возвращению вложенных средств в развитие предприятий сферы спорта, но и сохранению основных принципов спорта, таких как массовость, доступность и беспристрастность. Именно тогда экономика сферы спорта будет динамично развиваться, а предприятия приносить постоянный и стабильный доход [6. – С. 52–55].

Особенное влияние на развитие экономики стран оказывают различные мировые спортивные события. Так, в столицах международных спортивных соревнований цены на недвижимость повышаются на один процент в течение трех лет.

Места проведения соревнований привлекают инвесторов, после чего в городах появляются новые объекты инфраструктуры, в том числе много жилых зданий. Проведение Олимпиады способствует развитию туризма, а также появлению новых рабочих места.

Олимпийские игры оказывают позитивное влияние на рынки, которые находятся на начальных этапах цикла. Во время соревнований наблюдался рост на недвижимость во всех городах, кроме Рио-де-Жанейро и Ванкувера.

Анализ рынка недвижимости Великобритании показал, что с приближением футбольного сезона цены на недвижимость в Великобритании, которая расположена вблизи футбольных полей клубов, играющих в премьер-лиге, выросли более чем в два раза – на 129% за последние 10 лет.

Любопытная статистика от банка «Галифакс» о том, как связано одно из любимейших развлечений британцев – футбол – и цены на жилую недвижимость в Великобритании, опубликована на днях.

Согласно данным, представленным в отчете, средняя цена на жилье в районах, где расположены 20 клубов, входящих в футбольную премьер-лигу в 2014–2015 гг., составляет сейчас 329 520 фунтов, что на 79 918 фунтов выше, чем средняя цена по Англии и Уэльсу, которая равна 249 601 фунту. Рост цен на недвижимость в футбольных районах более чем в два раза превысил средний рост по Англии и Уэльсу – примерно 55% за 10 лет. В футбольных же районах цены выросли примерно на 185 478 фунтов за последнее десятилетие – с 144 042 фунтов в 2004 г. до 329 520 фунтов в 2014 г., что эквивалентно росту в 386 фунтов в неделю [13]. Самый большой рост цен был в районе стадиона клуба «Манчестер Сити» – Etihad Stadium, где средняя цена на недвижимость выросла на 150% за последнюю декаду. Цены на жилье в районе стадиона Hull Stadium футбольного клуба «Сити» выросли на 123% – второй показатель по стране. На третьем месте цены на недвижимость вблизи стадиона, принадлежащего клубу «Челси» – Stamford Bridge – здесь цены на недвижимость выросли на 121% за 10 лет. Несмотря на то, что в районе клуба «Челси» – Stamford Bridge – не достигнут самый большой рост

цен, этот район самый дорогой из всех, средняя цена в нем составляет 959 522 фунта. Чтобы заработать эту сумму, жителю Лондона из того же района надо работать более 18 лет. В районе стадиона «Арсенал» доступность жилья несколько лучше и составляет 11,7 годовых заработных плат; далее следует район стадиона Queen Park Rangers, где средняя стоимость недвижимости составляет 10,6 годовых доходов лондонца, а в районе стадиона Тоттенхэм – 8,7 [13]. Наиболее доступные районы вблизи стадионов премьер-лиги – Ливерпуль и футбольный клуб «Эвертон». В этих районах типичный дом стоит всего 2,2 годовые заработные платы.

Нет единого правила, объясняющего, почему недвижимость вблизи клубов премьер-лиги дороже. Некоторые клубы переехали на новые стадионы и в районы с развитой инфраструктурой, что стало причиной для роста цен. Такова ситуация далеко не везде. Не очень понятно, как успех игроков того или иного клуба на поле связан с ростом цен на жилье. Тем не менее статистика – вещь упрямая: цены на недвижимость в Великобритании вблизи стадионов премьер-лиги выросли за 10 лет более чем в два раза. Влияет и размещение недвижимости рядом со стадионами и в Испании.

Домашняя арена «Севильи» – «Рамон Санчес Писхуан» (Estadio Ramón Sánchez Pizjuán) – имеет вместимость 45 500 болельщиков и находится в центральном районе Нервьон (Nervión), поэтому игроков клуба иногда называют «нервионцами». Самую недорогую однокомнатную квартиру площадью 28 кв. м на улице Себастьян Трухильо (Calle Sebastián Trujillo) можно приобрести за 34 000 евро. До стадиона отсюда 10 минут пешком по прямой. Квартира с двумя комнатами общей площадью 70 кв. м на улице Маркес дель Нервьон (Marqués del Nervión) стоит 199 000 евро. Чтобы добраться до стадиона из дома на этой улице, достаточно просто завернуть за угол. Трехкомнатная квартира площадью 205 кв. м на улице Кристо де ла сед (Calle Cristo de la Sed) будет стоить 350 000 евро. Элитные квартиры в районе Нервьон стоят порядка 1 млн евро. Например, огромную шестикомнатную квартиру площадью 440 кв. м на центральной улице Беатрис де Суабия (Calle Beatriz de Suabia) можно

приобрести за 1,2 млн евро [12]. Средняя стоимость жилья в районе Нервон составляет 274 000 евро.

Каждый восьмой из 234 000 жителей города Гранада болеет за одноименный футбольный клуб. Каждые выходные плотный поток красно-белой торсиды направляется на юг города в район Кампус де ла Салуд (Campus de la Salud), чтобы заполнить трибуны стадиона Лос Карминес (Estadio los Cármenes), вмещающие 22 524 человека. Арена находится на окраине города, тем не менее вокруг нее существует весьма плотная застройка. Недорогую трехкомнатную квартиру площадью 64 кв. м на улице Парагвай (Paraguay) можно приобрести за 49 900 евро. Отсюда до стадиона 6 минут ходьбы. На проспекте Илустрасьон (Ilustración) можно приобрести квартиру с двумя просторными комнатами общей площадью 95 кв. м стоимостью 240 000 евро. Четырехкомнатная квартира площадью 120 кв. м на проспекте Дилар обойдется в 290 000 евро. Средняя стоимость недвижимости в Гранаде вокруг стадиона «Лос Карминес» составляет 226 000 евро.

Футбольный клуб «Валенсия» собирает на домашнем стадионе Месталья (Estadio Mestalla) каждого шестого жителя города. Арена, расположенная в одноименном районе, вмещает 55 000 зрителей, что позволяет проникнуть на игры с участием «летучих мышей» с неповторимой атмосферой. Трехкомнатная бюджетная квартира на улице Доктор Ферран (Carrer Doctor Ferran) площадью 60 кв. м, обойдется в 48 000. Однушка площадью 57 кв. м в двух шагах от стадиона на улице Чиле (Xile) стоит 98 000 евро. Пять комнат общей площадью 100 кв. м на улице Амадео де Сабойя (Amadeo de Saboya) можно приобрести за 200 000 евро. Стоимость элитного жилья начинается с 600 000 евро, которые придется заплатить за пятикомнатную квартиру площадью 212 кв. м на улице Санчо Тельо (Vicente Sancho Tello). Лучшие квартиры в этом районе продаются на улице Аламеда (Alameda), протянувшейся вдоль русла реки Турии. Реку еще в 1950-е после очередного страшного наводнения перенесли на три километра южнее города, а в русле организовали шикарные парковые зоны. Четырехкомнатная квартира площадью 245 кв. м, расположенная на этой улице, будет стоить уже

1 150 000 евро. Средняя стоимость недвижимости в Валенсии в районе Месталья составляет 420 000 евро.

Сан-Себастьян славится исключительной любовью жителей к родному клубу «Реал Сосьедад». Каждый двенадцатый житель города с населением 185 тыс. человек регулярно посещает стадион «Аноэта» (Estadio Anoeta), вмещающий 32 076 зрителей. Спортивная арена бело-синих находится в довольно престижном районе Амара (Amara) вдоль берегов реки Урумеа (Urumea). Студия площадью 20 кв. м в двух шагах от стадиона на улице Изабель Хирибидеа (Isabel Hiribidea) обойдется в 87 000 евро. Это минимальная цена, за которую можно приобрести жилье в этом районе. Двухкомнатная квартира площадью 60 кв. м на Саграда Фамилия (Sagrada Familia Kalea) обойдется в 300 000. Элитные квартиры в этом районе Сан-Себастьяна стоят в среднем от 500 000 до 1,5 млн евро. Так, например, шикарная трехкомнатная квартира площадью 300 кв. м на площади Папы Пия XII (De Pio XII Plaza) в двух автобусных остановках от стадиона обойдется в 1 450 000 евро [12]. В среднем недвижимость в районе Амара стоит 450 000 евро. Ранее 24.ru писал, что провинция Гипускоа (Gipúzcoa), центральным городом которой и является Сан-Себастьян, признана самым дорогим регионом Испании.

В Бильбао каждый десятый из 353 000 жителей посещает домашнюю арену клуба «Атлетик» – стадион «Сан-Мамес» (Estadio San Mamés). Арена, вмещающая 39 670 человек, находится в центральном районе Индаусу (Indautxu) и стоит практически вплотную к стенам домов двух кварталов этого района. Средняя стоимость недвижимости здесь составляет 500 000 евро. Однокомнатная квартира площадью 50 кв. м на улице Хенераль Эгия (Eguia General) в 5 минутах ходьбы от стадиона обойдется в 150 000 евро. Трехкомнатная квартира площадью 55 кв. м на улице Лисенсиадо Поса (Poza Licenciado) в десяти минутах пешего пути от домашней арены красно-белых стоит 200 000 евро. Цены на элитные квартиры поднимаются до 1,5 млн евро. Так, роскошная четырехкомнатная квартира площадью 250 кв. м на центральной улице Бильбао – Диего Лопес де Аро (Lopez de Haro Diego) – стоит 1,3 млн евро.

Столица Каталонии – Барселона – славится не только своей уникальной архитектурой, но и легендарной командой, за которую на протяжении всей ее истории выступают лучшие футболисты мира. Домашние матчи «Барса» играет на «Камп Ноу» (Camp Nou) – самом крупном стадионе в Европе, вмещающем 98 600 зрителей. Студия площадью 28 кв. м на улице Берлин (Carrer de Berlin) в 15 минутах ходьбы от стадиона стоит 70 000 евро. Трехкомнатная квартира площадью 60 кв. м в двух шагах от стадиона стоит 105 000 евро. Неподалеку от «Камп Ноу» находится элитный район Педральбес, где живут многие футболисты «Барселоны». Не самая дорогая квартира в этом районе площадью 220 кв. м с пятью комнатами стоит 950 000 евро. Просторный пентхаус площадью 500 кв. м можно приобрести за 3,5 млн евро, дом с пятью комнатами общей площадью 700 кв. м стоит 4 млн евро [12]. Средняя стоимость недвижимости в Барселоне вокруг стадиона «Камп Ноу» составляет 1,1 млн евро.

Из всего этого можно сделать вывод о том, что нахождение недвижимости вблизи крупных спортивных арен существенно влияет на ее цены во многих зарубежных странах.

В то же время если сегодня обратить внимание и на московский рынок, то значение спортивной инфраструктуры в последнее время заметно выросло – это становится одним из новых трендов жилья и апартаментов. Здоровый образ жизни, фитнес и спорт очень актуальны для покупателей недвижимости в столице. Лидером по уровню обеспеченности спортивной инфраструктурой в квадратных метрах стал центральный район города, где расположены ключевые спортивные арены, стадионы, спортивные комплексы. В первую очередь это спорткомплексы «Лужники» и «Олимпийский».

Довольно развитой спортивной инфраструктурой также отличаются северные районы города, где расположены такие объекты, как стадион «Динамо» (его реконструкция проходит в рамках грандиозного проекта «ВТБ Арена Парк»), Дворец спортивных единоборств ЦСКА, СК «Крылья Советов» и др.

Третье место занимает северо-западный административный округ, где из знаковых спортивных объектов можно отметить стади-

он «Янтарь» в Строгино, дворец ледового спорта «Мегаспорт» в Хорошевском районе, стадион «Открытие Арена» в Тушино и т. д. Помимо непосредственно спортивных сооружений к спортивной инфраструктуре относятся также беговые и велосипедные дорожки, лыжные трассы и спортивные площадки. Как правило, такие объекты находятся в лесопарковых зонах города. Среди таких районов можно выделить, например, районы Южного и Юго-западного округов, граничащих с Битцевским лесопарком, где также расположен Битцевский конноспортивный комплекс.

По словам управляющего партнера компании Blackwood Константина Ковалева, развитость спортивной инфраструктуры не влияет напрямую на стоимость жилья в том или ином районе, поскольку это не первоочередный фактор при выборе места проживания. Все-таки при выборе жилья покупатель сегодня больше уделяет внимание таким факторам, как местоположение, транспортная доступность, качество, стоимость.

Поэтому важно отметить, что в России, в отличие от многих зарубежных стран, роль близости к спортивным аренам еще не стала существенным фактором.

В то же время обеспеченность спортивной инфраструктурой в последнее время приобретает важность среди потенциальных покупателей. Так, за I квартал 2016 г. количество запросов, в которых наличие спортивной инфраструктуры указано как обязательное требование, выросло на 25% по сравнению с последним кварталом 2015 г.

Роль спортивной инфраструктуры по уровню значения для покупателей постепенно приближается к образовательной – выбирая между районом, где есть и школа, и детский сад, и спортивный «анклав», и районом с минимумом образовательной инфраструктуры, покупатели отдают предпочтение первому варианту. Однако основополагающие принципы национальной спортивной идеи – массовость, вариативность, доступность пока не в полной мере реализованы даже в столице. Спортивная инфраструктура расположена в Москве неравномерно, поэтому тысячи детей с родителями вынуждены ежедневно совершать длительные поездки на тренировки.

Спортивные объекты в составе жилых комплексов входят в те опции новостройки, кото-

рыми покупатели интересуются в первую очередь, если речь заходит об инфраструктуре.

Новостройки Москвы со спортивной инфраструктурой пользуются стабильно высоким спросом со стороны покупателей: около 70% потенциальных клиентов интересуются наличием подобных объектов на территории ЖК. Дело в том, что большинство покупателей квартир – это семейные пары, у которых либо уже есть дети, либо они планируют их. При этом практически все родители хотят видеть своего ребенка здоровым и физически развитым. А для воплощения этой мечты как нельзя лучше подходит покупка жилья в новостройке со спортивной инфраструктурой.

Для покупателя в сегменте эконом- и комфорт-классов желательно будет, если спорткомплекс будет расположен в пределах 10–15-минутной пешеходной доступности. Покупатели жилья высокого класса, для которых особенно важна приватность проживания, предпочитают, чтоб спортивный объект был расположен на территории комплекса, но только в том случае, если жителям будет обеспечен высокий уровень безопасности.

В отдельных случаях для покупателя принципиальным оказывается наличие знаковой спортивной составляющей, такой как, например, стадион «Динамо» или стадион «Открытие Арена», что влияет на имидж и известность проекта.

Помимо строящихся объектов с развитой спортивной инфраструктурой можно отметить новые перспективные проекты, которые будут иметь в своем составе развитую спортивную инфраструктуру. Например, на территории аэродрома Тушино на участке площадью 224 га планируется строительство 180 тыс. кв. м спортивных объектов. В ЮАО на территории площадью 123 га планируется строительство 129 тыс. кв. м спортивных объектов.

До недавнего времени проекты включали стандартный набор инфраструктуры: детские игровые и спортивные площадки. Но в последнее время на рынке недвижимости наметилась положительная тенденция. Если пять лет назад застройщики массового жилья задумывались о наличии развитой инфраструктуры (в том числе и спортивной) только в последнюю очередь, то сейчас ситуация изменилась в корне. Даже в условиях дефицита новостроек эконом-класса в столице, когда,

казалось бы, покупатели и так все купят, девелоперы все чаще предлагают оригинальные концепции ЖК с продвинутым набором инфраструктуры.

Объем предложения в проектах рядом с крупнейшими спортивными объектами составляет 250 тыс. кв. м. Большинство проектов относятся к бизнес-классу и находятся на средней стадии строительной готовности.

Самое доступное предложение среди рассмотренных новостроек – апартаменты в МФК «Лайнер» площадью 29,2 кв. м за 4,7 млн рублей. Самое бюджетное предложение квартир представлено в ЖК «ЗИЛАРТ» – однокомнатная квартира площадью 34,3 кв. м за 6,1 млн рублей.

Минимальная средняя цена предложения представлена в квартале «Парк Легенд» – 139,9 тыс. руб./кв. м и в ЖК «Город на реке Тушино – 2018» – 164 тыс. руб./кв. м. Максимальная цена за квадратный метр зафиксирована в городском квартале «Арена Парк» – 332,9 тыс. кв. м.

В перспективе ожидается выход проекта на Симоновской набережной вблизи реконструируемого стадиона «Торпедо».

Проекты, имеющие в своем составе знаковые объекты спортивной инфраструктуры или расположенные рядом с ними, по ценам сопоставимы с конкурентными комплексами того же класса. Наличие крупного спортивного кластера является второстепенным фактором и не оказывает прямого влияния на ликвидность и стоимость недвижимости. Однако четко выстроенная концептуальная связь проекта со стадионом, ледовым дворцом или другой крупной спортивной точкой притяжения может повысить интерес к нему, сделать его местом, которое на слуху, что положительно сказывается на узнаваемости комплекса.

О росте цен на недвижимость вблизи арен может свидетельствовать мнение экспертов о том, что цены на новостройки в районе стадиона имени Стрельцова на юге Москвы после реконструкции могут вырасти на 5–10%, жилье в локациях, где есть подобные объекты, всегда увеличивается. Рассмотрим статистику цен на недвижимость в районе Серное Тушино, где располагается «Открытие Арена» – домашний стадион московского Спарта-

ка, одного из самых популярных футбольных клубов России и Москвы.

Максимальное значение среднего уровня цен на квартиры в районе Северное Тушино за рассматриваемый период составляет 185 469 рублей за кв. м.

Минимальное значение среднего уровня цен на квартиры в районе Северное Тушино за рассматриваемый период составляет 130 085 рублей за кв. м.

Позиция в рейтинге районов по темпам изменения среднего уровня цен на квартиры – 66 из 86.

В период ввода в эксплуатацию стадиона «Открытие Арена» произошло увеличение цены на недвижимость в районе, но оно было и по всему городу. К тому же ввод в эксплуатацию стадиона сопровождался вводом и станции метро «Спартак», а также в принципе существенным улучшением инфраструктуры.

Исследовав цены на недвижимость вблизи спортивных арен в Москве, можно сделать вывод, что они увеличивают ее стоимость, но главным фактором этого становится не данное расположение, а именно фактор инфраструктуры. К тому же рядом с новыми спортивными аренами строятся и новое жилье, вокруг них развивается транспорт и другие важные факторы. Однако в ближайшее время расположение вблизи больших спортивных объектов может влиять на цены более существенно.

Сегодня мы можем смело констатировать, что объем ввода в эксплуатацию спортивных объектов в Москве за последние пять лет вырос вдвое.

С 2011 г. в Москве открыли 55 крупных спортивных комплексов. Существенную роль в развитии спортивной инфраструктуры сыграла подготовка к двум крупнейшим международным состязаниям – чемпионату мира по хоккею 2016 г. и чемпионату мира по футболу 2018 г.

Реконструированы и введены в эксплуатацию такие знаковые объекты, как Гребной канал в Крылатском и арена «Мегаспорт», построен стадион «Открытие Арена» фут-

больного клуба «Спартак», который примет матчи чемпионата мира – 2018. С нуля построен по-настоящему выдающийся объект, самый современный и крупный на сегодняшний день в Европе ледовый дворец – Ледовый дворец ВТБ в строящемся спортивном кластере «Парк легенд». Кроме того, открыты главные объекты предстоящего мундиала 2018 г. – большая спортивная арена «Лужники» и стадион «Динамо», первые матчи на котором прошли осенью 2017 г. и продолжатся весной 2018 г. Также завершено строительство стадиона ЦСКА, который станет тренировочной площадкой для команд во время чемпионата мира по футболу. Активно строятся и современные футбольные поля для детско-юношеских спортивных школ.

В заключение можно сделать ряд важных выводов:

1. Расположение недвижимости вблизи спортивных арен является фактором, влияющим на цену недвижимости во многих странах мира. В таких странах, как США, Великобритания, Испания и ряд других, повышение цены обеспечивают болельщики команд, желающие жить вблизи стадионов для свободного посещения матчей.

2. Несмотря на то, что в России роль спортивной инфраструктуры является фактором, влияющим на рост цены на недвижимость, его роль на современном этапе достаточно незначительная. Также можно сделать вывод о том, что расположение вблизи крупных спортивных арен не сильно влияет на стоимость недвижимости. Можно отметить небольшой рост, но связан он не с желанием конкретных болельщиков жить вблизи стадиона команды, а с увеличением деловой активности в данных районах и повышением уровня инфраструктуры.

3. В России и непосредственно в Москве существуют предпосылки по увеличению влияния фактора расположения вблизи спортивных сооружений на цену недвижимости. Особенно это актуально в связи с чемпионатом мира по футболу, который пройдет в России.

Список литературы

1. Галкин В. В. Экономика и управление физической культурой и спортом. – Ростов н/Д : Феникс, 2012.
2. Дашиев А. Б. К вопросу о сущности и роли спортивного менеджмента в физкультурно-спортивных организациях // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 147–150.
3. Димова А. Л. Менеджмент в физической культуре и спорте. – М. : Современный гуманитарный университет, 2012.
4. Крамин М. В., Леонов В. А. Оценка влияния крупных региональных инвестиционных проектов на социально-экономическое развитие региона на примере проекта «Универсиада-2013» // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. – 2014. – № 2. – С. 18–22.
5. Кутепов М. Е. Маркетинг в зарубежном спорте : учебное пособие. – М. : ГЦО-ЛИФК. Шк. спорт. бизнеса, 2013.
6. Соломенная З. В., Пугачева И. И., Соломенный Ф. Ф. Экономика сферы спорта в контексте глобализационных процессов // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты : материалы Международной научно-практической конференции : в 5 частях / отв. ред. Н. Н. По-нарина, С. С. Чернов. – М., 2016. – С. 52–55.
7. Экономические и социальные аспекты развития спортивных услуг : монография / под ред. проф. Н. А. Восколович. – М. : ТЕИС, 2012.
8. Индикаторы рынка недвижимости. – URL: http://www.irm.ru/geo/rayon_severnoe_tushino/
9. Как влияет спортивная инфраструктура на спрос на жилье в Москве. – URL: <http://realty.rbc.ru/news/577d249c9a7947a78ce91dd6>
10. Новостройки около стадиона Стрельцова могут подорожать на 5–10%. – URL: http://riarealty.ru/news_house/20150929/406193250.html
11. Покупатели квартир стали придавать больше значения спортивной инфраструктуре. – URL: <http://realty.dmir.ru/news/38107/>
12. Почему жилье возле стадионов лучших испанских команд? – URL: <http://ee24.ru/spain/article/skolko-stoit-zhile-voze-stadionov-luchshih-ispans/>
13. Почему недвижимость вблизи футбольных клубов премьер-лиги намного дороже? – URL: <http://angliadom.com/novosti/691-pochemu-nedvizhimost-vblizi-futbolnykh-klubov-premer-ligi-namnogo-dorozhe>
14. Спортивная инфраструктура «не поднимает» цены. – URL: <http://www.1rre.ru/lenta/realty/108869/>

Актуальные вопросы правового регулирования передачи недвижимости по договору аренды зданий и сооружений**А. В. Храмилова**

магистрантка 2 курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: egel.ella@yandex.ru

Actual Issues of the Legal Regulation of the Transfer of Real Estate Under the Lease of Buildings and Structures**A. V. Khramilova**

Master of the Second Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: egel.ella@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению проблем, возникающих при заключении договора аренды зданий и сооружений. Основываясь на практике, была проанализирована передача здания или сооружения в аренду при прохождении государственной регистрации. Сделана попытка улучшить данную процедуру путем предложения регулирующих норм, обеспечивающих интересы арендатора и собственника. Также были выявлены и рассмотрены проблемы с несением материальной ответственности. В заключение говорится о том, что государственная регистрация очень удобна в плане защиты интересов обеих сторон. Но одним из отрицательных факторов, что сдерживает многие юридические лица от проведения этой процедуры, является высокая стоимость пошлины. Государственная регистрация хороша тем, что берет на себя выявление рисков, а также регулирование отношений между арендатором и арендодателем.

Ключевые слова: договор, аренда, здания, сооружения, материальная ответственность, государственная регистрация, материальная ответственность, акт передачи.

Abstract

This article is devoted to the consideration of problems arising when concluding a lease of buildings and structures. Based on practice, the lease of a building or a structure during the passage of state registration was analyzed. An attempt was made to improve this procedure by proposing regulatory norms that ensure the interests of the tenant and the owner. Also, problems with liability were identified and considered. In conclusion, it is said that state registration is very convenient in terms of protecting the interests of both parties. But one of the negative factors that constrains many legal entities from carrying out this procedure is the high cost of the fee. State registration is good because it takes care of identifying the risks, as well as regulating the relationship between the tenant and the landlord.

Keywords: contract, lease, buildings, structures, material responsibility, state registration, liability, transfer act.

Договор аренды имеет достаточно широкое использование в современном мире. Благодаря ему в день заключаются миллионы контрактов по всему миру. Им пользуются как физические лица, так и юридические.

В Гражданском кодексе Российской Федерации Договор аренды характеризуют как передачу имущества во временное пользование арендодателем арендатору за вознаграждение. Более точно это звучит так: «По

договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендо-

ванного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью»¹.

Среди видов договора аренды широкое распространение имеет договор аренды зданий и сооружений. Это один из постоянно используемых видов договора аренды. Он предусматривает, что объектом сделки будет недвижимость.

Договор аренды зданий и сооружений напрямую воздействует на экономику страны в целом. С такого вида сделки взимается налог как с физических лиц, так и с юридических. Если договор аренды зданий и сооружений заключается между юридическими лицами, то там может также удерживаться налог не только с арендодателя за получение прибыли путем сдачи собственности и налога на недвижимость, но и с арендатора в виде налога на добавленную стоимость. Все это формирует благоприятную обстановку в развитии экономики.

По договору аренды здания или сооружения арендодатель обязуется передать во временное владение и пользование или во временное пользование арендатору здание или сооружение².

Следовательно, договор аренды зданий и сооружений предусматривает собой передачу нежилого помещения арендодателем в право пользования арендатору. При этом все, что арендатор «создает» в арендуемой недвижимости, не может в дальнейшем принадлежать арендодателю.

Здания и сооружения считаются искусственно созданными объектами, которые неотделимы от земли, без нанесения урона, так как они неразрывно связаны с землей. Само понимание неразрывности с землей здания или сооружения – это наличие фундамента, который нельзя передвинуть, не причинив ущерб строению. Так, к примеру, фургон, который стоит на земле, используемый под нужды хранения, без колес нельзя считать недвижимым имуществом, так как он не имеет достаточного сцепления с землей. В основном только фундамент и характеризует движимость или недвижимость объекта. Соответственно, какая-либо постройка без

закладки фундамента будет считаться движимым имуществом.

Договор аренды зданий и сооружений считается полностью самостоятельным. Такой вид договора регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации, а именно параграфом 4 «Аренда зданий и сооружений» (статьи 650–655 ГК РФ). К данному виду договора также может быть применено вещное право, земельное право, аренда предприятий, общие положения договора аренды. Могут быть применены регулирующие нормы по мнимости сделок, отказ от исполнения обязательств, основания изменения и расторжения договора. При всем при этом до сих пор остаются не совсем понятными и незащищенными некоторые пункты данного договора, которые требуют тщательного рассмотрения и доработки.

Договор аренды зданий и сооружений всегда заключается в письменной форме, иная форма, к примеру устная, будет считаться недействительной, о чем гласит пункт 1 статьи 651 ГК РФ с ссылкой к ней пункта 2 статьи 434.

Договор аренды здания или сооружения заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами (пункт 2 статьи 434). Несоблюдение формы договора аренды здания или сооружения влечет его недействительность³.

Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору⁴.

Также к самому договору должны прилагаться план здания, план земельного участка с указанием кадастрового номера, технические паспорта с планами и указанием целевого назначения объектов. Если это промышленное здание – то разрешение на пользования им в определенных целях.

¹ Статья 606 «Договор аренды» ГК РФ.

² См.: Пункт 1 статьи 650 «Договор аренды зданий и сооружений» ГК РФ.

³ См.: Пункт 1 статьи 651 «Форма и государственная регистрация договора аренды здания или сооружения» ГК РФ.

⁴ См.: Пункт 2 статьи 434 «Форма договора» ГК РФ.

Передаточный акт и материальная ответственность

Во время подписания договора аренды зданий и сооружений подписывается и акт передачи. Этот момент регулирует пункт 1 статьи 655 ГК РФ «Передача здания или сооружения», где четко говорится о передачном акте как обязательной составляющей договора аренды зданий и сооружений.

Передаточный акт подписывается в момент передачи арендованного имущества.

Без подписания передачного акта не будет считаться, что здание или сооружение было передано арендатору арендодателем в пользование. Соответственно, подписанный ранее договор можно будет считать ничтожным.

Основываясь на этом отказ подписания передачного акта в законе рассматривается как отказ от исполнения обязанностей по договору. Такое положение дел может повлечь за собой взыскание за материальный ущерб, который понесла пострадавшая сторона из-за недобросовестного отношения второй стороны. Об этом также гласит пункт 1 статьи 655 ГК РФ: «Уклонение одной из сторон от подписания документа о передаче здания или сооружения на условиях, предусмотренных договором, рассматривается как отказ соответственно арендодателя от исполнения обязанности по передаче имущества, а арендатора от принятия имущества»¹.

Также такая процедура проводится и по истечении договора аренды зданий и сооружений.

Во время подписания передачного акта могут быть выявлены нарушения, которые привели к негодности использования здания или сооружения, либо же неаккуратное пользование, что привело к повреждению сдаваемого объекта. Здесь действует пункт 2 статьи 616 «Обязанности сторон по содержанию арендованного имущества», которая гласит об обязанности арендатора поддерживать снимаемую недвижимость в надлежащем состоянии, вовремя производить текущий ремонт, обслуживание и профилактику используемой техники и оснастки, если таковая перешла в право пользования вместе со зданием или сооружением.

По закону содержание здания или сооружения в надлежащем состоянии – это ответственность арендатора, так как он ответственен за косметический ремонт. За капитальный ремонт ответственен арендодатель. В его обязанности входит надзор за состоянием здания или сооружения. Это может быть, к примеру, замена труб, обшивка здания, укрепление фундамента и т. д.

Также здесь можно добавить и пункт 3 статьи 615 «Пользование арендованным имуществом», суть которого заключается в правильном и надлежащем использовании арендованного имущества. Если зданием или сооружением пользоваться не по назначению, можно нанести урон, так как постройка предполагалась для других целей. К примеру, постройку из деревянных материалов нельзя использовать под слесарные работы, потому что это может привести к возгоранию данного объекта. В этом случае наступает материальная ответственность арендатора.

Арендодатель имеет право не подписывать передачный акт до момента устранения проблемы арендатором либо же уплаты издержек на устранение порчи имущества. При этом договор аренды зданий и сооружений не будет считаться расторгнутым.

Материальная ответственность наступает в момент передачи здания или сооружения по договору, после подписания передачного акта. Также она может быть разделена между арендатором и арендодателем.

Хотя арендатор отвечает за текущий ремонт, а арендодатель за капитальный, что кажется на первый взгляд предельно ясным, согласно закону, в этом вопросе очень часто возникают спорные моменты. К примеру, была повреждена труба арендатором, можно вполне объективно прийти к выводу, что материальную ответственность должен нести арендатор, хотя это относится к капитальному ремонту. При этом арендатор может провести независимую экспертизу и указать на то, что трубы давно не менялись и все ржавые, что и привело к поломке, даже при том что он ее повредил. Такого рода споров достаточно много, так как четких указаний по содержанию объекта в Гражданском кодексе нет. Таким образом может сложиться ситуация, когда арендодатель купит новую трубу, а арендатор за свой счет произведет ее установку взамен

¹ Пункт 1 статьи 655 «Передача здания или сооружения» ГК РФ.

поврежденной, тем самым они разделят между собой материальные затраты.

В случае форс-мажорных обстоятельств ответственность несет арендодатель, но при условии, что арендатор максимально приложил усилия, чтобы сохранить все в том состоянии, в котором он получил объект и все прилагаемое к нему имущество. В случае халатного отношения материальную ответственность уже несет арендатор. Если имущество было повреждено или украдено умышленно неустановленными лицами, то материальную ответственность будет нести арендатор, так как это предусмотрено в договоре как несение ответственности за сохранность имущества. При этом в договоре аренды есть пункт «форс-мажорные обстоятельства», где в основном более или менее четко прописано, кто и за что несет материальную ответственность.

В случае если такой пункт по каким-либо причинам отсутствует, то эту проблему можно урегулировать в судебном порядке.

Государственная регистрация как один из основных моментов передачи недвижимого имущества в аренду

Государственная регистрация для договора аренды зданий и сооружений обязательна, если договор заключен сроком более чем на один год. При этом есть и такой момент, когда договор заключается на неопределенное время, т. е. не проставляются временные рамки, и такой договор не регистрируется. Также договор может заключаться сроком менее года и в дальнейшем продляться, и он тоже не подлежит государственной регистрации. Сюда можно отнести и продление договора на неопределенный срок. Даже если он и был на регистрации, то после подписании соглашения на не указанные временные рамки такой договор снимается с государственной регистрации.

Такое положение четко регулирует пункт 2 статьи 651: «Договор аренды здания или сооружения, заключенный на срок не менее года, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации»¹.

То же самое относится и к аренде предприятий, так как эти два вида договора неразрывно связаны между собой. В соответствии с договором аренды зданий и сооружений объектом может выступать предприятие, к примеру, в виде цеха. В случае если цех предназначен под определенные виды работ, то при государственной регистрации арендодатель обязан предоставить разрешение на проведение определенных работ, т. е. целевое назначение данного строения.

Договор аренды земельного участка, заключенный не менее чем на один год, тоже проходит государственную регистрацию. Поэтому постройка на арендованном участке, на которую впоследствии заключается договор аренды зданий и сооружений третьим лицом, подлежит также обязательной государственной регистрации.

Аналогичная схема государственной регистрации применяется и при субаренде, когда с согласия арендодателя объект повторно сдается третьему лицу, и при условии если изначально на этот объект была государственная регистрация, то с субарендатором тоже обязаны пройти государственную регистрацию.

В соответствии с данными Росреестра, для государственной регистрации договора зданий и сооружений нужен следующий перечень документов:

- заявление одной из сторон договора о государственной регистрации;
- договор аренды;
- документ удостоверения личности заявителя;
- договор аренды с приложениями, оригинал в 2 экземплярах; если же договор был заверен нотариально, то надо тоже не менее 2 экземпляров, один из которых будет оригинал;

— квитанция об оплате государственной пошлины либо же документ, освобождающий от него с основанием льготы (размер пошлины четко установлен регулирующим органом).

Помимо стандартного перечня документов могут понадобиться также дополнительные. В случае если договор подписывало доверенное лицо, то надо будет к общему перечню документов приложить доверенность. В случае сдачи только части недвижимости

¹ Пункт 2 статьи 651 «Форма и государственная регистрация договора аренды здания или сооружения» ГК РФ.

прикладывается кадастровый паспорт здания с четким указанием сдаваемой части строения.

Также для юридических лиц обязательно предоставление:

- учредительных документов;
- документа о назначении директора;
- документа о вступлении директора в должность;
- государственной регистрации организации.

При заключении государственной регистрации оригинал договора с регистрационной отметкой выдается либо отправляется почтой в течение 10 дней с момента приема заявления. В случае отказа извещение должно быть отправлено в течение 5 дней после окончания установленного срока регистрации.

Возможен не только отказ в государственной регистрации, но и его приостановка, чему может служить ряд причин, таких как:

- возникновение сомнений у государственного органа;
- отсутствие документов по запрашиваемым межведомственным запросам;
- отзыв документов одной из сторон;
- постановление суда и т. д.

Положительные моменты при государственной регистрации характеризуются тем, что данный договор контролируется государством, и сдать здание или сооружение можно будет только одному лицу либо же организации, тем самым арендатор и арендодатель защищают себя от мошенничества.

По истечении срока договора арендатор имеет право рассчитывать на заключение договора на новый срок, так как имеет на это преимущество. Об этом гласит пункт 1 статьи 621 ГК РФ: «Если иное не предусмотрено законом или договором аренды, арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора имеет при прочих равных условиях преимущественное перед другими лицами право на заключение договора аренды на новый срок. Арендатор обязан письменно уведомить арендодателя о желании заключить такой договор в срок, указанный в договоре аренды, а если в договоре такой срок не указан – в

разумный срок до окончания действия договора»¹.

Если же арендодатель проигнорировал намерения арендатора о заключении или продлении договора, то арендатор в праве получить право на аренду через суд.

В случае уклонения от государственной регистрации одного из участников другая сторона соглашения имеет право подать в суд и потребовать уклоняющуюся сторону зарегистрировать данный договор. При этом при условии сильного затягивания одной из сторон с государственной регистрацией другая сторона также может потребовать в судебном порядке компенсацию за понесенные потери.

Вместе с тем в Гражданском кодексе не указано, в какие сроки договор аренды должен быть поставлен на учет. Но в то же время договор считается недействительным, если он не прошел государственную регистрацию. Если был заключен временный договор перед регистрацией, он считается недействительным, тем самым это подразумевает составление нового договора и дальнейшую его регистрацию.

Должны быть зарегистрированы и дополнительные соглашения, особенно те, которые относятся к пункту, где оговорены цена и порядок уплаты, так как это считается неотъемлемой частью договора.

В случае с заключением договора на новый срок могут быть пересмотрены и изменены условия в соответствии с соглашением сторон. Тем самым возможна индексация цены. При продлении изменение цены невозможно без дополнительного соглашения, только если это не было прописано в самом договоре.

Одним из самых проблемных случаев в практике является период, когда документы находятся на государственной регистрации. В этот момент считается, что имущество еще не перешло к арендатору, и право пользования остается за собственником до конца государственной регистрации. При этом он может осуществлять в этот момент там деятельность – ту же сдачу в аренду другому арендатору на короткий срок либо же вынести какое-

¹ Пункт 1 статьи 621 «Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок» ГК РФ.

либо имущество, которое было показано при осмотре данного здания, например выкрутить лампочки. Вариантов может быть масса. К сожалению, этот момент никак не регулируется законодательством.

В этом случае можно предложить «заморозку» пользования зданием или сооружения во время государственной регистрации. Тем самым будут обеспечены интересы арендатора, так как он будет застрахован от ненадлежащего состояния здания, которое могло использоваться не по назначению арендодателем или же временным арендатором, на период государственной регистрации. Такое предложение подразумевает отчуждение прав пользования у собственника на время

государственной регистрации и присвоение их арендатору после окончания государственной регистрации с момента вступления договора в силу.

Исходя из вышесказанного, можно сделать заключение о том, что государственная регистрация очень удобна в плане защиты интересов обеих сторон. Но одним из отрицательных факторов, что сдерживает многие юридические лица от проведения этой процедуры, является высокая стоимость пошлины. Государственная регистрация хороша тем, что берет на себя выявление рисков, а также регулирование отношений между арендатором и арендодателем.

Список литературы

1. Борзова Ю. А. Проблемы определения сроков при заключении договора аренды нежилых помещений // Вестник Удмуртского университета. Серия 2. Экономика и право. – Вып. 2. – 2008. – С. 102–104.
2. Гражданское право. – Т. 1 : учебник / Г. Н. Чернишкина, В. В. Бараненков, И. В. Бараненкова и др.; под ред. Г. Н. Чернишкиной. – М. : ИЦ РИОР : НИЦ Инфра-М, 2013. – (Высшее образование: Бакалавриат).
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / О. С. Адамова и др. – М. : ИЦ РИОР : НИЦ Инфра-М, 2012.
4. Система договоров в гражданском праве России : монография / Ю. В. Романец; вступительная статья В. Ф. Яковлева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2013.

**Современное экономическое и правовое значение
криптовалют в Российской Федерации****Р. Х. Давыдов**

магистрант 1 курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: egel.ella@yandex.ru

**The Current Economic and Legal Significance of the Crypto-Currency
in the Russian Federation****R. Kh. Davydov**

Master of the First Year of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: egel.ella@yandex.ru

Аннотация

Криптовалюта – это инновационная цифровая валюта, обращение которой происходит в электронной сети. Криптовалюта всего за несколько лет стала популярной и даже превзошла некоторые национальные валюты по надежности. Первой и основной цифровой валютой стал биткоин (bitcoin). Со временем в разных странах появились аналоги биткоина, такие как namecoin, litecoin, peercoin и др. Биткоин – это платежная система, которая существует в электронной форме и не контролируется каким-либо финансовым учреждением или каким-либо правовым инструментом государства. Стоит отметить, что предельный объем эмиссии цифровых денежных средств ограничивается 21 млн. Основные достоинства биткоина состоят в том, что все проводимые операции происходят быстрее и надежнее, существует возможность заработать (в случаях удорожания биткоинов, например, в 2013 г. они значительно подорожали), увеличивается покупательная способность, возможность инвестирования. Однако биткоин не лишен недостатков, например: волатильность, т. е. курс биткоина может постоянно меняться; возможность потерять свои вложения; не везде используются цифровые монеты. Несмотря на то, что попытки ввести цифровую валюту были сделаны с момента появления Интернета, практическое использование монет по сей день мало. Кроме того, многие пользователи не доверяют этому способу оплаты. Распространению мешает запрет на криптовалюту в некоторых странах, например России и Китае.

Ключевые слова: биткоины, денежные средства, криптовалюта, токены (ICO), биткоин, блокчейн, платежные системы, FCA, фиатные денежные средства.

Abstract

Crypto currency is an innovative digital currency, the circulation of which occurs in an electronic network. Crypto currency in just a few years has become popular and even surpassed some national currencies in terms of reliability. The first and main digital currency was Bitcoin (bitcoin). Over time, analogs of bitcoin, such as Namecoin, Litecoin, Peercoin and many others, appeared in different countries. Bitcoin is a payment system that exists in electronic form and is not controlled by any financial institution or any legal instrument of the state. It is worth noting that the limit of issuing digital money is limited to 21 million. The main advantages of bitcoin are that all operations are faster and more reliable, there is an opportunity to earn (in cases of appreciation of bitcoins, for example, in 2013 they rose in price), purchasing power and investment opportunity increase. However, bitcoin is not devoid of shortcomings, for example volatility, that is, the course of bitcoin can constantly change, the possibility of losing its investments, digital coins are not used everywhere. Despite the fact that attempts to introduce a digital currency have been made since the advent of the Internet, the practical use of this type of coins is not enough to this day. In addition, many users do not trust this method of payment. The prohibition of crypto currency in some countries, for example, Russia and China, is hindering the spread.

Keywords: bitcoins, cash, crypto currency, tokens (ICO), bitcoin, block, payment systems, FCA, financial funds.

Совершенствование платежной системы значительно упрощает повседневную жизнь, поэтому появление электронных средств платежа абсолютно обосновано. Криптовалюта – это вид цифровых денег или электронной валюты, которую может создать каждый с помощью криптографических шифровальных программ. Если такие валюты, как рубль, доллар, юань и пр., выпускает государство, то криптовалюту выпускают сами люди. То есть криптовалюта – это деньги, практическая ценность которых зависит исключительно от всеобщего интереса. При резком скачке интереса вниз стоимость биткоина и других видов криптовалюты стремительно упадет до нуля. Возможно, современный мир стоит на грани революции в валютной сфере, а интерес общества не угаснет, а, наоборот, перерастет в общественный уклад, в котором частные деньги станут обычным явлением. В данной статье рассматривается сущность рынка криптовалют, конкурентные преимущества биткоина и возможные риски их использования.

Отличительной особенностью развития платежной системы современности выступает увеличение количества анонимных децентрализованных валют, т. е. криптовалют. Наиболее известным видом криптовалют является биткоин (bitcoin).

В ушедшем 2017 г. представители юридической сферы активно дискутировали о сущности криптовалюты и ее месте в регуляторной среде. Несмотря на высокую степень глобализации и интернационализации, финансовые регуляторы всего мира настороженно относятся к рынку криптовалют. Однако это не мешает непрерывному росту популярности практического применения биткоина, он свободно обращается на глобальных площадках по котировкам, в три раза превышающим котировку золота. Также заметна тенденция роста привлечения финансирования в криптовалюту компаниями технологического сектора. Для этого сектора процедура первичного размещения токенов (ICO) становится более доступной, чем венчурные инвестиции и дорогостоящие кредиты. Анализ объема финансирования, который был привлечен российскими проектами посредством ICO в 2017 г., показывает более чем двукратное превышение над объемом венчурных инвестиций за 2016 г. [5].

Современный бизнес очень быстро оценил сильные стороны ICO. Одним из главных преимуществ является сокращение транзакционных издержек в процессе поиска финансирования проектов. 2017 г. можно назвать годом ICO, так как рекордное число компаний воспользовались возможностью получить такой вид финансирования.

Принимая во внимание высокую цену кредитов и фактическую недоступность «длинных» денег для стартапов, предприниматели до недавнего времени выделяли единственную альтернативу – венчурное финансирование. Но известно, что этот вид финансирования всегда связан со сложным юридическим структурированием вложений и размытием акционерного капитала компании в пользу инвесторов [2].

Таким образом, становится понятно, что предприниматели повернулись в сторону ICO главным образом из-за того, что данный вид финансирования позволяет им сохранить независимость в принятии оперативных и стратегических решений.

Важно заметить, что биткоин ничем не обеспечен, а также не может быть обменен на какую-либо другую ценность. Лишь готовность осуществлять и принимать платежи в данной валюте поддерживает ее курс.

Еще одно мнение значительного числа специалистов заключается в том, что ICO как способ привлечения капитала вряд ли может быть релевантным для традиционного бизнеса, далекого от использования системы блокчейн в повседневной деятельности. Несмотря на некоторые примеры успешного привлечения инвестиций в криптовалюту в различных сферах, рынок ICO в большей мере нацелен на финансирование информационных технологий [8].

Биткоин имеет черту, отпугивающую потенциальных пользователей, заключающуюся в отсутствии централизованного контроля. Это создает ожидания потери стоимости и паники рынка, которые в будущем могут привести к потерям для всех участников системы.

Рассматривая этот вопрос, сайт BitCoin дает пояснение, что биткоин не обеспечен никаким ресурсом точно так же, как и доллар, евро или фунт стерлингов. Но особенностью, которая присуща только биткоину, является то, что его курс зависит исключительно от

готовности продавать и покупать за единицы этой валюты, в то время как курсы государственных валют всецело зависят от действий соответствующих публичных организаций [6].

Сейчас биткоин – достаточно противоречивое явление, так как одни эксперты видят в нем будущее, но в то же время другие считают его «финансовым пузырем», который может в любой момент лопнуть. По мнению нобелевского лауреата Роберта Шиллера, биткоин имеет большое количество характеристик спекулятивного пузыря. Его главная проблема в том, что он не решает важных проблем экономики.

С появлением биткоина можно связать начало нового и очень важного этапа в развитии финансовой системы – это первый и успешный пример криптовалюты, который стал очень популярен на международной арене.

Однако нельзя назвать биткоин полноценным самостоятельным видом денег. Первые пользователи криптовалюты были вдохновлены идеей децентрализованной платежной системы. Таким образом, практика прошедших лет показывает, что интернациональная система частных денег может работать в современном мире.

Криптовалюту в настоящее время принимают интернет-магазины, кафе и многие другие сервисы. Вместе с этим биткоины активно используются в противоправной деятельности, ICO находится в серой зоне правового регулирования.

Все эти доводы приводят к мысли об острой потребности в правовом регулировании криптовалют. При этом имеют место различные мнения касательно государственного регулирования этого вопроса: как радикальные, например, о запрете применения подобных инструментов в обороте, так и щадящие конструктивные – точка зрения о необходимости выработки детальных правовых положений по регулированию системы ICO.

В Российской Федерации отсутствует самостоятельное правовое регулирование биткоина – он не попадает ни под одну из существующих правовых категорий. Самой близкой по смыслу категорией к биткоину является понятие «электронные денежные средства» (ЭДС). Но при использовании ЭДС обязательно присутствует роль оператора, в то

время как биткоин характеризуется децентрализованностью, которая подразумевает отсутствие роли оператора.

С точки зрения юриспруденции не совсем корректно назвать биткоины финансовыми суррогатами. Но несмотря на все пробелы в правовом регулировании криптовалюты в РФ, правоохранительные органы продолжают препятствовать обороту биткоинов, например, блокируют интернет-сайты, которые содержат поясняющую информацию о биткоинах и способах их использования. Также недавно появилась информация, что некоторым онлайн-магазинам, которые принимали для оплаты биткоины, были направлены от прокуратуры предписания прекратить использование криптовалют.

Во многих информационных источниках не раз отмечалось, что анонимность и децентрализованность криптовалют препятствуют свободному осуществлению налогообложения, затрудняют идентификацию платежей, противодействуют отмыванию денег и т. п. Также в силу своего интернационального характера одно ICO может относиться ко множеству юрисдикций одновременно, а мировые события, касающиеся рынка криптовалют, показывают, что государства еще не готовы оставить рынок ICO без контроля.

Так складывается впечатление, что перспективы дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности в биткоинах на территории РФ не являются радужными. Наряду с этим подобное отношение к криптовалютам участников российской бизнес-среды является скорее исключением, так как в большинстве государств нет препятствий для их оборота, или же прослеживается способствование его развитию.

Ярким примером страны, либерально относящейся к криптовалютам, является Великобритания. Британское управление по контролю за финансовой деятельностью (FCA) считается одним из самых технически продвинутых финансовых регуляторов.

При управлении имеет место экспериментальная площадка для апробирования инструментов регулирования финансовых технологий, находящихся на стадии развития.

12 сентября 2017 г. FCA проинформировало инвесторов, что не планирует вводить запрет на ICO на законодательном уровне.

Регулятор также напомнил, что участие в ICO является «высокорисковым занятием, которое может повлечь потерю всех вложенных инвестором средств» [1]. Также управление рекомендовало субъектам рынка внимательно ознакомиться с информацией о планируемом объекте инвестирования, включая репутацию участников проекта.

В США на государственном уровне отсутствует единое мнение касательно правовой природы криптовалют. Например, согласно налоговой службе США, криптовалюта является объектом федерального налогообложения. Комиссия по торговле товарными фьючерсами относит все виды активов, в том числе токены и криптовалюту, к товарам. Согласно решению суда федерального окружного суда Южного округа Нью-Йорка, биткоин и другие виды криптовалюты – денежные средства.

В свою очередь Китай занял противоположную позицию относительно рынка криптовалют. Народный банк Китая в своем обращении «Предостережение о рисках, связанных с использованием биткоинов» (Prevention of Risks Associated with Bitcoin) объявил продажу криптовалютных токенов незаконной финансовой операцией, которая угрожает стабильности на рынках капитала и нарушает права инвесторов. Однако отмечалось, что граждане имеют право использовать биткоины в торговле на свой риск, допустима интернет-торговля. Иная ситуация наблюдалась касательно финансовых и платежных организаций: они не имели права покупать и продавать биткоины, а также предлагать продукты и услуги, связанные с ними. Помимо этого, они не могли использовать криптовалюту в качестве средств для финансовых вложений.

4 сентября 2017 г. Народный банк внес коррективы в данные положения. Был установлен запрет на ICO и все операции по обмену криптовалют. Это решение было вызвано участвовавшими случаями совершения финансовых махинаций и построения пирамид. Далее опыту Китая последовала и Корея: Комиссия по финансовым услугам осенью 2017 г. заявила, что запрещены все формы ICO, а также выдача займов в криптовалюте. Данное решение Комиссия объяснила тем, что ICO вносит риски для инвесторов и имеет сходство с финансовым пузырем.

Основная опасность для организаторов системы ICO в РФ – уголовная ответственность за offer и продажу активов криптовалюты широким слоям населения при условии причинения инвесторам вследствие этого имущественного ущерба.

Еще одной вариацией рискованной ситуации является нарушение налогового и «антиотмывочного» законодательства [4]. Объективно добросовестная ICO не образует никакого уголовного состава, но, учитывая пробелы в праве и законодательстве, а также полное отсутствие судебной практики, рационально не допустить юристами возникновения рисков признания размещения токенов противоправным способом привлечения инвесторов. Один из юристов дал очень четкое определение этой ситуации: «Никто не хочет оказаться первым» [7].

В качестве возможного риска применения криптовалюты Банк России отмечает потенциальные финансовые потери. Рынок токенов подвержен высокой волатильности, следовательно, возможны резкие скачки их стоимости. Этот риск также касается и обменных курсов криптовалют в целом.

Таким образом, можно тезисно выделить положительные и отрицательные характерные черты криптовалюты.

Положительные черты:

- *анонимность* – заключается в том, что отправитель и получатель денежных средств остаются неизвестными, т. е. никто не видит, кому и от кого идут деньги;
- *децентрализованность* проявляется в независимости этого вида валюты от государственного регулятора;
- известность эмиссионного объема денежной массы;
- растущий спрос и популярность на международной арене.

Отрицательные черты:

- *отсутствие физического подкрепления валюты* – вследствие этого существует высокий риск лишиться реальных денег при вложении;
- *анонимность* способствует развитию нелегального рынка;
- *высокие требования к объему дискового пространства*, так как объем информа-

ции, которую необходимо обрабатывать клиенту, неуклонно растет;

– существует *опасность скрытого майнинга*: различные вирусы могут проникать на компьютер, запуская при этом приложения майнинга и таким образом используя вычислительные мощности компьютера в своих корыстных целях.

Наиболее перспективным видом токенов сейчас можно назвать продуктовый токен. Такие токены можно вполне беспрепятственно использовать в рамках настоящего российского правового регулирования. Также на мировой арене уже появились первые ICO-проекты, операционная компания которых находится в РФ. Часто встречаются прецеденты, когда судья выносит отказ в удовлетворении исковых требований по причине отсутствия определенности в статусе криптовалют в контексте объектов гражданских прав. Мы считаем, что целесообразно отнести большинство криптовалют и токенов к категории имущественных прав.

Правоприменительная практика в России в настоящий момент ограничивается единичными решениями по криптовалютам, среди которых встречаются отдельные положительные прецеденты, допускающие операции с ними. В этой связи оптимистичным выглядит также и октябрьское поручение Президента РФ о разработке Правительством РФ и ЦБ РФ к лету 2018 г. нормативного регулирования ICO [3], которое должно и может являться законным способом привлечения инвестиций.

Представляется, что наиболее рациональным решением станет обдуманное и гибкое регулирование, учитывающее все детали такого института, как рынок криптовалют, а также всю палитру интересов, как частных, так и публичных.

Будет ли биткоин существовать и развиваться в будущем – весьма спорный вопрос. Биткоин решает аспект инфляционной природы денег за счет ограниченного количества денежных единиц, но в то же время создает другую проблему – сложность в удовлетворении постоянно растущих потребностей современной экономики. Вряд ли биткоин сможет стать унифицированным всеобщим платежным средством, но, несмотря на это, он имеет право на существование.

И все-таки биткоин как вид криптовалюты совершенствует правила финансово-экономической игры, предлагая более гибкий и инновационный метод оплаты: любое лицо получает возможность отправить любую сумму денег в любое место назначения за максимально короткое время.

С этими деньгами нельзя совершить такие операции, как конфискация, заморозка или арест, но крупные богатства можно создать только с разрешения правительства. Возможно, в будущем система криптовалюты получит совершенствование, на это есть все шансы, однако сейчас существование биткоина возможно только лишь параллельно с фиатными деньгами.

Список литературы

1. Бизнес на биткоинах: миф или реальность. – URL: www.1jur.ru/#/document/189/411946/ (дата обращения: 27.03.18).
2. Виртуальные валюты: руководство по применению риск-ориентированного подхода / ФАТФ, 2015. – URL: <http://www.eurasiangroup.org>, свободный. (дата обращения: 27.03.18).
3. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному собранию. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/57078>, (дата обращения: 27.03.18).
4. Ревенков П. В. Электронные деньги: анализ источников риска в схемах, направленных на отмыwanie денег // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. – 2014. – № 4.
5. Рынок ICO в России вдвое превысил объемы венчурных инвестиций. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59e5f7359a7947a864eb808f>, (дата обращения: 27.03.18).
6. Chodorow A. Bitcoin and the Definition of Foreign Currency // 19 Florida Tax Review 367. – 2016.
7. Murphy E., Murphy M., Seitzinger M. Bitcoin: Questions, Answers, and Analysis of Legal Issues. U.S. Congressional Research Service. – 2015.
8. Virtual Currency Schemes. European Central Bank. – 2012.

**Правовое регулирование реализации государственной программы
«дальневосточный гектар» и возможные риски, связанные с ней**

И. В. Тюрин

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Tyurin.IV@rea.ru

Н. А. Горшелева

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: gorshelvanina@rambler.ru

А. В. Митюшина

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: an.mituschina@yandex.ru

**Legal Regulation of the Implementation of the State Program
«Far Eastern Hectare» and the Possible Risks Associated with It**

I. V. Tyurin

Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Tyurin.IV@rea.ru

N. A. Gorsheljova

Fourth-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: gorshelvanina@rambler.ru

A. V. Mityushina

Fourth-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: an.mituschina@yandex.ru

Аннотация

В данной статье исследуются общие положения Федерального закона «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также проводится его правовой анализ. Кроме того, выявляются основные проблемы и возможные риски, связанные с реализацией данного закона. Авторы обосновывают необходимость уточнения отдельных вопросов, в недостаточной степени урегулированных законодательством о программе «Дальневосточный гектар». В частности, рассматриваются проблемы неполноты информации о содержании декларации, подаваемой Министерству РФ по развитию Дальнего Востока; относительной незащищенности граждан при предоставлении земельного участка в собственность или в аренду; проблемы, связанные с отсутствием межевания как обязательного элемента землеустройства.

Ключевые слова: дальневосточный гектар, земельный участок, безвозмездное пользование, приватизация земли, земельное законодательство, освоение земель, Дальневосточный федеральный округ, Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, декларация о землепользовании.

Abstract

This article examines the general provisions of the federal law "On the peculiarities of granting to citizens of land plots in state or municipal ownership and located on the territories of the constituent entities of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District and on amending certain legislative acts of the Russian Federation" Its legal analysis is also conducted. In addition, the main problems and possible risks associated with the implementation of this law are identified. The article justifies the need to clarify certain issues that are not adequately regulated by the law on the Far Eastern hectare program. In particular, article considers: the problems of incompleteness of information on the content of the declaration to the Ministry of the Russian Federation for the development of the Far East relative insecurity of citizens in the provision of a land plot in ownership or in rent; problems associated with the lack of land surveying as an obligatory element of land management.

Keywords: Far Eastern hectare, land, gratuitous use, land privatization, Land legislation, Land development, Far Eastern Federal District, Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East, land use declaration.

Вопрос о необходимости освоения земель Дальнего Востока России неоднократно возникал в истории нашей страны. Значительный вклад в разрешение этого вопроса внесли еще столыпинские реформы начала XX в. В результате часть крестьянского населения была переселена на эти земли, что способствовало их освоению и развитию. На сегодняшний день данная проблема не потеряла своей актуальности, так как территории региона имеют потенциал и большую площадь, но они до сих пор недостаточно экономически развиты.

В чем причины этой недостаточной развитости? Во-первых, это обуславливается особенностями климатических условий, создающих неблагоприятные условия для жизни людей. Во-вторых, трудности развития вызваны слабо организованной инфраструктурой хозяйственной деятельности. Еще одной значимой причиной является ограниченность сфер возможной деятельности, вызванная малочисленностью населения Дальнего Востока.

Из этого следует, что для решения данной проблемы необходимо привлечение человеческого ресурса на данные территории. Добиться такого результата можно только при создании выгодных и привлекательных условий для жизни, преобладающих над «недостатками» данного региона.

С января 2017 г. действует федеральный закон «Об особенностях предоставления

гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О дальневосточном гектаре») [7], который заложил правовые основы программы «дальневосточный гектар».

Суть программы, предусмотренной данным законом, заключается в том, что гражданам Российской Федерации предоставляются земельные участки в безвозмездное пользование на основании поданного ими заявления.

Данные участки располагаются на территориях Республики Саха (Якутия), Приморского края, Хабаровского края, Камчатского края, Сахалинской области, Магаданской области, Амурской области, Чукотского автономного округа, Еврейской автономной области. Согласно пункту 1 статьи 2 данного федерального закона, площадь земельного участка не может быть больше одного гектара на каждого гражданина. В законах указанных субъектов РФ могут быть обозначены территории, где земельные участки не предоставляются в безвозмездное пользование.

Срок предоставления земельных участков в безвозмездное пользование равен пяти

годам, и в этот период граждане не облагаются земельным налогом.

Для упрощения процесса подачи гражданами заявлений была создана федеральная информационная система, доступ к которой обеспечивается посредством официального сайта Росреестра РФ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [6].

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) в течение 7 дней со дня поступления заявления может либо возвратить его обратно при наличии указанных в законе причин, либо разместить в информационной системе информацию о поступлении заявления и обеспечить подготовку на публичной кадастровой карте границ будущего земельного участка. По истечении 20 дней со дня поступления заявления Росреестр проводит проверку и по ее результатам подготавливает проект договора безвозмездного пользования земельным участком в трех экземплярах, направляя их для дальнейшего подписания заявителю. Тот, в свою очередь, должен подписать и направить проект договора в территориальное подразделение Росреестра в срок, который не превышает 30 дней со дня, когда гражданин получил такой проект договора. По истечении пяти дней после поступления уже подписанного гражданином проекта договора уполномоченный орган осуществляет обеспечение его подписания и заявляет о государственной регистрации права безвозмездного пользования участком.

Гражданин может использовать предоставленный ему таким образом участок для любой, не запрещенной федеральным законом деятельности. В состав земель, в отношении которых действует обозначенная выше программа, входят земли разных целевых категорий. Разрешенные виды деятельности на землях населенных пунктов определяются в соответствии с градостроительным регламентом субъекта РФ. Согласно Лесному кодексу РФ [3], на землях лесного фонда допускаются такие виды деятельности, как: заготовка древесины; заготовка и сбор недревесных лесных ресурсов; заготовка пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений; заготовка живицы; осуществление

видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства, а также ведение сельского хозяйства и др.

При предоставлении гражданину земель, входящих в состав лесного фонда, он вправе использовать виды деятельности, предусмотренные пунктами 1–14 части 1 статьи 25 Лесного кодекса РФ. В случае перевода земель в иную категорию он может использовать их для таких видов деятельности, как организация крестьянского (фермерского) хозяйства или индивидуальное жилищное строительство, а также садоводство, огородничество, ведение личного подсобного хозяйства, дачное хозяйство.

Заключение таких договоров, как купля-продажа, аренда, дарение, а также договоров безвозмездного пользования или договоров доверительного управления в отношении земельных участков, в рамках программы не допускается с иностранным государством или международной организацией, иностранным гражданином, лицом без гражданства, иностранным юридическим лицом или юридическим лицом, если в уставном (складочном) капитале имеется какая-либо доля иностранного государства, международной организации, иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства, так как в законе нет каких-либо оговорок о возможном участии их в программе.

С точки зрения организации управленческих процессов немаловажную роль в рассматриваемом вопросе играет Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития). Одной из его основных функций является координирование действий по осуществлению государственных, а также федеральных целевых программ, в том числе долгосрочных [5].

В соответствии с Федеральным законом «О дальневосточном гектаре», субъекты РФ в своих нормативно-правовых актах могут определять границы территорий земельных участков, которые не могут предоставляться в безвозмездное пользование, но проект такого закона должен включать основанные на содействии с Минвостокразвития РФ указание местоположения территорий, в границах которых земельные участки не могут предо-

ставляться, их площадь и основания, и в соответствии с ними земельные участки не могут быть переданы гражданам в безвозмездное пользование. Тем самым проявляется названная функция координации в реализации данной государственной программы.

По истечении трех лет со дня заключения гражданином договора безвозмездного пользования земельным участком, он должен предоставить в течение трех месяцев в Минвостокразвития России декларацию об использовании земельного участка. В Федеральном законе «О дальневосточном гектаре» уточняется, что форма данной декларации утверждается непосредственно органом, который осуществляет деятельность по реализации государственных программ и федеральных целевых программ на территории Дальневосточного федерального округа, т. е. Минвостокразвития РФ.

В связи с этим возникает вопрос о содержании данной декларации, которой нет в открытом доступе, соответственно граждане, заключая договор, не знают, какую информацию о земельном участке они должны будут предоставить. Что, по-нашему мнению, вызывает массу сомнений, не будут ли данные требования слишком завышенными для перспектив дальнейшего использования земельного участка и последующего приобретения его в собственность. Непредставление же декларации об использовании земельного участка в указанный срок выступает основанием для внеплановой проверки по соблюдению гражданами требований земельного законодательства.

Минвостокразвития по данному поводу на своем официальном сайте отвечает, что форма такой декларации об использовании земельного участка будет выработана позже с учетом правоприменительной практики реализации Федерального закона «О дальневосточном гектаре» [4]. Это, в свою очередь, не дает даже возможности на этапе подачи заявления и получения земли оценить возможные риски, с этим связанные.

В пункте 4 статьи 2 федерального закона, регулирующего отношения по предоставлению земли на Дальнем Востоке, закреплено, что земельный участок предоставляется

гражданину в безвозмездное пользование сроком на пять лет. После этого гражданин имеет право получить земельный участок по своему выбору в аренду или в собственность (безвозмездно либо за плату). Исключением являются лишь земли, предоставленные из лесного фонда, их можно получить только в аренду согласно общим положениям лесного законодательства. Плата за земельный участок устанавливается в определенных случаях, а именно если его площадь превышает площадь более одного гектара на гражданина РФ. В этом случае на основании подпункта 2 пункта 9 статьи 10 Федерального закона «О дальневосточном гектаре» стоимость земельного участка по договору купли-продажи должна выводиться из произведения площади земельного участка, которая превышает установленную норму (в квадратных метрах) и 15% от размера кадастровой стоимости земельного участка (в рублях).

Порядок предоставления земельных участков в собственность или в аренду регулируется статьей 10 все того же федерального закона. В частности, в ней говорится, что право собственности, а также право на заключение договора аренды переходит к гражданину, с которым уже заключен договор безвозмездного пользования, при подаче им заявления. Такое заявление подается не раньше, чем за шесть месяцев до истечения срока договора безвозмездного пользования. Однако вопрос о сроках подачи такого заявления не до конца урегулирован законом. Например, нет указания на окончание срока подачи такого заявления, можно только предположить, что его можно подать не позже окончания договора о безвозмездном пользовании земельным участком. Еще одной проблемой, связанной со сроками, будет являться отсутствие закрепления положений об их пропуске, так как вполне возможны случаи, когда у гражданина объективно нет возможности подать заявление за полгода до окончания действия договора о безвозмездном пользовании.

Закон предусматривает случаи, когда Росреестр вправе отказать в предоставлении земельного участка в собственность или в аренду. Основаниями к этому могут быть не

устраненные вовремя предписания, выданные гражданину за нарушение земельного или лесного законодательства, а также прекращение гражданства РФ. Однако нет положений, позволяющих гражданину обжаловать такое решение уполномоченного органа, что, по сути, делает его здесь незащищенным в своих правах. Таким образом, в случае недобросовестного исполнения своих полномочий компетентным органом гражданин может подвергнуться большим рискам утраты земельного участка, который находился до этого в его пользовании. Из этого можно сделать вывод, что такое положение закона нарушает принцип устойчивости земли как один из основополагающих принципов российского земельного права.

Согласно пункту 5 статьи 6 федерального закона, посвященного дальневосточному гектару, основанием для проведения кадастрового учета вновь образуемого земельного участка будет утвержденная схема размещения этого земельного участка в виде электронного документа на публичной кадастровой карте, которая должна быть подготовлена при помощи информационной системы. Кроме того, предварительная подготовка и направление в орган регистрации прав на землю не требуют межевого плана. Схема расположения земельного участка на кадастровом плане является, согласно Земельному кодексу РФ [2], одним из способов, в результате которого образуется участок из земель или земельных участков, что находятся в государственной или муниципальной собственности. Иным способом для образования земельного участка будет также являться межевание территории. Подготовка планов межевания застроенных территорий осуществляется для установления границ таких участков и границ.

На сегодняшний день система расположения земельного участка на публичной кадастровой карте в виде электронного доку-

мента является удобным способом, но имеет и свои недостатки. Главным ее недочетом является возможность смещения границ образуемого участка на территории ограниченных в обороте земель. Несмотря на то, что Федеральный закон «О дальневосточном гектаре» сравнительно недавно вступил в силу, такие проблемы уже встречаются на практике. 13 февраля 2017 г. общественная организация «Экологическая вахта Сахалина» во время проведения мониторинга этого закона обнаружила, что гражданам были предоставлены земельные участки, расположенные в границах государственного природного заповедника «Поронайский», что является нарушением законодательства [8]. Конституционно-правовая характеристика земли и других природных ресурсов как основы жизнедеятельности и деятельности всего многонационального народа, их многофункциональная роль определяют требование их рационального и эффективного использования, охраны как важнейшей части природы естественной среды обитания человека [1. – С. 221].

Таким образом, можно сделать вывод, что в Федеральном законе «О дальневосточном гектаре» достаточно четко определен порядок организации государственной программы «дальневосточный гектар», за исключением некоторых нюансов, рассмотренных выше. Также существуют и отдельные проблемы реализации программы, связанные с климатическими и инфраструктурными вопросами, создающими трудности для благоприятной жизнедеятельности людей. С учетом того, что предоставляемые земельные участки зачастую расположены удаленно от населенных пунктов, возникает особая необходимость в урегулировании правоприменения в отношении ситуаций, связанных с развитием инфраструктуры. Это забота должна быть возложена на органы как государственной, так и муниципальной власти.

Список литературы

1. Болтанова Е. С. Основы публичных и частных интересов в правовом регулировании застройки земель // Правоведение. – 2014. – № 2. – С. 213–224.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 03.07.16) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 29 октября. – № 44. – Ст. 4147.
3. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 11 декабря. – № 50. – Ст. 5278
4. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. – URL: <http://minvr.ru/> (дата обращения: 12.03.2017).
5. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2012 г. № 664 (ред. от 21.12.2016) «О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока» (вместе с «О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока») // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 9 июля. – № 28. – Ст. 3898.
6. Федеральная информационная система по автоматизации процессов предоставления гражданам в безвозмездное пользование земельных участков на территории Дальневосточного федерального округа. – URL: <https://xn--80aagvggieoeoa2bo7l.xn--p1ai/> (дата обращения: 12.03.2017).
7. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – 2 мая. – № 18. – Ст. 2495.
8. Экологическая вахта Сахалина. – URL: <http://www.ecosakh.ru/> (дата обращения 12.03.2017).

**Рецензия на статью А. М. Джафарова
«Доктрина разделения властей и проблема ее реализации в странах СНГ»**

Г. А. Василевич

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент
Национальной академии наук Беларуси,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета.
Адрес: Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Ленинградская, д. 8.
E-mail: Gregory_1@tut.by

**Review of the Article by A. M. Jafarov
"Doctrine of Separation of Powers and the Problem
of Its Implementation in the CIS Countries"**

G. A. Vasilevich

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member
of the National Academy of Sciences of Belarus,
Head of the Department of Constitutional Law
of the Belarusian State University.
Address: Belarusian State University, 8 Leningradskaya Str.,
Minsk, 220030, Republic of Belarus.
E-mail: Gregory_1@tut.by

С интересом ознакомился с рукописью статьи доктора юридических наук, заместителя Министра юстиции, члена Судебно-правового совета Республики Азербайджан «Доктрина разделения властей и проблемы ее реализации в странах СНГ» А. М. Джафарова. Как нам представляется, основная идея статьи указанного автора заключается в ответственности власти за состояние дел в государстве, в разумном использовании достижений западной цивилизации, необходимости учета собственных национальных и исторических традиций в сфере управления общественными процессами. Профессор А. М. Джафаров обосновывает идею более эффективного и качественного управления в условиях единоначалия. Так или иначе, позиция автора такова, что он предлагает критически взглянуть на целесообразность безоглядной реализации в современных условиях идей Дж. Локка и Ш. Монтескье о разделении властей. Считаем, что для развития юридической науки подобного рода нетипичные позиции весьма полезны, так как они побуждают посмотреть на сложившиеся стандарты управления, увидеть

позитивное и негативное. В том, что здесь есть проблемы, убеждает и ранее вышедшая (2011 г.) статья корифея юридической науки профессора Ю. А. Тихомирова «О новом "Духе законов", или... Прощай, Монтескье?» [3].

Согласны с оценками А. М. Джафарова о том, что использовать чужой опыт следует крайне осторожно. Он убедительно показал, что произошло в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия, когда была ослаблена управляемость, влияние государства, гипертрофирование возможностей рынка.

И все же лучше ли станут жить люди, счастливее, материально богаче, духовно развиты, если панацеей станет единоличное руководство государством, а разделение властей уйдет в историю как отжившая свое идея? Полагаем, что нет, отказываться от реализации принципа разделения властей нельзя. На наш взгляд, следует сосредоточиться на разумной «шлифовке» системы сдержек и противовесов, на формировании характерной для правового, демократического, социального государства рациональной парадигмы взаимодействия властей.

Действительно, идея разделения и взаимодействия властей остается сегодня одной из ключевых проблем, находящихся в поле пристального внимания правоведов, политологов, социологов и иных ученых и практиков. Ее суть отражает форма правления, которая представляет собой систему сложившихся на основе Конституции отношений между различными ветвями власти. Форма правления подвижна: она испытывает влияние политических и социально-экономических процессов, происходящих в обществе, что получает отражение в конституционном тексте. Если обратиться к истории стран Содружества Независимых Государств, то можно наблюдать в последние два десятилетия движение маятника от слабости власти к ее усилению. В СНГ преобладают президентские республики, во главе которых находятся президенты с весьма широкими полномочиями. «Переформатирование» властной парадигмы в Армении в связи с внесением изменений в Конституцию этой страны принципиально не меняет нашего отношения к тому, что на определенных этапах истории усиление единоначалия необходимо во благо всего государства и общества. Полагаем, что и переход от президентской по форме правления к парламентской республике при наличии консолидированного парламентского большинства, позволяющего обеспечивать сильную исполнительную власть, исключает ослабление функции государственного управления.

На наш взгляд, выбор формы правления во многом зависит от предшествующего опыта руководства страной, расстановки политических сил в обществе к моменту принятия Конституции (об этом писал и Ф. Лассаль, говоря о сущности Конституции). Практика прибалтийских республик бывшего СССР в этом убеждает. Другой пример – республики Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Россия. В западном мире – США, Франция, когда ее форма правления трансформируется из президентско-премьерской республики в президентскую в условиях принадлежности президента и большинства во французском парламенте к одной политической силе.

Конечно, к разделению властей нельзя относиться как к абстрактной теории. Наоборот, она всегда отражала конкретную расстановку политических сил, их интересы, борьбу

и взаимодействие в период власти феодалов, дворянства и нарождающейся буржуазии. Без анализа политической и социальной обстановки невозможно понять не только генезис, но и назначение теории разделения властей, заложенный в нее потенциал [2. – С. 3].

Принципиальным моментом в президентской республике является то, что президент – глава государства и исполнительной власти. Но и в условиях президентской республики президент не должен обладать абсолютными полномочиями, ведь любой смертный человек имеет много слабостей, они еще более явно проявляются, когда нет внешних сдерживающих факторов. Надеяться только на внутренние факторы, на самоограничение, как показывает история, не приходится.

Справедливо Ш. Монтескье отмечал, что при необходимости полного равноправия, равновесия и независимости властей они обязаны взаимодействовать. Он исключал концентрацию власти в руках одного человека, чтобы предотвратить злоупотребления [1. – С. 298]. Однако это не значит, что у главы государства, который также возглавляет исполнительную власть, должно быть столько же полномочий, сколько и у парламента. У каждого свои права, обязанности и ответственность. Но президент в президентской по форме правления республике, естественно, является доминирующим субъектом на политической сцене. Он – главная фигура.

Тесному сотрудничеству властей и Ш. Монтескье, и Дж. Локк отдавали предпочтение перед их «разделением». При этом основная, центральная функция каждой ветви власти не может быть выполнена иной ветвью власти. С учетом национального и зарубежного опыта мы видим, что определенные элементы «вторжения» одной ветви власти в полномочия другой ветви власти закрепляются на законодательном уровне. Например, принятие парламентом закона об амнистии или издание главой государства указа о помиловании является проявлением судебных полномочий.

В процессе реализации принципа разделения властей нежелательны попытки ослабить или нарушить указанный принцип. Это относится и к парламенту, когда власть концентрируется исключительно у представительного органа, и к главе государства, в от-

ношении которого не предусматривается система сдержек и противовесов. Устойчивость системы правления будет обеспечена лишь при нахождении оптимального соотношения полномочий государственных органов, когда они будут органически вытекать из функций, присущих по самой природе этим органам. Здесь необходимы гарантии того, что ни один из государственных органов не будет свободен от контроля другого. Это обеспечивает силу власти и в то же время делает ее более безопасной для тех, кому она служит. Исходя из непринципиальных различий в том, находится ли абсолютная власть в руках одного лица или большой группы людей (парламента), правильным будет вывод, что тирания коллегиального органа также опасна, как и тирания одного лица. Концентрация власти может быть исключена ее рассредоточением между государственными органами и определением границ власти.

Трансформация идеи разделения властей и их взаимодействие на практике в системе сдержек и противовесов во имя надлежущего

выполнения всеми субъектами власти обязанностей перед народом, доверившим ему власть, показала свою эффективность и полезность. Как было замечено, демократия – ужасная вещь, но ничего лучше человечество пока не придумало. Разделение властей как раз и служит тому, чтобы власть не только исходила от народа, но и ему принадлежала.

Огромная польза статьи профессора А. М. Джафарова в том, что она заставляет обратиться к одному из важнейших аспектов развития государства, еще раз осмыслить те проблемы, с которыми столкнулись наши государства в период становления их суверенитета. Оценки процессов политического и общественного развития на начальном этапе обретения независимости, которые даны уважаемым профессором А. М. Джафаровым, нами в общем разделяются, как и разделяется то, что необходим дальнейший поиск направлений повышения эффективности государственного управления.

Список литературы

1. *Монтескье Ш.* О духе законов. – СПб., 1890.
2. *Топорнин Б. Н.* Разделение властей и государственная организация // Разделение властей и парламентаризм. – М. : ИГиП РАН, 1992.
3. *Тихомиров Ю. А.* О новом «Духе законов» или... Прощай, Монтескье? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 2 (81). – С. 97–104.

**Рецензия на статью А. М. Джафарова
«Доктрина разделения властей
и проблема ее реализации в странах СНГ»**

Л. Г. Гусейнов

Судья в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) от Республики Азербайджан.

Адрес: Европейский суд по правам человека,

F – 67075 Strasbourg-Cedex

E-mail: lhuseynov@hotmail.com

**Review of the Article by A. M. Jafarov
"Doctrine of Separation of Powers and the Problem
of Its Implementation in the CIS Countries"**

L. H. Huseynov

Judge at the European Court on Human Rights (ECtHR) from Republic of Azerbaijan.

Address: European Court of Human Rights Council of Europe,

F – 67075 Strasbourg-Cedex

E-mail: lhuseynov@hotmail.com

Независимо от того, в какой степени будут восприняты учеными-конституционалистами идеи доктора юридических наук А. Джафарова, в данной статье, несомненно, он поднимает вопросы фундаментального характера.

В широком плане эти вопросы касаются конституционно-правовых реалий в постсоветских странах и перспектив их развития. Более конкретно автор подчеркивает необходимость основательного совершенствования концепции Монтескье о разделении властей и взамен представляет на обсуждение доктрину, основанную на принципе неделимости верховной власти, носителем которой является всенародно избранный глава государства.

Прежде всего хочу отметить, что сегодня на политической карте мира вряд ли можно найти страну, где бы полностью была применена концепция разделения властей Монтескье. При конституционном закреплении и практической реализации данной концепции, как правило, учитываются традиции государственности, особенности правовой системы, соотношение существующих в стране социальных и политических сил, культурно-национальные особенности народа и т. д.

В наши дни, с одной стороны, имеются примеры превращения государства из прези-

дентской республики в парламентскую. Но с другой стороны, усиление исполнительной власти сегодня является одной из характерных тенденций конституционного развития целого ряда стран.

Вместе с тем, какая бы модель разделения властей ни существовала в той или иной стране, полагаю, что в ее основе должна лежать система сдержек и противовесов; без эффективно функционирующего механизма сдержек и противовесов нет и не может быть современной демократии.

Что касается предложенной автором доктрины, думаю, что она заслуживает внимания и вызовет обсуждения в научных кругах. Нужно оговориться, что предложенная схема не претендует на универсальность, что косвенно признает и сам автор. Устройство и осуществление власти в государствах, избравших форму парламентской республики или конституционной монархии, не вписываются в указанную схему.

Полагаю, что за этой статьей последуют более развернутые исследования автора, в которых будут детально проанализированы суть и основные составляющие предложенной им доктрины. В частности, как мне представляется, в прояснении и обстоятельном анализе нуждаются следующие вопросы:

1. Что конкретно имеется в виду под понятием «принцип неделимости верховной власти», на котором, по мнению автора, основывается предложенная им доктрина? Известно, что идея о неделимости верховной власти, но в совершенно другом, на мой взгляд, понимании и контексте выдвигалась многими мыслителями (например, Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббсом; последний, кстати, выступал против разделения властей).

2. В какой степени определенный автором статус президента будет соотноситься с одним из важнейших конституционных посту-

латов о том, что носителем верховной власти является народ?

3. Как в рамках предложенной доктрины будет осуществляться система сдержек и противовесов?

4. Какова будет конкретная роль президента в улаживании разногласий между, скажем, законодательной и судебной ветвями власти?

5. В чем будет проявляться участие президента в формировании муниципальной власти?

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.

3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5 строки.

Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.

Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.

4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:

– 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:

а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;

б) заглавие статьи;

в) аннотация – не менее 120 слов – должна включать:

- предмет исследования (не менее 65 слов);
- метод или методологию исследования (не менее 15 слов);
- научную новизну и выводы (не менее 40 слов).

г) ключевые слова – не менее 10 слов;

д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;

– 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:

а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;

б) заглавие статьи;

в) аннотация – не менее 120 слов – должна включать:

- предмет исследования (не менее 65 слов);
- метод или методологию исследования (не менее 15 слов);
- научную новизну и выводы (не менее 40 слов).

г) ключевые слова – не менее 10 слов;

– 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.

5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.

6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.

6.1. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

7. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

8. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

9. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

10. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

11. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.

12. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.